К. ГОЛОВИНЪ.

СОЦІАЛИЗМЪ

КАКЪ ПОЛОЖИТЕЛЬНОЕ УЧЕНІЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.
1892.

...отека ООЗ...

520
40

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Предисловіе.

Введеніе 1

Глава I. Содержаніе романа Беллэми.—Аллегорическая критика современнаго положенія.—Двѣ черты критики Беллэми: безполезная трата человѣческаго труда въ настоящемъ обществѣ и перепроизводство, вызванное незнаніемъ условій рынка.—Стремленіе къ сосредоточенію производства; дѣйствительные предѣлы этого стремленія . . 3

Глава II. Три направленія въ современномъ соціализмѣ: анархисты, умѣренные соціалисты и коллективисты.—Книга Беллэми выражаетъ собою программу послѣднихъ.—Характеръ будущей реформы по мнѣнію Беллэми.—Необыкновенное процвѣтаніе будущаго государства; его главная причина—огромное сбереженіе труда.—Оцѣнка этого сбереженія.—Огромное истребленіе капитала, неизбѣжное при новыхъ порядкахъ 8

Глава III. Организація производства въ государствѣ будущаго.—Одинаковость вознагражденія и всеобщая обязательность труда.—Рабочая армія.—Вопросъ о выборѣ профессіи въ связи съ вопросомъ объ устройствѣ народнаго образованія.—Умственный трудъ и либеральныя профессіи.—Ихъ привиллегированное положеніе въ будущемъ государствѣ 20

Глава IV. Вознагражденіе за трудъ въ государствѣ будущаго.—Научныя основанія нападокъ соціалистовъ на современную систему вознагражденія за трудъ: законъ мѣновой цѣнности Рикардо и Маркса. Законъ рабочей платы Лассаля (das eherne Lohngesetz).—Законъ образованія добавочной стоимости Маркса.—Значеніе этихъ трехъ законовъ; необходимость соразмѣрности вознагражденія съ выручкой по ученію соціалистовъ; принципъ «der Arbeit ihr voller Ertrag».—Несовмѣстимость этого требованія съ безусловнымъ имущественнымъ равенствомъ.—Неизбѣжность возстановленія неравенства при соразмѣрномъ вознагражденіи.—Процессъ этого возстановленія.—Полное

Стран.

равенство можетъ существовать только въ первобытномъ состояніи либо при отсутствіи свободы экономическихъ сдѣлокъ.—Выходъ изъ затрудненія, предлагаемый Беллэми и коллективистами: безусловное равенство вознагражденія.—Несправедливость такого равенства.—Доводы Беллэми въ его пользу: нравственное преобразованіе общества. Мѣры, предлагаемыя для борьбы съ порокомъ и лѣностью и для поощренія труда: несостоятельность этихъ мѣръ.—Мнимое отсутствіе въ будущемъ обществѣ стремленія къ наживѣ.—Неизбѣжность появленія неравенства даже при полной одинаковости вознагражденія. 28

Глава V. Вознагражденіе за умственный трудъ.—Полная невозможность урегулировать это вознагражденіе.—Печать въ государствѣ будущаго.—Политическое устройство: государственная служба, **система назначенія на должности** и выборы главныхъ должностныхъ лицъ.—**Бѣдность содержанія будущей** общественной жизни.—Несостоятельность политической системы **коллективизма**.—Невозможность рекрутировать административный персоналъ изъ простыхъ рабочихъ.—Устраненіе образованныхъ людей отъ политической жизни.—Крайняя шаткость политическаго устройства, какъ неизбѣжное слѣдствіе такого устраненія 43

Глава VI. Отсутствіе денежнаго обращенія и замѣна его купонами изъ расчетныхъ книжекъ.—Организація торговли: устройство торговыхъ складовъ и порядокъ выдачи изъ нихъ товаровъ.—Будетъ ли государство въ состояніи удовлетворить требованіямъ потребителей?—Двѣ категоріи товаровъ: предметы первой необходимости и предметы роскоши: основанія такого дѣленія.—Какъ измѣнится соотношеніе между ними въ государствѣ будущаго.—Невозможность для центральной власти предугадать требованія рынка для товаровъ обѣихъ категорій.—Неудобство казенныхъ складовъ для нѣкоторыхъ товаровъ и невозможность обойтись безъ частныхъ заказовъ.—Неизбѣжность частныхъ имущественныхъ сдѣлокъ между отдѣльными лицами.—Вознагражденіе за взаимныя услуги; невозможность его нормировки 53

Глава VII. Ошибочность мнѣнія о невозможности гражданскихъ сдѣлокъ при отсутствіи денежнаго обращенія. Мнѣніе это основано на невѣрномъ пониманіи значенія денегъ, какъ орудія мѣны и средства къ накопленію капиталовъ.—Различіе между движимымъ и недвижимымъ богатствомъ.—Ложное представленіе о денежной наличности, какъ о выразителѣ совокупности сбереженій.—Два вида капитала—производительный и потребительный или движимый въ тѣсномъ смыслѣ.—Два способа образованія потребительнаго капитала.—Истинное значеніе денегъ: ихъ двойная роль.—Суррогаты денегъ.—Характеръ и быстрота денежнаго обращенія.—Ежегодный доходъ измѣряется количествомъ продуктовъ, а не количествомъ денегъ, на которыя они обмѣниваются.—Въ соціалистическомъ госу-

дарствѣ купоны въ расчетныхъ книжкахъ неизбѣжно замѣнятъ собою деньги.—Невозможность помѣшать свободному обмѣну и накопленію сбереженій.—Личная собственность на движимость и свобода завѣщанія въ государствѣ будущаго; несовмѣстимость того и другого съ запрещеніемъ гражданскихъ сдѣлокъ.—Организація международной торговли при господствѣ коллективизма 62

Глава VIII. Общій взглядъ на ученіе Беллэми.—Его положительныя стороны.—Неосуществимость его плана: при личной свободѣ гражданъ должно неминуемо возстановиться имущественное неравенство. Единственный способъ помѣшать этому возстановленію заключается въ постоянномъ насиліи надъ свободой.—Невозможность избѣгнуть этого противорѣчія.—Въ конечномъ результатѣ ни свободы, ни даже полнаго равенства при коллективизмѣ быть не можетъ.—Ненормальное положеніе образованныхъ классовъ: несмотря на привилегію свободы отъ матеріальнаго труда они станутъ неминуемо въ оппозицію противъ новаго порядка.—Неизбѣжная шаткость этого порядка.—Недостижимость полнаго идеала благосостоянія. 80

Глава IX. Два возможныхъ возраженія сторонниковъ соціализма: 1) историческіе примѣры, 2) возможность иныхъ комбинацій.—Двѣ формы коммунистическихъ обществъ.—Отдѣльныя ассоціаціи; онѣ исключительно возникали на религіозной почвѣ.—Цѣлыя государства, основанныя на коллективномъ владѣніи: Китай, Перу, Парагвай.—Коммунистическое устройство всѣхъ этихъ государствъ обусловливалось строгимъ деспотизмомъ 86

Глава X. Теоретическія основы соціализма.—Критика существующаго порядка: обездоленіе рабочихъ и ихъ крайне бѣдственное положеніе; растущее сосредоточеніе богатства въ немногихъ рукахъ; разореніе сравнительно мелкихъ производителей благодаря конкурренціи; неминуемая гибель современнаго строя вслѣдствіе внутренняго разложенія.—Основательность нѣкоторыхъ изъ соціалистическихъ доводовъ; опроверженіе ихъ основной мысли.—Необходимость рѣшить вопросъ не въ абсолютномъ смыслѣ, а посредствомъ сравненія съ прошедшимъ.—Главная причина возникновенія пролетаріата: избытокъ рабочихъ рукъ въ деревнѣ и наплывъ рабочихъ въ города.—Признаки ухудшенія въ бытѣ рабочаго населенія 1) уменьшеніе рабочей платы; 2) сокращеніе потребленія и 3) увеличеніе эмиграцій.—Отсутствіе этихъ признаковъ въ настоящее время.—Общее возрастаніе заработка въ текущемъ столѣтіи.—Вопросъ о соотвѣтственномъ возрастаніи цѣнъ на товары; неравномѣрность этого возрастанія для различныхъ категорій.—Двѣ главныя причины противоположнаго измѣненія цѣнъ: численный ростъ достаточнаго класса и удешевленіе мануфактурнаго производства.—Вліяніе усиленной добычи благородныхъ металловъ въ XVI в. и въ текущемъ столѣтіи.—Усиленное потребленіе рабочаго класса; признаки этого усиленія.—

Стран.

Отсутствіе роста эмиграціи.—Несправедливость обвиненій капитала въ стремленіи поглотить мелкое производство и землевладѣніе.—Смѣшеніе соціалистами научнаго понятія о капиталѣ съ классомъ капиталистической буржуазіи.—Доказательство преувеличенія этихъ нападокъ: 1) дробленіе поземельной собственности, 2) пониженіе банковаго учета, 3) участіе мелкихъ капиталовъ въ крупныхъ ассоціаціяхъ 97

Глава XI. Три закона, служащіе научной основой соціализма.—Законъ о соразмѣрности мѣновой цѣнности съ количествомъ затраченнаго труда.—Цѣнность внутренняя или потребительная и цѣнность внѣшняя или мѣновая.—Опредѣленіе той и другой.—Воздѣйствіе потребительной цѣнности на мѣновую.—Три коэффиціента мѣновой цѣнности—самооцѣнка продавца и покупателя, число соискателей и количество товара на рынкѣ.—Высшій и низшій предѣлы самооцѣнки.—Вліяніе посредниковъ на мѣновую цѣнность.—Ученіе Рикардо и отличіе его отъ ученія Карла Маркса.—Критика ученія Рикардо 117

Глава XII. Ученіе Карла Маркса. Опредѣленіе мѣновой цѣнности и процессъ накопленія капитала посредствомъ образованія добавочной стоимости, абсолютной и относительной.—Двѣ особенности ученія Маркса: отрицаніе воздѣйствія потребительной цѣнности на мѣновую и преувеличенное значеніе денегъ въ процессѣ накопленія.—Единица рабочаго времени по мнѣнію Маркса всегда равноцѣнна независимо отъ степени производительности.—Возраженія противъ теоріи Маркса: 1) цѣль всякаго труда въ полученіи продукта; 2) трудъ оплачивается въ разныя времена въ разныхъ мѣстностяхъ неодинаково, 3) неодинаковая цѣнность разныхъ продуктовъ, произведенныхъ однимъ и тѣмъ же количествомъ труда; 4) отсутствіе неизбѣжной равноцѣнности при обмѣнѣ одного товара на другой; 5) случай увеличенія цѣнности помимо всякаго труда.—Двойная цѣнность, присущая труду.—Ученіе Маркса о цѣнности не законъ, а постулатъ.—Этотъ постулатъ осуществимъ только при первобытной формѣ хозяйства.—Свойство труда производить больше, чѣмъ нужно для работника, необходимое условіе экономическаго прогресса.—Выгода отъ сосредоточенія и организаціи производства.—Роль трехъ факторовъ производства.—Законъ распредѣленія.—Общность этого закона для всѣхъ трехъ факторовъ производства.—Противоположность мелкаго производства и капиталистическаго.—Желѣзный законъ рабочей платы (Das eherne Lohngesetz).—Неосновательность этого закона.—Высота рабочей платы въ Лондонѣ и въ Парижѣ 129

Глава XIII. Анархисты; значеніе Прудона.—Общность отрицательнаго ученія у анархистовъ съ прочими соціалистическими школами.—Отсутствіе у нихъ положительныхъ выводовъ.—Несовмѣстимость безусловной свободы съ признаніемъ чужихъ правъ.—Два вы-

Стран.

хода изъ этого противорѣчія: 1) нравственное перерожденіе общества и 2) полное разложеніе государства 155

Глава XIV. Умѣренные соціалисты.—Попытки сближенія соціалистовъ съ консерваторами.—Три формы умѣреннаго соціализма.—Лассаль, какъ представитель первой изъ этихъ формъ.—Теоретическія основы ученія Лассаля.—Его практическія требованія: требованія помощи со стороны государства рабочимъ ассоціаціямъ.—Трудная осуществимость этого требованія на практикѣ 159

Глава XV. Родбертусъ-Ягецовъ—представитель второй группы умѣренныхъ соціалистовъ.—Его двойственность и вытекающія отсюда противорѣчія въ его ученіи.—Основное положеніе Родбертуса и необходимая къ нему оговорка.—Два необходимыхъ условія для образованія ренты.—Родбертусъ представляетъ себѣ весь процессъ производства, какъ нѣчто цѣльное, какъ общественное, а не частногражданское явленіе.—Раціональное устройство общества по Родбертусу.—Отступленія, какія онъ дѣлаетъ отъ собственной теоріи.—Разногласія Родбертуса съ Марксомъ и Лассалемъ. Образованіе ренты по Родбертусу и раздѣленіе ея на ренту поземельную и доходъ съ капитала.—Теорія распредѣленія.—Законъ возрастанія обоихъ видовъ ренты.—Взаимодѣйствіе ренты и труда: два случая возвышенія продуктивности послѣдняго—увеличеніе числа рабочихъ и возвышеніе интенсивности труда.—Возраженія Родбертуса противъ ученія о рентѣ Рикардо.—Относительная справедливость этихъ возраженій.—Необходимая поправка къ теоріи Рикардо.—Критика ученія Родбертуса . . 165

Глава XVI. Третья группа умѣренныхъ соціалистовъ: аграрный соціализмъ.—Почему поземельной собственности грозитъ большая опасность, чѣмъ капиталу; особый характеръ права собственности на землю.—Двѣ формы государственнаго вмѣшательства въ земельные порядки; оно можетъ быть направлено либо къ измельчанію либо къ полному объединенію владѣнія землей.—Коренное различіе этихъ двухъ системъ.—Дурныя послѣдствія крайняго измельчанія поземельной собственности и предѣлы такого измельчанія.—Разновидность коллективнаго владѣнія.—Теорія происхожденія собственности при санкціи государственной власти и путемъ законодательства.—Ошибочность этой теоріи.—Какъ возникла поземельная собственность.—Ученіе о постепенномъ развитіи личной собственности изъ коллективной; теорія Лавелэ.—Различіе во взглядахъ антропологовъ и юристовъ.—Причины такого различія.—Теорія родовой и семейной общины (Мауреръ, Нассе, Мэнъ).—Разныя мнѣнія о происхожденіи общины въ Россіи: 1) родовая теорія (Эверсъ, Рейцъ, Чичеринъ, Соловьевъ, Кавелинъ); 2) теорія территоріальной общины (К. Аксаковъ и Бѣляевъ); 3) теорія вольной замки (кн. Васильчиковъ).—Новѣйшіе взгляды на тотъ же вопросъ: 1) теорія семейно-задружной общины (Леонтовичъ, Блюменфельдъ, А. Ефименко); 2) те-

Стран.

орія волостной общины (Соколовскій, Лалошъ).—Эволютивное ученіе антропологовъ (Летурно, Морганъ. Бюхеръ).—Опроверженіе этой теоріи; мнѣніе Даргуна 184

Глава XVII. Собственность возникла безсознательно, какъ простой фактъ, необоснованный на теоретическомъ понятіи.—Отсутствіе строгой закономѣрности въ развитіи собственности и соотвѣтствія между этимъ развитіемъ и формами быта.—Три вида возникновенія земледѣльческихъ поселковъ: 1) переходъ цѣлаго рода или племени отъ кочеваго быта къ земледѣлію; 2) выселеніе на новыя земли; 3) поселеніе въ одиночку.—Возникновеніе общины при каждомъ изъ этихъ трехъ видовъ заселенія.—Отсутствіе однородности въ ходѣ ея развитія.—Коллективное владѣніе не первичная форма собственности.—Разложеніе поземельной общины 211

Глава XVIII. Формы государственнаго владѣнія въ Россіи и на Западѣ.—Владѣніе это никогда не совпадаетъ съ непосредственною эксплуатаціей.—Двѣ различныя системы пользованія государственными землями: 1) мелкая крестьянская и 2) капиталистическая колонизація.—Ученіе Генри Джорджа.—Его опроверженіе; ничтожность положительныхъ результатовъ отъ замѣны косвенныхъ налоговъ конфискаціей ренты.—Невозможность надѣлить землей всѣхъ и каждаго.—Коллективное и государственное владѣніе ведетъ къ превращенію всѣхъ земледѣльцевъ въ батраковъ.—Оно не совмѣстимо съ врожденнымъ человѣку стремленіемъ завести себѣ отдѣльный домъ и самостоятельное хозяйство 223

Глава XIX. Общее заключеніе.—Соціалисты вынуждены выбирать между двумя исходами: возстановленіемъ неравенства и устраненіемъ личной свободы.—Всеобщее уравненіе при сохраненіи личной собственности лишь возвращеніе назадъ къ первобытному экономическому строю.—При полномъ коллективномъ или государственномъ владѣніи это равенство мыслимо лишь при совершенномъ порабощеніи . 237

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящій трудъ былъ вызванъ надѣлавшимъ столько шума романомъ Беллэми «Looking Backward». Онъ сперва былъ задуманъ лишь въ видѣ критическаго разбора этого романа, причемъ мы имѣли въ виду разсмотрѣть, какъ сложатся въ идеальномъ государствѣ будущаго различныя отправленія экономической жизни. Но покончивъ съ этимъ, мы убѣдились, что трудъ нашъ вышелъ бы неполнымъ, что любой читатель былъ бы вправѣ спросить, не осуществимы ли требованія соціализма при другой, нѣсколько иной организаціи. И дабы отвѣтить заранѣе на всякій подобный вопросъ, мы рѣшились нѣсколько расширить первоначальныя рамки нашей задачи и подвергнуть анализу всѣ возможныя комбинаціи соціалистической программы, разсмотрѣвъ, какіе практическіе результаты могло бы дать осуществленіе той или другой изъ теорій соціалистовъ. Съ этою цѣлью мы попытались изложить общіе соціалистамъ всѣхъ оттѣнковъ доводы, направленные противъ существующаго строя, чтобы перейти затѣмъ къ оцѣнкѣ тѣхъ научныхъ положеній, на которыхъ соціалисты основываютъ свои доктрины. Читатель найдетъ краткое изложеніе сущности

этихъ доктринъ, и заодно съ нимъ практическіе выводы изъ соціалистическихъ ученій, выводы, которые намъ зачастую приходилось дѣлать самимъ, такъ какъ своей положительной программы большинство соціалистовъ не договариваютъ.

К. Головинъ.

СОЦІАЛИЗМЪ КАКЪ ПОЛОЖИТЕЛЬНОЕ УЧЕНІЕ.

Соціалистовъ часто упрекаютъ за то, что, подвергая строгой критикѣ существующіе общественные порядки, они крайне скупы на какія либо положительныя указанія на счетъ тѣхъ будущихъ формъ общежитія, которыя по ихъ мнѣнію должны замѣнить собою современный намъ строй жизни. И въ литературѣ соціализма и въ рѣчахъ главныхъ представителей соціально-демократическихъ партій высказываются лишь общіе принципы, на которыхъ должна быть основана будущая организація общества. Но и въ тѣхъ и другихъ мы бы тщетно стали отыскивать попытки болѣе или менѣе точно формулировать, какимъ образомъ должно сложиться и существовать идеальное государство будущаго. Этотъ упрекъ, между прочимъ, выражаетъ извѣстный австрійскій публицистъ Шеффле, сдѣлавшій нѣчто вродѣ такой попытки въ своей брошюрѣ «Die Quintessenz des Sozialismus». Писатели соціалистическаго направленія обыкновенно возражаютъ на это, что строить какія либо предположенія о будущей организаціи общества не ихъ дѣло, такъ какъ задача ихъ пока ограничивается борьбой противъ существующаго зла. Надо, говорятъ они, сперва устранить это зло, сломать до основанія капиталистическій строй и такимъ образомъ разчистить мѣсто для лучшаго, болѣе справедливаго и разумнаго устройства. Къ чему поведетъ эта ломка, покажетъ будущее. Современному поколѣнію довольно и этой отрицательной работы. Не всегда впрочемъ соціалисты думали и поступали такимъ образомъ. Прошлая

литература соціализма вплоть до революціи 48 года довольно богата произведеніями, рисовавшими иногда съ большими подробностями государство будущаго. Но всѣ такія произведенія не имѣютъ большой научной цѣны, такъ какъ они совершенно отрѣшаются отъ положительныхъ данныхъ и являются лишь продуктами чистой фантазіи. Это либо романы, переносящіе насъ въ какую нибудь воображаемую страну, вродѣ Утопіи Томы Моруса и произведеній Бодэна и Кампанеллы, либо тяжеловѣсные трактаты съ большими притязаніями на философское глубокомысліе, но въ сущности основанные на чисто произвольныхъ и гадательныхъ предположеніяхъ. Таковы произведенія Сенъ-Симона, Фурье, Кабэ и Луи-Блана. Въ основѣ ихъ постоянно лежитъ вѣра въ совершенное перерожденіе человѣческой природы, т. е. вѣра, ничемъ не оправданная. Быть можетъ прежніе соціалисты предоставляли своей фантазіи такую широкую свободу какъ разъ потому, что близкое осуществленіе ихъ мечтаній имъ самимъ казалось очень невѣроятнымъ. Съ тѣхъ поръ какъ соціализмъ явился организованной политической партіей и потому сталъ реальнымъ факторомъ общественной жизни, онъ, повидимому, нѣсколько отрезвился и, по прежнему крайне смѣлый въ постановкѣ своихъ разрушительныхъ требованій, онъ уже не рискуетъ прямо высказываться насчетъ положительной стороны своего ученія. Въ виду этого не лишенъ интереса вышедшій полтора года тому назадъ въ Бостонѣ соціалистическій романъ Эдварда Беллэми Looking Backward. Интересенъ онъ уже въ силу того, что имъ впервые сдѣлана попытка обосновать будущій общественный строй не на какихъ нибудь фантастическихъ соображеніяхъ, а на данныхъ, подлежащихъ критическому разбору и почерпнутыхъ изъ дѣйствительности, хотя быть можетъ и нѣсколько прикрашенной въ угоду теоріямъ автора. Беллэми не пробуетъ облегчить свою задачу придумываніемъ невѣроятныхъ открытій и не прибѣгаетъ къ удобному способу устранить всѣ возраженія противника, къ ожидаемому коренному пересозданію психическихъ свойствъ человѣка. Конечно—мы увидимъ это ниже—онъ не всегда остается вѣренъ своей исходной точкѣ

и не разъ вынужденъ покинуть ту сравнительно трезвую почву, на которой онъ силится удержаться. Тѣмъ не менѣе въ его романѣ настолько добросовѣстности, что входить съ нимъ въ споръ представляется вполнѣ возможнымъ, и книга его даетъ намъ удобный случай для провѣрки тѣхъ новыхъ условій, при которыхъ призвано будетъ жить предполагаемое будущее общество.

I.

Мы не остановимся на фабулѣ романа Беллэми. Фабула эта сама по себѣ для насъ безразлична, и любопытствующаго читателя мы можемъ отослать къ разбираемой нами книгѣ американскаго автора. Сущность ея заключается въ томъ, что нѣкто Юліанъ Вестъ, богатый гражданинъ города Бостона, весною 1887 года въ одинъ прекрасный вечеръ засыпаетъ какимъ то чудодѣйственнымъ сномъ и просыпается лишь 113 лѣтъ спустя въ сентябрѣ 2000 года. Входить въ оцѣнку стараній автора сдѣлать правдоподобнымъ такой замѣчательный казусъ мы разумѣется не станемъ, такъ какъ это лишь невинный, хотя и довольно остроумный пріемъ, чтобы поставить образованнаго человѣка конца 19 вѣка лицомъ къ лицу съ картиной преобразованнаго общества начала 20 столѣтія. Точно также не будемъ мы касаться и романической завязки произведенія Беллэми, исторіи любви его проснувшагося героя къ юной и очаровательной Эдитѣ Литъ, которая волею судебъ и съ благословенія автора оказывается правнучкой бывшей невѣсты героя. Вся эта часть романа лишь какая то присказка къ его главному содержанію, присказка, быть можетъ, интересная для молодыхъ читательницъ, но ровно ничего не прибавляющая къ его основной темѣ. Вымыселъ автора оказался впрочемъ несомнѣнно удачнымъ въ одномъ отношеніи: онъ далъ ему возможность сопоставить новые будущіе порядки съ прежними, среди которыхъ мы живемъ теперь, и довольно яркими штрихами набросать сатирическую картину современнаго общества. Чтобы контрастъ вышелъ какъ можно рель-

офиѣ. Беллэми прибѣгаетъ къ своему любимому пріему. Въ самомъ концѣ романа его герой видитъ во снѣ, что онъ снова въ прежней обстановкѣ, въ родномъ своемъ Бостонѣ XIX в. И впечатлѣнія, одно другаго мрачнѣе, попадаются ему на каждомъ шагу: онъ видитъ картину страшной нищеты и удручающаго труда наряду съ праздной роскошью. Видитъ въ особенности, сколько этого труда пропадаетъ совершенно даромъ на ненужное размноженіе безполезныхъ занятій и на гибельную конкурренцію производителей, силящихся разорить другъ друга посредствомъ удешевленія производства и обманчивыхъ рекламъ. Когда онъ наконецъ подъ вечеръ утомительнаго дня является въ домъ своей бывшей невѣсты, гдѣ застаетъ многочисленное общество за роскошнымъ обѣдомъ, его осыпаютъ насмѣшками за то, что онъ позволяетъ себѣ громко осуждать эгоизмъ богатаго класса и взываетъ къ справедливости и къ милосердію своихъ слушателей. Картина эта является у Беллэми какъ бы дополненіемъ къ аллегоріи, набросанной авторомъ въ самомъ началѣ романа. Современное общество представлено имъ въ видѣ огромной колесницы, съ трудомъ пробивающей себѣ путь по крутой, ухабистой дорогѣ. Вмѣсто лошадей ее везутъ люди, изнемогающіе подъ непосильной тяжестью, а сидящіе на верху при каждомъ толчкѣ экипажа объяты страхомъ, какъ бы ихъ не выбросило съ насиженнаго мѣста. Тотъ, кто по недосмотру далъ себя выбросить на дорогу, навсегда теряетъ возможность снова взобраться на верхъ. И это постоянное опасеніе лишиться удобнаго мѣста служитъ, по увѣренію Беллэми, единственнымъ стимуломъ выказывать нѣкоторое состраданіе несчастнымъ, которые осуждены тянуть грузную повозку. Это состраданіе впрочемъ ограничивается словами утѣшенія, съ которыми ѣдущіе на колесницѣ обращаются къ возчикамъ, каждый разъ что дорога становится особенно трудною и грозитъ всеобщимъ крушеніемъ. Въ такія минуты они обнадеживаютъ несчастныхъ, запряженныхъ въ повозку, обѣщаніями награды въ загробной жизни, а порой даже снабжаютъ ихъ какимъ нибудь лекарствомъ, чтобы залечить причиненныя имъ увѣчія. Не будь этого страха,

пассажиры колесницы, говоритъ Беллэми, поскупились бы и на такую дешевую помощь. И всего замѣчательнѣе, что тѣ немногіе, которымъ удается послѣ невѣроятныхъ усилій попасть на одно изъ вожделѣнныхъ мѣстъ наверху, тотчасъ забываютъ о своихъ прежнихъ страданіяхъ и относятся съ полнымъ безучастіемъ къ своимъ недавнимъ собратьямъ. Кучеръ, управляющій колесницей, никто иной, какъ голодъ, и чѣмъ труднѣе становится дорога, тѣмъ усерднѣе онъ погоняетъ возчиковъ ударами бича. И никому изъ сидящихъ на повозкѣ не приходитъ въ голову, что можно было бы устроиться иначе и что нѣтъ никакой дѣйствительной необходимости принуждать огромное большинство людей къ такой непосильной работѣ для удобства немногихъ, удобства притомъ до крайности невѣрнаго, такъ какъ малѣйшій толчекъ можетъ лишить одного или нѣсколькихъ пассажировъ ихъ завидной доли.

Не трудно убѣдиться, до какой степени сгущены здѣсь краски. Не говоря уже о томъ, что вездѣ, а въ Америкѣ и подавно, не рѣдкій случай, когда одному изъ запряженныхъ въ колесницу удастс попасть въ число сидящихъ наверху, аллегорія Беллэми совершенно упускаетъ изъ виду тѣ многочисленныя ступени, какія въ дѣйствительности отдѣляютъ зажиточные классы отъ рабочихъ массъ. Диллемы, какую онъ намъ рисуетъ, на самомъ дѣлѣ нѣтъ вовсе: человѣчество вовсе не раздѣлено на двѣ рѣзко отличающіяся группы, а существуютъ между этими группами цѣлый рядъ неуловимыхъ, посредствующихъ оттѣнковъ. Совершенная неправда, что трудъ, если не ограничивать это понятіе однимъ физическимъ трудомъ —является исключительною долею одного рабочаго класса. Такая же неправда въ увѣреніи Беллэми, будто страхъ исключительный мотивъ благотворительности, и забота о низшихъ классахъ сводится къ однимъ благочестивымъ утѣшеніямъ. Это во всякомъ случаѣ никакъ уже не можетъ относиться къ Америкѣ, гдѣ столько благотворительныхъ и воспитательныхъ учрежденій создано по иниціативѣ частныхъ лицъ.

Но въ критической оцѣнкѣ, какую далъ Беллэми современному общественному строю, есть двѣ несомнѣнно очень

мѣткія черты. Правда, не одинъ Беллэми ихъ примѣтилъ, но онъ съумѣлъ ихъ выставить съ особенною рельефностью. Черты эти слѣдующія. Вопервыхъ нельзя не признать, что при современной экономической организаціи значительное количество труда пропадаетъ даромъ благодаря тому, что и производство и торговля недостаточно сосредоточены и вслѣдствіе этого на то и на другое тратится гораздо болѣе труда, чѣмъ бы слѣдовало, такъ какъ рабочій персоналъ непомѣрно великъ. Во вторыхъ, благодаря конкурренціи съ одной стороны, и незнанію дѣйствительныхъ условій рынка, неизбѣжному при существующей анархіи въ производствѣ, съ другой, является зачастую перепроизводство товаровъ, не находящихъ себѣ сбыта, вслѣдствіе чего цѣнности, создаваемыя человѣческимъ трудомъ, сплошь и рядомъ служатъ источникомъ раззоренія. И послѣднее явленіе тѣмъ страннѣе, тѣмъ ненормальнѣе, что наряду съ фабрикантами и торговцами, незнающими куда дѣвать свои товары, есть огромная масса потребителей, которымъ эти товары всетаки недоступны по своей цѣнѣ. Чѣмъ шире производство какого нибудь народа, тѣмъ этотъ народъ долженъ бы становиться богаче. А на самомъ дѣлѣ бываетъ далеко не такъ. Мы то и дѣло слышимъ о промышленныхъ кризисахъ, вызванныхъ перепроизводствомъ какого нибудь товара, а между тѣмъ этотъ самый товаръ остается недоступнымъ массѣ населенія. Откуда берется эта странная аномалія? Оттого разумѣется, что производитель-капиталистъ не можетъ уступить своего продукта ниже стоимости его производства, а въ эту стоимость входитъ и цѣна сырья, и рабочая плата, и процентъ съ капитала. Между тѣмъ очевидно, что рабочій классъ, весь доходъ котораго заключается въ платѣ за трудъ, составляющій лишь часть стоимости товара не можетъ своей выручкой уплатить за весь этотъ товаръ и потому вынужденъ ограничивать свое потребленіе. Здѣсь Беллэми несомнѣнно указалъ на самое больное мѣсто капиталистическаго производства, роковымъ образомъ осужденнаго на періодическіе кризисы и на очень нерасчетливую затрату капитала и труда. Но выводъ, какой онъ дѣлаетъ отсюда, всетаки является совершенно про-

извольнымъ. Онъ говоритъ, что и въ настоящее время все яснѣе сознаются недостатки современной экономической анархіи, и естественное стремленіе сберечь трудъ и удешевить производство ведетъ къ растущему сосредоточенію капиталовъ и къ расширенію промышленныхъ предпріятій. Отъ этого начавшагося процесса, увѣряетъ онъ насъ, остается уже одинъ шагъ до признанія той истины, что все производство и вся торговля должны быть сосредоточены въ рукахъ государства и подвергнуты полной централизаціи, какъ одна изъ отраслей общественнаго управленія. Беллэми полагаетъ, что до всеобщаго признанія этой истины уже недалеко, что упраздненіе частной предпріимчивости и національзація земли, капитала и труда не за горами. Переворотъ этотъ, по его словамъ, несмотря на всю свою громадность, совершится съ большою легкостью и безъ всякихъ потрясеній.

На счетъ будущаго мы съ потченнымъ авторомъ спорить разумѣется не станемъ. Быть пророкомъ не наше дѣло, но утверждать, что уже въ настоящее время имѣется всеобщая наклонность къ сосредоточенію всѣхъ отраслей производства, значитъ игнорировать общеизвѣстный фактъ. Стремленіе въ этомъ смыслѣ до сихъ поръ коснулось сравнительно лишь немногихъ видовъ производства,—каменноугольнаго, хлопчатобумажнаго, желѣзодѣлательнаго и отчасти свекло-сахарнаго и нефтянаго. Во всѣхъ другихъ промышленныхъ предпріятіяхъ и въ особенности въ самомъ главномъ изъ нихъ,—въ земледѣліи такое сосредоточеніе либо вовсе не замѣтно, либо оно сводится къ раздѣленію производства на отдѣльныя функціи, причемъ мелкій производитель ремесленникъ, получая частичные заказы, работаетъ у себя на дому и сдаетъ свой продуктъ болѣе крупному предпринимателю. Въ области торговыхъ предпріятій тоже замѣтно конечно нѣкоторое размноженіе крупныхъ складовъ, успѣшно конкуррирующихъ съ мелкими, и явленіе это обусловливается прежде всего размноженіемъ путей сообщенія въ цѣлой странѣ и способовъ передвиженія внутри городовъ. Но и здѣсь, какъ въ упомянутыхъ выше крупныхъ промышленныхъ отрасляхъ сосредоточеніе не идетъ

далѣе извѣстныхъ предѣловъ, а каждое крупное предпріятіе по необходимости ограничиваетъ свою дѣятельность извѣстнымъ райономъ, а главное на ряду съ такими крупными предпріятіями не только продолжаютъ существовать болѣе мелкія, но общее число послѣднихъ даже размножается. Наконецъ въ двухъ своеобразныхъ областяхъ промышленной жизни, въ желѣзно-дорожномъ и въ кредитномъ дѣлѣ, всего сильнѣе обнаруживается стремленіе къ централизаціи. Мелкія линіи все чаще сливаются вмѣстѣ, образуя болѣе или менѣе крупныя желѣзнодорожныя сѣти, и расширеніе международной торговли вызываетъ образованіе крупныхъ международныхъ банковъ. Но во первыхъ обѣ эти функціи, какъ мы только что сказали, совершенно своеобразны по своему характеру. Строго частными ни та, ни другая не могутъ быть и никогда не были. По мѣрѣ усиленія движенія людей и товаровъ, съ одной стороны, денегъ и кредита, съ другой, по необходимости должны расширяться и предпріятія, завѣдующія этими функціями. Но и здѣсь естественный ростъ экономической жизни приводитъ не къ монополизаціи, не къ полному сосредоточенію, а къ образованію крупныхъ параллельныхъ учрежденій, которыя едва ли когда нибудь сольются въ одно центральное. Другими словами промышленная жизнь, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ своимъ отрасляхъ, пока обнаруживаетъ наклонность къ олигархической, а не къ монархической формѣ. Совершенно также, какъ образованіе большихъ государствъ, объединившихъ разрозненныя до того народности, вовсе не ручается за то, что когда либо даже въ отдаленномъ будущемъ цѣлое человѣчество или даже отдѣльныя части свѣта сольются въ одно огромное государство.

II.

Посмотримъ теперь, какъ Беллэми рисуетъ себѣ грядущіе общественные порядки. Мы не послѣдуемъ за его героемъ въ улицы новаго Бостона, не станемъ передавать всѣхъ его впечатлѣній, при видѣ пересозданнаго города, и многочисленныхъ

разговоровъ, какіе онъ ведетъ съ отцомъ своей возлюбленной, докторомъ Литомъ, постепенно объясняющимъ ему все необычайное и загадочное въ перерожденномъ обществѣ. Въ видахъ краткости изложенія мы ограничимся бѣглымъ очеркомъ изображеннаго имъ экономическаго и общественнаго строя и по мѣрѣ того, какъ передъ нашими глазами будутъ проходить отдѣльныя черты этой организаціи, мы подвергнемъ критической оцѣнкѣ предположенія и доводы американскаго автора. Мы будемъ при этомъ имѣть въ виду ни одни только мнѣнія Беллэми, такъ какъ степень осуществимости его идей самихъ по себѣ еще не рѣшаетъ вопроса о невозможности радикальной перестройки современнаго общества. Мы постараемся въ нашей критикѣ убѣдиться въ томъ, въ какой степени такая перестройка вообще возможна, хотя бы и при иныхъ условіяхъ, чѣмъ тѣ, которыя Беллэми принялъ въ основаніе своего труда.

Задача наша усложняется тѣмъ, что соціалисты далеко не согласны между собой въ самыхъ основныхъ положеніяхъ экономической реформы. Ихъ разногласія на этотъ счетъ могутъ быть кажется сведены къ тремъ слѣдующимъ главнымъ направленіямъ. Наиболѣе крайніе, самихъ себя называющіе анархистами, отрицаютъ не только современное устройство, но и всякое государство вообще. Не признавая никакой общественной власти и никакой національности, они приходятъ къ совершенному разложенію государства, причемъ все общественное устройство должно распасться, какъ бы на составныя ячейки, на земледѣльческія и промышленныя коммуны, между которыми не должно уже быть никакой органической связи. Совершенную противоположность съ этими сторонниками полнаго разложенія составляютъ тѣ соціалисты, которые не только не отрицаютъ необходимости государственной власти, но видятъ въ ней главное орудіе для осуществленія реформъ подъ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы орудіе это дѣйствовало въ интересахъ рабочаго класса. Идеаломъ этой школы, составляющей какъ бы правое крыло соціализма, является передача капиталовъ и орудій производства въ руки производительныхъ рабочихъ ассоціацій, при чемъ выручка остается за производите-

лями. При этомъ значительно расширяется, правда, роль самого государства, какъ предпринимателя, но вовсе не требуется, чтобы все производство сосредоточилось въ его рукахъ. Два изъ трехъ главныхъ отправленій экономической жизни, производство и мѣна, при этомъ радикально не преобразуются. Свободный обмѣнъ продуктовъ, денежное обращеніе, даже личная собственность и право наслѣдованія строго говоря не упраздняются; надъ ними устанавливаются лишь болѣе тѣсная регламентація и болѣе строгій контроль. Правда, земля и то, что содержится въ ея нѣдрахъ, всѣ возведенныя на ней постройки становятся общественною собственностью, націонализируются, но съ тѣмъ, что государство отдаетъ ихъ за извѣстную плату въ полное распоряженіе отдѣльныхъ ассоціацій или группъ производителей. Существеннымъ и кореннымъ образомъ измѣняется лишь одна изъ экономическихъ функцій именно распредѣленіе, такъ какъ производство съ помощью наемныхъ рабочихъ перестаетъ быть возможнымъ и весь продуктъ дѣлится между тѣми, кто его непосредственно производилъ, хотя дѣлежъ этотъ можетъ быть и не абсолютно равномѣренъ. Къ этой сравнительно болѣе умѣренной отрасли соціализма слѣдуетъ отнести такъ называемыхъ французскихъ поссибилистовъ, нѣмецкихъ послѣдователей Лассаля и Родбертуса и сторонниковъ такъ называемой націонализаціи земли Генри Джорджа и Уоллеса. Какъ видитъ читатель, это направленіе въ свою очередь допускаетъ значительное разнообразіе программъ, иногда между собою даже несовмѣстимыхъ. Такъ напримѣръ Генри Джорджъ и его послѣдователи всю силу своей аргументаціи направляютъ противъ частной поземельной собственности, оставляя почти нетронутымъ теперешнее фабричное производство, а нѣмецкіе соціалисты наоборотъ, почти не касаясь аграрнаго вопроса со всею энергіею обрушиваются на промышленное капиталистическое производство. Наконецъ посредствующее мѣсто между этими двумя крайними школами занимаетъ то направленіе, которое съ одной стороны не упраздняетъ государства, но съ другой всецѣло передаетъ ему всѣ отрасли производства, и земледѣльческаго,

и промышленнаго, и все отправленіе торговли, совершенно уничтожая всѣ формы личной экономической дѣятельности, какъ въ области производства, такъ и по отношенію къ обмѣну. Существеннымъ отличіемъ соціалистовъ этого оттѣнка, кстати сказать наиболѣе многочисленныхъ, является полное упраздненіе ими денежныхъ и мѣновыхъ знаковъ. Теоретическія основы этого ученія хотя правда только съ его отрицательной, критической стороны, всего рельефнѣе изложены въ извѣстной книгѣ Маркса «Das Kapital», являющейся какъ бы главнымъ арсеналомъ, откуда черпаютъ свои доводы всѣ сторонники коллективизма. Къ этой средней школѣ принадлежитъ и Беллэми и, какъ разъ благодаря занимаемому имъ центральному положенію, его книга даетъ намъ наиболѣе удобный случай отнестись критически къ соціальнымъ теоріямъ всѣхъ оттѣнковъ. Въ одномъ надо впрочемъ отдать справедливость какъ самому Беллэми, такъ и писателямъ одного съ нимъ направленія. Взгляды этихъ писателей, гораздо болѣе свѣхъ остальныхъ соціалистическихъ теорій отличаются полнотою, опредѣленностью и послѣдовательностью.

Приступая къ описанію сѣверо-американскихъ порядковъ конца XX в., какими себѣ ихъ представляетъ Беллэми, мы не должны упускать изъ виду принятую имъ исходную точку. Въ одинъ прекрасный день, увѣряетъ онъ насъ, всѣ проникнутся убѣжденіемъ, что экономическій прогрессъ ведетъ къ сосредоточенію производства и что стало быть самая раціональная форма этого производства заключается въ передачѣ его изъ частныхъ рукъ въ руки органовъ государственной власти.

Другими словами, земледѣліе, промышленность и торговля должны стать функціями государственнаго или точнѣе сказать чиновническаго управленія. Какъ скоро это убѣжденіе станетъ всеобщимъ, землевладѣльцы, фабриканты, заводчики и торговцы добровольно передадутъ свои промышленныя предпріятія общественной власти, которая вслѣдъ за тѣмъ, объединивъ и упорядочивъ всѣ отправленія экономической жизни, справится съ ними гораздо проще и лучше, чѣмъ могутъ это сдѣлать въ настоящее время частныя лица. Изъ этой основной мысли

вытекаетъ все дальнѣйшее построеніе будущаго общественнаго зданія. Мы не станемъ оспаривать возможности мирнаго совершенія этого грандіознаго переворота. Намъ сдается правда, что Беллэми рисуетъ этотъ переворотъ въ такихъ розовыхъ краскахъ затѣмъ лишь, чтобы подкупить читателя въ пользу своей идеи, но допустимъ на время, что Беллэми правъ въ своемъ оптимизмѣ, повѣримъ ему здѣсь на слово. То, что прежде всего поражаетъ насъ въ новомъ общественномъ строѣ, это широкая картина всеобщаго довольства, довольства, равно доступнаго всѣмъ и каждому, при которомъ однако никому не приходится жертвовать какими либо существенными удобствами. Въ «новомъ» Бостонѣ каждая семья занимаетъ свой отдѣльный домъ, устроенный сообразно требованіямъ англо-американскаго комфорта. Судя по описанію Беллэми дома эти также помѣстительны какъ въ настоящее время квартиры зажиточныхъ семей. Можно легко себѣ представить, какихъ чудовищныхъ размѣровъ должны будутъ достичь города будущаго, чтобы удовлетворить этому требованію. Но нестанемъ пока возражать противъ этого. Беллэми не ограничивается щедростію въ распредѣленіи пространства. Вся жизнь будущей американской семьи поставлена въ уровень съ привольностью ея жилищъ. Всѣ требованія изысканнаго вкуса удовлетворены вполнѣ; и меблировка комнатъ и одежда и пища ничего не оставляютъ желать лучшаго, останавливаясь развѣ передъ излишествами прихоти и мотовства. То, что въ настоящее время составляетъ предметъ роскоши, изящная одежда, хорошее вино, утонченный обѣдъ, явится достояніемъ всѣхъ и каждаго. И наслажденія искуствомъ точно также станутъ всеобщимъ удѣломъ. Не выходя изъ своей комнаты, посредствомъ усовершенствованныхъ электрическихъ аппаратовъ можно стать зрителемъ театральнаго представленія, слушать превосходную музыку, а для произведеній скульптуры и живописи имѣются открытые всѣмъ великолѣпные общественные музеи. Словомъ жизнь будущаго общества одинъ сплошной праздникъ; это настоящая обѣтованная земля, гдѣ и физическая и умственная природа человѣка найдутъ себѣ полное, всестороннее

удовлетвореніе и притомъ удовлетвореніе вполнѣ обезпеченное, отъ всякихъ превратностей судьбы и не требующее для своего достиженія никакихъ особенныхъ усилій.

Чѣмъ же достигается такое всеобщее, такое поразительное довольство? Приписывать его одному лишь уравнительному распредѣленію народнаго богатства очевидно нельзя. Если бы въ настоящее время поровну раздѣлить между гражданами какой нибудь страны всю сумму частнаго имущества—это признаетъ самъ Беллэми—то довольство низшихъ классовъ поднялось бы лишь незамѣтно. Весь достатокъ болѣе обезпеченной части населенія, который въ настоящее время превышаетъ средній уровень народнаго благосостоянія можно сравнить съ узкой башней, воздвигнутой на обширной площади. Если эту башню разобрать и камни, изъ которыхъ она выстроена, разостлать по всей площади, то уровень послѣдней оказался бы очень незамѣтно приподнятымъ. Тоже оказалось бы при равномѣрномъ раздѣлѣ народнаго имущества. Такимъ образомъ причины громаднаго роста общаго благосостоянія слѣдуетъ искать лишь въ увеличеніи производительности труда. Но это увеличеніе въ свою очередь, насколько оно зависитъ отъ улучшенія пріемовъ производства, отъ усовершенствованія техники, отъ введенія новыхъ двигателей и устройства новыхъ путей сообщенія, можетъ быть достигнуто конечно помимо соціальнаго переустройства вслѣдствіе одного лишь экономическаго прогресса, совершенно возможнаго и при существующемъ капиталистическомъ производствѣ. На сторонѣ новаго общественнаго строя остается такимъ образомъ лишь одно преимущество, то сбереженіе непроизводительнаго труда, которое окажется вслѣдствіе упраздненія излишней траты времени и силъ, неизбѣжной при настоящей общественной организаціи. На эту сторону будущей реформы и возлагаетъ Беллэми всѣ свои надежды. Не будетъ уже надобности, говоритъ онъ, въ постоянныхъ арміяхъ, поглощающихъ теперь огромное число людей, такъ какъ при новомъ устройствѣ общества всюду воцарится миръ. Не потребуется уже тотъ многочисленный штатъ полицейскихъ чиновъ, та бюрократическая армія,

которые необходимы теперь для поддержанія внутри страны порядка и для сложнаго механизма управленія. Порядокъ уже незачѣмъ будетъ поддерживать, такъ какъ при достиженіи всѣми одинаковаго благосостоянія, исчезнетъ опасность, создаваемая теперь массою недовольныхъ, а задачи администраціи съ своей стороны сократятся въ значительной степени. Наконецъ при объединеніи производства, при отсутствіи конкурренціи при замѣнѣ теперешняго торговаго обмѣна государственными складами освободятся всѣ тѣ рабочіе, которые заняты теперь производствомъ излишнихъ товаровъ или несутъ совершенно непроизводительную службу въ качествѣ торговыхъ прикащиковъ и агентовъ, сидѣльцевъ въ лавкахъ, кассировъ торговыхъ фирмъ и т. п. Весь трудъ этихъ людей пойдетъ уже на производительную работу.

Разберемъ всѣ эти доводы по порядку. Упраздненіе вооруженныхъ силъ принадлежитъ къ числу благихъ пожеланій, осуществимость которыхъ въ будущемъ по меньшей мѣрѣ гадательна. Оттого что какая нибудь страна и даже всѣ государства образованнаго міра перейдутъ къ новому экономическому устройству, еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы между отдѣльными національностями не возникало поводовъ къ вооруженному столкновенію. Какъ бы прочно ни водворился внутренній міръ въ каждой странѣ, соревнованіе между отдѣльными націями изъ за рынковъ сбыта, изъ за споровъ о границахъ, и изъ возбужденія національнаго самолюбія этимъ вовсе не устранится. Установится или нѣтъ современемъ полная международная тишина подъ вліяніемъ умственнаго или нравственнаго прогресса, спеціальная реформа тутъ будетъ рѣшительно не причемъ. Не менѣе гадательной намъ кажется вѣроятность полнаго упраздненія или даже сокращенія полиціи.

Здѣсь мы опять встрѣчаемся съ доводомъ, почерпнутымъ изъ совершенно иной сферы понятій, чѣмъ экономическая реформа,—изъ предположенія о преобразованіи самой духовной натуры человѣка. Странно было бы думать въ самомъ дѣлѣ, чтобы дурные инстинкты перестали существовать оттого лишь,

что устранится одинъ изъ стимуловъ правонарушеній,—завистливое чувство бѣдныхъ къ богатымъ. Не менѣе странно воображать, будто исчезнетъ вдругъ и притомъ навсегда та потребность къ движенію, та жажда сильныхъ ощущеній, то исканіе перемѣнъ, которое присуще большинству людей въ каждое время и служитъ главнымъ мотивомъ вѣчно продолжающейся борьбы противоположныхъ партій. Стремленіе къ перемѣнамъ въ самомъ дѣлѣ вызвано не однимъ лишь желаніемъ перейти къ лучшей формѣ политическаго и соціальнаго устройства, а психологическимъ свойствомъ, болѣе постояннымъ и глубокимъ, инстинктивною ненавистью къ застою, вѣчною потребностью въ движеніи. И если бы это не было такъ, если бы въ какой либо моментъ при какомъ либо соціальномъ устройствѣ эта потребность исчезла, тѣмъ самымъ былъ бы атрофированъ главный двигательный нервъ, побуждающій человѣка къ дѣятельности, утраченъ главный интересъ общественной жизни. Какъ бы то ни было, нельзя не признать, что въ этой части своей аргументаціи Беллэми прибѣгаетъ къ произвольному расчету на внутреннее перерожденіе человѣческой натуры, расчету, являющемуся у всѣхъ писателей—соціалистовъ, какъ ихъ ultima ratio. Но Беллэми идетъ еще далѣе. Онъ нетолько произвольно допускаетъ чисто гадательное предположеніе, онъ дѣлаетъ предположеніе явно ошибочное. Такимъ нельзя не признать высказанное имъ мнѣніе, будто при сосредоточеніи производства и торговли въ рукахъ государства сократится административный персоналъ. Происходитъ это очевидно оттого, что Беллэми сводитъ всѣ задачи будущаго государственнаго управленія къ однимъ экономическимъ вопросамъ, лишь очень мелькомъ касаясь другихъ гораздо болѣе существенныхъ его функцій,—законодательства, суда, народнаго просвѣщенія, общественныхъ работъ и общественнаго призрѣнія, не говоря уже о народной оборонѣ. Не допуская даже—чего бы мы сдѣлать не рѣшились—что послѣдняя отрасль государственной дѣятельности совершенно исчезнетъ, довольно трудно предположить, что перенесеніе на государство всей огромной работы, производимой

теперь землевладѣльцами, фабрикантами и торговцами, не восполнитъ съ избыткомъ ту экономію въ административномъ трудѣ, которая получится отъ упраздненія военнаго управленія. Нужна значительная доля легкомыслія, чтобы утверждать, будто руководство изъ центра земледѣліемъ и промышленностію страны не повлечетъ за собою истинно колоссальной работы, поглощающей многія и многія тысячи должностныхъ лицъ. Но къ этой сторонѣ труда Беллэми мы вернемся ниже, когда будемъ говорить о проектированной имъ системѣ государственнаго управленія: здѣсь мы только хотѣли отмѣтить наше недоумѣніе на этотъ счетъ. Остается такимъ образомъ какъ нѣчто положительное лишь экономія въ трудѣ людей, состоящихъ теперь на частной службѣ. Здѣсь въ самомъ дѣлѣ нельзя не признать, что объединеніе производства и упраздненіе торговли повлечетъ за собою значительное сокращеніе рабочихъ силъ. Въ какой мѣрѣ будетъ достигнуто такое сбереженіе конечно трудно сказать; въ принципѣ отрицать его нельзя. Если напримѣръ 10 бумагопрядиленъ, винокуренныхъ или сахарныхъ заводовъ, существующихъ въ данномъ округѣ, будутъ замѣнены однимъ только заводомъ для каждой изъ этихъ отраслей производства, то сократится и число потребности рабочихъ и въ особенности административный персоналъ. Тоже будетъ и съ сельско-хозяйственнымъ производствомъ, какъ скоро мелкія хозяйства сольются въ болѣе крупныя, что будетъ несомнѣннымъ послѣдствіемъ веденія дѣла казною. Наконецъ, если всѣ товары будутъ свозиться въ казенные склады, если все кредитное и коммиссіонное дѣло будетъ упразднено, вслѣдствіе этого конечно окажется значительное число свободныхъ рукъ. Но здѣсь передъ нами возникаетъ цѣлый рядъ невольныхъ вопросовъ. Вѣдь та самая капиталистическая система, которую обыкновенно громятъ соціалисты, ведетъ къ тому же сокращенію рабочихъ силъ и какъ разъ ведетъ въ той своей формѣ, которая кажется наиболѣе ненавистною соціальнымъ реформаторамъ,—въ формѣ крупнаго, даже колоссальнаго производства, которое нигдѣ такъ широко не распространилось, какъ въ Сѣверной Аме-

рикѣ. Въ самомъ дѣлѣ, что такое американскія землевладѣльческія латифундіи и тѣ обширные промышленные союзы, которые подъ именемъ trusts за послѣдніе годы все болѣе захватываютъ въ свои руки нѣкоторыя отрасли производства,—нефтяное, свеклосахарное и винокуренное, какъ не явленія очень схожія съ полною націонализаціей земледѣлія и промышленности, какая мерещится воображенію Беллэми? Вѣдь націонализація земли это въ концѣ концовъ ничто иное, какъ огромная латифундія, обнимающая цѣлую территорію страны, а націонализація фабричнаго производства развѣ не превращеніе государства въ компанію колосальныхъ размѣровъ? И насъ поражаетъ здѣсь одно по истинѣ странное недоразумѣніе. Публицисты, старавшіеся внести въ обсужденіе экономическихъ вопросовъ гуманную точку зрѣнія, разсматривавшіе производство не какъ одно только созданіе цѣнностей, а какъ могучій факторъ нравственнаго развитія народа, издавна являлись сторонниками размноженія самостоятельныхъ хозяйствъ, справедливо находя, что экономическая самостоятельность возможно большаго числа гражданъ могучее орудіе для поддержанія народной энергіи и для укрѣпленія въ массахъ духа независимости и любви къ родинѣ. А между тѣмъ система, рекомендуемая Беллэми, разомъ упраздняетъ всѣ эти хозяйства. Она направлена не противъ однихъ только магнатовъ промышленности и землевладѣнія, а въ равной мѣрѣ противъ мелкихъ хозяевъ, кустарей и земледѣльцевъ. Зачѣмъ же было проливать столько либеральныхъ чернилъ и придумывать искусственныхъ мѣръ для поддержанія крестьянской собственности и мелкаго производства, чтобы въ концѣ концевъ поглотить все это въ той колосальной фабрикѣ, какою не минуемо станетъ государство будущаго? Вопросъ о наилучшей организаціи народнаго труда вѣдь не исчерпывается возможно большимъ производствомъ цѣнностей. Человѣкъ не животное, отъ котораго требуется лишь какъ можно больше физическаго труда и полезныхъ продуктовъ. Если правда, что хозяйственная самостоятельность возможно болѣе многочисленнаго класса земледѣльцевъ и ремесленниковъ самое вѣрное средство сохра-

нить въ народѣ здоровую трудовую и нравственную силу, если несомнѣнно, что пріобрѣсти хотя бы на старости лѣтъ свой клочекъ земли, свой домашній очагъ завѣтная мечта каждаго труженника, то разъ навсегда покончить съ этой мечтой, превратить всѣхъ жителей страны въ какую то хорошо откормленную арестантскую роту едва ли не столь же вѣрное средство навсегда подорвать эти драгоцѣнныя качества. И намъ сдается, что всѣ экономическія выгоды, ожидаемыя отъ централизаціи труда, не въ состояніи уравновѣсить неизбѣжный при этомъ нравственный и соціальный ущербъ.

Но это еще далеко не все. Американскій авторъ не подумалъ объ одномъ,—о колоссальномъ истребленіи капитала, какое повлечетъ за собою придуманная имъ реформа. Каково будетъ въ самомъ дѣлѣ роковое послѣдствіе государственнаго производства по его системѣ? Безчисленное количество фабрикъ, заводовъ, машинъ, сельскихъ построекъ, садовъ, огородовъ станетъ ненужнымъ и подвергнется немилосердному истребленію. Одна эта потеря составитъ безъ сомнѣнія многомилліонную цифру.

А что станется при этомъ съ сельскимъ населеніемъ? Беллэми, намѣренно или нѣтъ, совершенно умалчиваетъ объ его судьбѣ. Не легко было ему въ самомъ дѣлѣ придумать такое устройство сельскаго быта, которое соотвѣтствовало бы той картинѣ изобилья и благоденствія, какая нарисована имъ для характеристики будущей городской жизни. Нечего и говорить, что высшіе сельскіе классы, носители сельской культуры, исчезнутъ безвозвратно, а съ ними вмѣстѣ исчезнетъ и тотъ контингентъ, изъ котораго набирается въ настоящее время личный составъ мѣстнаго самоуправленія.

Внѣ города можно будетъ жить какъ на дачѣ, хотя—мы это ниже увидѣмъ—даже такую дачную жизнь довольно трудно пріурочить къ тому соціальному устройству, какое придумалъ Беллэми; но постоянная и осѣдлая жизнь въ деревнѣ, вызванная прочною связью владѣльца съ его землей, станетъ очевидно немыслимой. Но, возразятъ намъ быть можетъ, съ гибелью землевладѣльческаго класса слѣдуетъ примириться, какъ

съ неизбѣжною жертвою общему подъему народнаго благосостоянія. Къ сожалѣнію, мы не видимъ въ государствахъ будущаго и какого либо мѣста для теперешняго крестьянства. Правда, обособленность крестьянства перестанетъ существовать уже въ силу того, что всѣ жители страны поголовно войдутъ въ составъ рабочаго класса и вслѣдствіе того ни въ городѣ, ни въ деревнѣ сословныхъ различій уже не будетъ. Но развѣ эти рабочіе или, по крайней мѣрѣ, та ихъ часть, которая будетъ занята земледѣліемъ, могутъ замѣнить собою крестьянство въ его теперешнемъ политическомъ и соціальномъ значеніи? Проживать они будутъ въ той или другой мѣстности не вслѣдствіе того, что тамъ находится ихъ осѣдлость, ихъ семейный очагъ, а лишь по распоряженію властей, которые пошлютъ ихъ туда для временныхъ занятій сельскими работами. Образуютъ они изъ себя не сельское населеніе, постоянно живущее въ деревняхъ или отдѣльныхъ хуторахъ, а лишь какія то земледѣльческія колоніи, для которыхъ, по самому свойству будущаго сельскаго хозяйства, нужны будутъ не крестьянскіе дворы, а громадныя казармы. И хотя бы эти казармы были снабжены всѣми усовершенствованіями техники и комфорта онѣ едва ли будутъ здоровою почвою для того развитія семейной жизни, какое даетъ и можетъ дать одна деревня. Да, этого нечего скрывать отъ себя: въ государствѣ будущаго заодно съ помѣщичьими усадьбами, съ замками, виллами и парками богачей безслѣдно исчезнутъ и крестьянскія хаты. Для нихъ уже не будетъ мѣста, потому что онѣ перестанутъ соотвѣтствовать условіямъ новаго производства, а экономическій прогрессъ—если только это можно назвать прогрессомъ—немилосердно истребляетъ на своемъ пути все, что становится для него излишнимъ.

Обратимся теперь къ самому процессу будущаго производства и распредѣленія—мѣна, какъ мы знаемъ, перестанетъ существовать вовсе—и постараемся выяснить себѣ, въ какой мѣрѣ задуманный механизмъ будущаго общества самъ по себѣ осуществимъ и какъ отзовется его работа на жизни населенія, если удастся когда нибудь привести его въ движеніе.

III.

Государство является у Беллэми единственнымъ владѣтелемъ земли и капитала, единственнымъ сельскимъ хозяиномъ и предпринимателемъ. Сообразно съ этимъ оно должно стать и распорядителемъ всего народнаго труда, и въ самомъ дѣлѣ Беллэми предоставляетъ ему монополію труда, точно также какъ монополію недвижимой собственности и капитала. Такимъ образомъ трудъ въ государствѣ будущаго изъ свободнаго дѣлается принудительнымъ, представляя собою—такъ говоритъ самъ авторъ—нѣчто вродѣ теперешней обязательной воинской повинности. Совершенно также какъ послѣдняя, эта новая, уже гражданская, повинность дѣлится на два послѣдовательныхъ періода.

Существенное различіе между обоими этими видами службы составляетъ гораздо большая продолжительность срока обязательной работы въ государствѣ будущаго. Срокъ этотъ простирается съ 21-го по 45-ый годъ. Гражданское совершеннолѣтіе, знаменующее собою въ обновленномъ обществѣ по странной иронiи судьбы начало подневольной жизни, совпадаетъ въ то же время съ окончаніемъ средняго образованія, вполнѣ однообразнаго для всего юношества. Въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ эта служба является не только обязательною въ принципѣ, но вдобавокъ чисто крѣпостною, такъ какъ молодой человѣкъ, на нее поступающій, не имѣетъ права выбора профессіи, а безусловно обязанъ по наряду предлежащихъ властей исполнять ту работу, которая будетъ ему указана. Это поголовное осужденіе всего юношества на трехлѣтній арестантскій трудъ—иначе подобную работу назвать нельзя—вызвано необходимостью обезпечить потребнымъ числомъ рабочихъ тѣ виды занятій, на которые не окажется достаточно охотниковъ. По достиженіи 24-хъ лѣтняго возраста каждый получаетъ право свободно выбирать себѣ профессію сообразно своимъ наклонностямъ и вкусамъ. Воспитаніе и школа устроены такъ, чтобы по возможности уже съ ранняго возраста вы-

зывать у молодыхъ людей сознательное пониманіе своихъ естественныхъ способностей и содѣйствовать развитію вкуса къ опредѣленному виду занятій. А такъ какъ самый моментъ выбора наступаетъ сравнительно поздно, ошибки въ этомъ отношеніи не представляются вѣроятными. Не будетъ слѣдовательно въ новомъ обществѣ тѣхъ неудачниковъ, которыми такъ богата наша современная жизнь. Послѣ выбора профессіи молодой человѣкъ подвергается нѣкоторому испытанію, и если онъ окажется неспособнымъ къ исполненію своей работы, а тѣмъ болѣе если онъ обнаружитъ неохоту трудиться старательно, онъ можетъ быть на болѣе или менѣе продолжительный срокъ вновь зачисленъ въ ряды тѣхъ простыхъ рабочихъ, которые исполняютъ службу не по выбору, а по наряду. Дозволяется конечно и мѣнять по своему произволу родъ занятій, если первоначальный выборъ оказался неудачнымъ не по винѣ рабочаго, а вслѣдствіе ошибки при оцѣнкѣ имъ своихъ наклонностей. Но подобныя перемѣны вообще говоря не поощряются, а частыя ихъ повторенія даже прямо воспрещаются. На подобную наклонность перекочевывать изъ одной области труда въ другую смотрятъ какъ на признакъ легкомыслія или неохоты къ труду вообще и вдобавокъ стараются удержать рабочаго при одномъ и томъ же занятіи, чтобы развить въ немъ настоящую умѣлость и сноровку.

Любопытно, какимъ образомъ разрѣшаетъ Беллэми довольно таки затруднительный вопросъ, какъ согласовать свободный выборъ профессіи съ потребностью въ извѣстномъ числѣ рабочихъ для каждой отрасли труда. Потребность эта зависитъ отъ существующаго спроса на разнородныя произведенія, а выборъ занятія опредѣляется естественными наклонностями всѣхъ и каждаго, т. е. условіемъ, неимѣющимъ ничего общаго съ первымъ. Какимъ же образомъ устроить дѣло такъ, чтобы два такихъ разнородныхъ мотива въ концѣ концовъ совпадали? Вѣдь отдѣльныя отрасли даже механическаго труда представляются не одинаково привлекательными или наоборотъ—это будетъ пожалуй вѣрнѣе—не одинаково тяжелыми, а нѣкоторыя изъ нихъ могутъ даже внушать къ себѣ положительное

и всеобщее отвращеніе. Такова напр. работа въ каменноугольныхъ шахтахъ, на стеклянныхъ заводахъ, доменныхъ печахъ и тому подобное, не говоря уже о занятіяхъ, отличающихся нечистоплотностію. Само собою разумѣется, что на всѣ подобныя работы достаточнаго числа охотниковъ не окажется, а обойтись безъ нихъ для общества между тѣмъ очевидно нельзя. Беллэми пытается устранить это затрудненіе двумя способами. Во первыхъ онъ полагаетъ, что при всѣхъ особенно тяжелыхъ работахъ, а также при тѣхъ, которыя вызываютъ къ себѣ отвращеніе, рабочій день можетъ быть значительно сокращенъ, дабы привлечь къ этимъ работамъ большее число желающихъ. Размѣръ этого сокращенія опредѣлится самъ собою соотношеніемъ потребнаго числа рабочихъ съ числомъ молодыхъ людей, готовыхъ посвятить себя данному занятію. Такимъ образомъ продолжительность рабочаго дня въ каждой профессіи будетъ прямо пропорціональна числу желающихъ на нее опредѣлиться; она будетъ тѣмъ короче, чѣмъ этихъ желающихъ окажется меньше. Второй способъ—это восполненіе недостатка молодыми людьми, состоящими на обязательной службѣ въ теченіе перваго трехлѣтняго періода; они представляютъ собою необходимый запасъ рабочихъ рукъ, имѣющійся у правительства для усиленія трудовой арміи тамъ, гдѣ окажется въ этомъ надобность. Можно безошибочно признать, что только второй изъ этихъ способовъ имѣетъ какое нибудь практическое значеніе. Система приманки посредствомъ сокращенія рабочаго дня одна изъ самыхъ неудачныхъ мыслей, пришедшихъ въ голову Беллэми. Прежде всего бросается въ глаза странная аномалія такого устройства, при которомъ праздность становится приманкою, хотя вся жизнь общества основана на признаніи обязательности и благородства физическаго труда. Затѣмъ какъ скоро рабочій день будетъ сокращаться по мѣрѣ отсутствія достаточнаго числа охотниковъ, не представится никакой возможности восполнить оказавшійся дефицитъ. Въ самомъ дѣлѣ, если, напримѣръ, сокращеніе работы на половину удвоитъ число желающихъ, то они все таки по количеству произведенной работы будутъ равняться лишь

первоначальному недостаточному числу явившихся и такъ далѣе до безконечности. Наконецъ есть такія работы, на которыя при какомъ угодно сокращеніи времени по всей вѣроятности не явится ни одного соискателя. Не забудемъ, что вся трудовая армія состоитъ изъ людей, получившихъ среднее образованіе, а для таковыхъ заниматься напримѣръ переноскою тяжестей на судахъ или желѣзныхъ дорогахъ, чисткою улицъ, выгребаніемъ и вывозкою нечистотъ и т. п. представляется мало привлекательнымъ.

Такимъ образомъ конечнымъ результатомъ организаціи труда по идеѣ Беллэми будетъ обращеніе молодыхъ людей, получившихъ хорошее образованіе, въ какихъ то каторжныхъ, исполняющихъ поневолѣ самыя тяжкія и вдобавокъ самыя грязныя работы. И такова будетъ участь всего юношества въ лучшую пору жизни, между 21 и 24 годами. Хорошія останутся у нихъ воспоминанія о разцвѣтѣ ихъ молодой жизни! А если мы припомнимъ, что къ той же участи могутъ быть приговорены люди и болѣе зрѣлаго возраста и приговорены не за какое нибудь преступленіе, какъ это дѣлается въ настоящее время, а за одно нерадѣніе къ работѣ, за которое въ настоящее, якобы подневольное, время максимумъ наказанія ограничивается увольненіемъ, мы должны будемъ сказать себѣ, что ожидаемое благоденствіе рода человѣческаго будетъ куплено по истинѣ дорогою цѣною.

Беллэми за тѣмъ переходитъ къ вопросу объ организаціи умственнаго труда и такъ называемыхъ либеральныхъ профессій. Онъ повидимому сознаетъ всю щекотливость этого вопроса для придуманнаго имъ идеальнаго общественнаго строя. Въ самомъ дѣлѣ, съ одной стороны безъ умственнаго труда ни одно общество обходиться не можетъ и по меньшей мѣрѣ было бы странно, если бы результатъ ожидаемаго прогресса заключался въ томъ между прочимъ, что перестало бы существовать искусство, что не было бы ни ученыхъ, ни врачей, ни художниковъ. А между тѣмъ, всѣ эти виды занятій плохо мирятся съ обязательнымъ физическимъ трудомъ, на который уходили бы лучшіе годы жизни. И все таки, съ другой сторо-

ны, нельзя не признать, что допущеніе свободнаго выбора которой либо изъ умственныхъ профессій создало бы среди общества классъ привилегированныхъ и тѣмъ самымъ подорвало бы въ корнѣ идеалъ полнаго соціальнаго уравненія. Какой же исходъ придумалъ нашъ авторъ изъ этой роковой дилеммы? Онъ неоднократно повторяетъ на страницахъ своего романа, что никакого принужденія не должно быть въ образованномъ обществѣ XX вѣка, что свободному призванію долженъ быть предоставленъ совершенный просторъ. Но какъ же помирить эту свободу со всеобщей обязательностью физическаго труда.

Беллэми остановился на слѣдующемъ рѣшеніи. Для всего безъ исключенія юношества онъ сохраняетъ трехлѣтній срокъ безусловно обязательнаго пребыванія въ «рабочей арміи». Затѣмъ между 24 и 30 годомъ жизни каждый имѣетъ право выбрать для себя одну изъ умственныхъ профессій и сообразно тому поступить въ одно изъ высшихъ учебныхъ заведеній, учрежденныхъ для преподаванія чисто научныхъ и прикладныхъ знаній. Сравнительно поздній моментъ выбора профессіи на порогѣ уже зрѣлаго возраста обезпечиваетъ, по словамъ Беллэми, серьезность и обдуманность этого выбора. Не будетъ, стало-быть, или почти не будетъ тѣхъ ошибокъ насчетъ своего призванія, благодаря которымъ въ настоящее время погибаютъ такъ часто молодыя силы. Но за то можетъ встрѣтиться неудобство иного рода: благодаря привлекательности умственнаго труда въ сравненіи съ грубой физической работой, очень многіе, пожалуй даже большинство, пожелаютъ себя подготовить къ профессіи врача, техника. юриста либо развить въ себѣ настоящее или мнимое предрасположеніе къ искусству. Неминуемо окажется такимъ образомъ переполненіе умственныхъ профессій, а въ рядахъ простыхъ рабочихъ произойдетъ крупный недочетъ. Но и противъ такой опасности Беллэми придумалъ средство: Если призваніе молодого человѣка окажется мнимымъ, если при его занятіяхъ въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній не обнаружится достаточныхъ успѣховъ и это будетъ засвидѣтельствовано учебнымъ начальствомъ, до-

ступъ въ вожделѣнную сферу умственнаго труда закрывается и неудачникъ вынужденъ обратиться къ занятіямъ простого зауряднаго рабочаго, отъ которыхъ вздумалъ было отвернуться. Этимъ, по мнѣнію Беллэми, достигаются сразу двѣ цѣли: во первыхъ въ области умственнаго труда произойдетъ неизбѣжный подборъ и подборъ чрезвычайно строгій, такъ какъ всѣ человѣческія способности будутъ пропущены, какъ черезъ сито. Благодаря этому мы избавимся отъ тѣхъ жалкихъ посредственностей, которыя теперь переполняютъ собою всѣ либеральныя профессіи, доставляя намъ столько неумѣлыхъ врачей, посредственныхъ музыкантовъ и писателей, не обладающихъ талантомъ. Во вторыхъ угроза исключенія изъ числа соревнователей и стыдъ такого исключенія заставятъ призадуматься юношей, которые захотѣли бы уклониться отъ физическаго труда, и благодаря этому легкомысленныхъ призваній совсѣмъ вѣроятно не будетъ. При совмѣстномъ дѣйствіи этихъ двухъ причинъ—такъ думаетъ Беллэми—умственные труженики будущаго въ самомъ дѣлѣ представятъ собою истинный цвѣтъ націи. Но, увы, Беллэми упустилъ изъ виду нѣсколько существенныхъ соображеній. Три года обязательной службы въ рабочей арміи едвали окажутъ особенно благопріятное воздѣйствіе на умственное развитіе молодежи. И вынужденный перерывъ въ ходѣ образованія едвали не приведетъ къ замѣтному недочету въ духовныхъ силахъ цѣлой страны. Трудно, въ самомъ дѣлѣ, представить себѣ что либо болѣе несообразное, чѣмъ трехлѣтній перерывъ между средней и высшей школой, въ теченіе котораго будущіе ученые, литераторы, врачи, даже просто чиновники займутся работой на фабрикахъ шитьемъ сапоговъ, выметаніемъ сора на улицахъ и т. п. «умственными» занятіями. Заурядные люди при этомъ, вѣроятно, позабудутъ многое изъ того, чему научились въ школѣ и явятся затѣмъ не особенно подготовленными къ слушанію университетскихъ лекцій. Но допуская даже, что это еще была бы не особенно великая бѣда: даже настоящіе таланты могутъ сильно пострадать отъ той несоотвѣтственной атмосферы, которой имъ придется дышать въ теченіе цѣлыхъ трехъ лѣтъ. Ходъ развитія человѣческихъ спо-

собностей—это процессъ, не поддающійся точному анализу и совершающійся въ тайникѣ души до того индивидуально и своеобразно, что не возможно вычислить заранѣе, сколько ростковъ зарождающихся талантовъ будетъ погублено при неблагопріятной обстановкѣ, какъ почки молодыхъ растеній погибаютъ отъ весеннихъ морозовъ. Но этой стороной дѣла еще далеко не исчерпывается вопросъ. Предложенный американскимъ авторомъ критерій для опредѣленія способностей и призваній самъ по себѣ крайне неудаченъ. Аттестаціи школьнаго начальства, т. е. попросту отмѣтки на экзаменахъ, призванныя служить мѣриломъ способностей, на самомъ дѣлѣ явятся крайне произвольнымъ и случайнымъ орудіемъ для подбора. Ошибка Беллэми заключается здѣсь въ томъ, что онъ смѣшалъ два такихъ разнородныхъ понятія, какъ талантъ и образованіе Школьные успѣхи могутъ пожалуй еще съ грѣхомъ пополамъ служить показателемъ усвоенія научныхъ предметовъ, но для степени таланта онѣ указаній давать рѣшительно не могутъ. Люди съ выдающимися, даже съ огромными способностями, такіе крупные политическіе дѣятели, какъ, напримѣръ, Мирабо, князь Бисмаркъ, графъ Кавуръ, князь Феликсъ Шварценбергъ учились очень плохо. О талантахъ иного рода, о художникахъ, музыкантахъ и поэтахъ и говорить нечего: Пушкинъ, Лермонтовъ, Мюссе большимъ образованіемъ не отличались. И вотъ благодаря мѣрилу, предлагаемому Беллэми, такіе люди до 45-лѣтняго возраста будутъ обречены на фабричныя и ремесленныя работы. Чудесная перспектива, нечего сказать! Да что говорить о крупныхъ талантахъ, какъ будто въ нихъ только и дѣло. Развѣ для того, чтобы быть сноснымъ врачемъ, опытнымъ агрономомъ, дѣльнымъ чиновникомъ, необходимы выдающіяся способности? И для того, чтобы получить право на высшее образованіе, развѣ нужно такими способностями непремѣнно обладать, а не наоборотъ, даже заурядные умы не могутъ доразвиться до требуемаго уровня, какъ разъ благодаря полученному образованію?

Есть однако еще одна сторона дѣла, про которую Беллэми совершенно, кажется, позабылъ. Помимо научныхъ и художе-

ственныхъ занятій, есть цѣлый рядъ профессій, гдѣ ни особенно высокаго образованія, ни крупныхъ способностей вовсе не требуется и все-таки необходима школьная подготовка, непрерывная и серьезная. Сюда относятся всѣ отрасли техническихъ профессій, т. е. въ сущности руководства той самой промышленною дѣятельностью, въ которой Беллэми видитъ главную задачу будущаго государства. Для сельскаго хозяйства, для фабрикъ и заводовъ, для строительнаго дѣла нужны опытные и умѣлые распорядители, помимо тѣхъ промышленныхъ талантовъ, на долю которыхъ выпадаетъ роль изобрѣтателей. Мы ниже увидимъ, что по системѣ американскаго автора, эти руководители должны будутъ вырабатываться внутри самой рабочей арміи путемъ выслуги. Другими словами, простая сноровка должна будетъ замѣнить для нихъ полученіе образованія. Сомнѣваемся, чтобы при такихъ условіяхъ земледѣліе и промышленность въ государствѣ будущаго пошли очень блистательно и оправдали надежды Беллэми на поразительный ростъ производства.

Но есть еще одно обстоятельство, которому суждено было бы, вѣроятно, принести горькое разочарованіе поклонникамъ соціализма, если бы ихъ надежды когда либо сбылись.

Не смотря на всѣ усилія сгладить въ обществѣ будущаго всякій признакъ неравенства, не смотря на всѣ жертвы, принесенныя съ этого цѣлью, уничтоженное неравенство будетъ возстановлено косвеннымъ путемъ и воцарится съ новою, невѣдомою теперь силою. Теперь, въ самомъ дѣлѣ, превосходство въ общественномъ положеніи не совпадаетъ по необходимости съ превосходствомъ умственнымъ, и всякій обдѣленный судьбой можетъ утѣшать себя мыслью, что смотрящій на него свысока магнатъ по рожденію или богатству стоитъ ниже его по знанію, по способностямъ и по развитію. Въ томъ обществѣ, которое нарисовалъ Беллэми будетъ уже не то. Тамъ право не трудиться физически и посвятить себя какой нибудь умственной профессіи, скажемъ болѣе, самое право на образованіе станетъ удѣломъ людей особенно даровитыхъ или по крайней мѣрѣ признанныхъ таковыми.

Привилегія быть свободнымъ въ занятіяхъ и не пачкать себѣ рукъ грязной работой рѣзкою чертой обособитъ въ обществѣ будущаго его высшіе классы. За этими классами, которымъ очевидно будетъ принадлежать руководство цѣлой страной, окажется не случайное преимущество рожденія, а не сравненно болѣе драгоцѣнное и яркое превосходство ума и образованія. Считаться въ рядахъ низшихъ общественныхъ слоевъ, быть вынужденнымъ заниматься черною работой—въ этомъ увидятъ уже не послѣдствія одной бѣдности, а во сто кратъ болѣе унизительныя послѣдствія нищеты духовной. Аристократія будущаго въ самомъ дѣлѣ станетъ господствомъ лучшихъ людей, людей таланта, но тѣмъ самымъ рабочая масса обратится въ классъ настоящихъ паріевъ, отмѣченный клеймомъ неспособности. И, когда изъ двухъ школьныхъ товарищей, одинъ займетъ впослѣдствіи видное мѣсто въ литературѣ, искусствѣ или наукѣ, а другой до сорокапятилѣтняго возраста будетъ занятъ какимъ нибудь ремесломъ или, пожалуй, окажется зачисленнымъ въ ряды прислуги, не станетъ ли, спрашиваемъ мы, первый относиться къ послѣднему съ гораздо большимъ высокомѣріемъ, чѣмъ отнесся бы теперь къ бѣдному товарищу сынъ какого-нибудь богача. Умственная аристократія, тамъ гдѣ за нею признано господство, самая гордая, самая безжалостная изъ всѣхъ, потому что на свое преобладаніе она справедливо можетъ смотрѣть, какъ на что то освященное умственнымъ превосходствомъ. И тѣмъ, кто окажется подъ ея властью, не останется даже скромнаго утѣшенія ссылаться на слѣпую несправедливость судьбы: напротивъ приниженное состояніе рабочихъ будущаго получитъ характеръ высшей непоколебимой законности и даже право ропота у нихъ будетъ отнято. Вотъ къ какимъ неожиданнымъ результатамъ можетъ въ концѣ концовъ привести лелѣемый теперь идеалъ всеобщаго уравненія.

IV.

Мы теперь подходимъ къ вопросу, рѣшеніе котораго составляетъ главную задачу соціальной борьбы,—къ вопросу о

вознагражденіи за трудъ. Главный поводъ къ нападкамъ соціалистовъ всѣхъ оттѣнковъ на существующій общественный строй заключается, какъ извѣстно, въ томъ, что рабочій оказывается обдѣленнымъ при распредѣленіи выручки отъ производства. На его долю выпадаетъ лишь ничтожная часть этой выручки, между тѣмъ какъ вся заслуга въ созданіи цѣнностей принадлежитъ ему. Въ этомъ заключается по мнѣнію соціалистовъ двойная несправедливость.

Дѣлежъ продукта совершается не пропорціонально участію въ производствѣ каждаго изъ его факторовъ: эта несправедливость, такъ сказать, матеріальная, объективная. Но есть и другая несправедливость гораздо болѣе вопіющая. Все производство предназначено исключительно для удовлетворенія нуждъ человѣка; рабочій не бездушная машина, предназначенная исполнить наибольшее количество работъ при наименьшемъ количествѣ издержекъ, а существо живое, мускульная сила котораго товаръ, подлежащій условіямъ предложенія и спроса. Поэтому разсматривать его съ точки зрѣнія исключительно экономической, выдавать ему лишь, какъ можно меньшую долю продукта, значитъ не только нарушать законное равновѣсіе между участниками производства, а посягать на права человѣка, какъ существа живого и разумнаго, въ благосостояніи котораго и заключается весь смыслъ и вся задача экономической жизни.

Въ своей критикѣ существующаго порядка вещей соціалисты обыкновенно ссылаются на два научныхъ положенія, впервые высказанныхъ, хотя не опредѣленно уже Адамомъ Смитомъ, затѣмъ развитыхъ Давидомъ Рикардо, но окончательно формулированныхъ Лассалемъ и Марксомъ. Эти два положенія слѣдующія. Единственное мѣрило всякой цѣнности составляетъ количество труда, потребнаго на ея производство. Если мы сравнимъ между собою два товара, не одинаково цѣнимые на рынкѣ, то различіе въ ихъ цѣнности будетъ строго соразмѣряться количествомъ рабочихъ часовъ, пошедшихъ на производство каждаго изъ нихъ. При этомъ однако слѣдуетъ имѣть въ виду не ту сумму работы, которая, въ каждомъ

данномъ случаѣ, дѣйствительно потребовалась на производство товара, а идеальную величину, выражающую собою среднее нормальное количество потребной работы.

Въ отдѣльномъ случаѣ производство даннаго предмета могло вызвать сравнительно небольшую лишь затрату труда, а цѣна его тѣмъ не менѣе можетъ стоять высоко. Это значитъ, что въ составъ цѣнности предмета вошла нѣкоторая скрытая величина, именно вся масса излишняго, даромъ потраченнаго труда, которая потребовалась на розыски этого предмета, если онъ въ природѣ встрѣчается рѣдко. Такъ объясняется, по мнѣнію Маркса, высокая стоимость благородныхъ металловъ, жемчуга, драгоцѣнныхъ камней и т. п. Другой законъ, получившій названіе желѣзнаго закона Рикардо, состоитъ въ томъ, что рабочая плата никогда не можетъ сильно уклониться отъ размѣра жизненныхъ потребностей рабочаго и его семьи. Если она упадетъ ниже и нѣкоторыя изъ этихъ потребностей окажутся не удовлетворенными, это неминуемо отзовется на на увеличеніе смертности среди трудящагося населенія и нарушенное равновѣсіе понемногу возстановится. Если на оборотъ какія нибудь случайныя причины вызвали бы сильное повышеніе заработанной платы, немедленно произошелъ бы вопервыхъ наплывъ рабочихъ въ ту отрасль производства, гдѣ это повышеніе случилось, а во вторыхъ размноженіе браковъ привело бы къ увеличенію численности рабочаго класса и тѣмъ самымъ въ концѣ концевъ понизило бы плату. Здѣсь не мѣсто возражать противъ двухъ этихъ, такъ называемыхъ, законовъ, будто имѣющихъ твердую научную основу. Мы вернемся къ этому вопросу ниже; пока съ насъ достаточно указать на сущность этихъ двухъ положеній, къ которымъ Марксъ уже отъ себя присоединилъ третье, отчасти впрочемъ заимствованное имъ у Луи-Блана. Трудъ, по ученію Маркса, единственная цѣнность обладающая свойствомъ производить болѣе, чѣмъ сама она стоитъ. Эта способность создавать добавочную цѣнность, присущуя труду по самой его природѣ, еще усиливается благодаря сосредоточенію капиталовъ, замѣнѣ человѣческаго труда машинами и раздѣленію или точнѣе

спеціализаціи труда при совмѣстной работѣ. Происходящій отсюда барышъ составляетъ, по ученію Маркса, совершенно незаконную прибыль работодателя. Этотъ законъ образованія двоякой добавочной стоимости завершаетъ собою научную гипотезу, лежащую въ основѣ всѣхъ соціалистическихъ ученій.

Если трудъ въ самомъ дѣлѣ источникъ всѣхъ цѣнностей, а при существующемъ порядкѣ распредѣленія продукта онъ получаетъ изъ него лишь небольшую часть, то подобное распредѣленіе не можетъ не казаться вопіющею несправедливостью. И всѣ планы соціальныхъ реформаторовъ сводятся къ одному коренному положенію, всего яснѣе и короче выраженному Лассалемъ въ его знаменитой формулѣ: «Der Arbeit ihr voller Ertrag». Формула эта въ сущности очень сходна съ извѣстнымъ положеніемъ Фурье: A chacun selon ses capacités, à chaque capacité selon ses oeuvres.

Принципъ, лежащій въ основаніи этихъ формулъ, заключается въ томъ, что каждому долженъ принадлежать весь продуктъ его работы, все равно была ли произведена эта работа однимъ человѣкомъ или цѣлой ассоціаціей. Соразмѣрность вознагражденія съ количествомъ выработаннаго продукта, т. е., въ концѣ концевъ, не только съ потраченнымъ временемъ и трудомъ, но и съ выказаннымъ умѣньемъ, краеугольный камень всего современнаго соціализма.

Не трудно однако убѣдиться, что въ самомъ этомъ требованіи содержится нѣчто вполнѣ несовмѣстимое съ безусловнымъ имущественнымъ равенствомъ. Если, въ самомъ дѣлѣ, основаніемъ распредѣленія должны служить не потребности каждаго, а его отработокъ, и стало-быть мѣриломъ справедливости является не нужда, а заслуга, то неравенство способностей физическихъ и умственныхъ неминуемо должно повести и къ неравенству въ обладаніи имуществомъ. И этого избѣгнуть нельзя при какой угодно формѣ владѣнія недвижимой собственностью и капиталомъ, даже въ томъ случаѣ, если земля, постройки, пути сообщенія и машины будутъ признаны собственностью государства, а за частными лицами сохраниться только одно лишь право временнаго пользованія. До-

пустимъ, что такая національзація недвижимаго имущества и орудій производства совершена въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, что не только вся территорія, со всѣми минеральными богатствами земли, но и фабрики, желѣзныя дороги, заводы, банки перешли въ собственность государства и что всякій, желающій посвятить себя земледѣльческому или иному производству, долженъ стать арендаторомъ или кредиторомъ казны. Казалось бы при такихъ условіяхъ путь къ возстановленію рѣзкаго имущественнаго неравенства вполнѣ отрѣзанъ. А между тѣмъ какъ скоро признается за каждымъ отдѣльнымъ лицемъ, за каждой семьей или ассоціаціей право располагать продуктами своего труда, на этомъ столь демократическомъ правѣ очень быстро воздвигнется снова соціальное зданіе необыкновенно сходное съ тѣмъ, въ которомъ мы живемъ нынѣ. Конечно процессъ возстановленія разрушеннаго стараго порядка вещей приметъ сначала лишь скромные, едва замѣтные, размѣры. У однихъ окажется небольшой излишекъ противъ своихъ потребностей, у другихъ маленькій недочетъ. Различіе въ физической силѣ, ловкости, сноровкѣ, затѣмъ, еще болѣе конечно, различіе въ духовныхъ качествахъ: въ энергіи и умѣ. Наконецъ неодинаковость состава отдѣльныхъ семей неминуемо повлекутъ за собою уже на самыхъ первыхъ порахъ неравномѣрность выручки; дабы вполнѣ убѣдиться въ неизбѣжности этого факта припомнимъ совершившійся на нашихъ глазахъ процессъ развитія неравенства среди нашего крестьянства. Здѣсь также, по крайней мѣрѣ, въ предѣлахъ извѣстнаго района экономическія условія каждой отдѣльной семьи,— надѣленіе землею и податное обложеніе были совершенно одинаковы. А между тѣмъ черезъ какихъ нибудь 25 лѣтъ отъ этого равенства и слѣда не осталось при совокупномъ дѣйствіи двухъ съ виду очень мелкихъ факторовъ, индивидуальнаго различія въ рабочей энергіи и неодинаковости личнаго семейнаго состава. Про это, впрочемъ, писалось столько разъ, что подробно говорить здѣсь объ экономическихъ судьбахъ нашего крестьянскаго населенія мы разумѣется не станемъ. Мы хотѣли только этимъ примѣромъ иллюстрировать

будущую судьбу соціалистическаго общества, такъ какъ въ этомъ обществѣ не только земельные порядки вообще, но и промышленная дѣятельность будутъ организованы по типу, сходному до извѣстной степени съ поземельнымъ устройствомъ русскихъ крестьянъ. Но, возразятъ намъ, всѣ недочеты въ исторіи нашего сельскаго населенія, вызваны тѣмъ лишь, что въ здоровый бытъ нашей сельской общины дали проникнуть чуждымъ ей капиталистическимъ началамъ. Если судъ не оказывалъ поддержки ростовщикамъ и не содѣйствовалъ разложенію семьи, примѣняя общіе гражданскіе законы къ переходу крестьянской собственности по наслѣдству, если бы само положеніе 19-го Февраля не открыло лазейку для расхищенія общинныхъ земель, крестьянскій міръ и крестьянская семья продолжали бы стоять твердо, какъ основы народнаго быта. Но допуская даже вѣрность этого толкованія, развѣ можно на самомъ дѣлѣ придумать средство, которое препятствовало бы тому, кто отъ своего труда пріобрѣлъ излишекъ, этимъ излишкомъ воспользоваться по усмотрѣнію? Одно изъ двухъ, въ самомъ дѣлѣ: или рабочей семьѣ принадлежитъ всецѣло продуктъ ея труда и тогда этотъ продуктъ можетъ стать предметомъ всевозможныхъ сдѣлокъ или свобода распоряженія заработкомъ ограничена и тогда уже нечего увѣрять, будто каждый пользуется тѣмъ, что пріобрѣлъ своимъ трудомъ. Мы впрочемъ твердо увѣрены, что и законъ оказался бы здѣсь безсильнымъ, до того необходимость имущественныхъ сдѣлокъ вытекаетъ изъ самой природы вещей, до того въ обезпеченности ихъ заинтересованы всѣ. Если бы такія сдѣлки лишились вдругъ санкціи и защиты закона, это было бы простымъ возвращеніемъ къ первобытнымъ временамъ, когда правовыя отношенія зарождались и люди были вынуждены прибѣгать къ самосуду. Нечего и доказывать, что такое возвращеніе немыслимо.

Вообще говоря, полное равновѣсіе между производствомъ и потребленіемъ, т. е. полное отсутствіе обмѣна, и кредита со всѣми его послѣдствіями, возможно тогда только, когда каждый потребляетъ лишь то, что произвелъ самъ, а стало быть

производитъ все необходимое для своего потребленія; это какъ разъ экономическое состояніе дикарей. Какъ скоро въ производство внесена спеціализація, т. е. раздѣленіе труда, часть продуктовъ каждой рабочей семьи очевидно предназначена для обмѣна на произведенія какой нибудь другой семьи. Само собой разумѣется, что при такихъ условіяхъ полный экономическій status quo, другими словами устойчивое равенство возможно при томъ лишь условіи, чтобы всѣ производили достаточно для покрытія своихъ нуждъ и ни у кого бы сбереженій не оставалось. Для всякаго очевидно, что подобное безусловное равновѣсіе чистѣйшая химера. Но какъ скоро у кого нибудь появится излишекъ, а у другаго, которому этотъ излишекъ понадобился не оказалось что дать чего въ обмѣнъ, можетъ состояться уже не посредствомъ немедленной уплаты, а посредствомъ зачета будущей выручки, другими словоми, путемъ кредита. Для примѣра возьмемъ простѣйшій случай. У земледѣльца А. хлѣба оказалось не только больше, чѣмъ ему нужно самому, но больше даже, чѣмъ ему необходимо, дабы заплатить за пріобрѣтаемые имъ со стороны товары. За то у землевладѣльца Б. случился недородъ и за нужный хлѣбъ ему заплатить нечѣмъ. А. соглашается уступить ему свой излишекъ, но подъ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ обязался въ слѣдующемъ году отдать за то часть своихъ будущихъ продуктовъ или отработать извѣстное число дней на земельномъ участкѣ А. При томъ въ виду извѣстнаго риска, сопряженнаго съ такою сдѣлкой, А потребовалъ отъ Б нѣкоторой приплаты противъ существующей цѣны хлѣба; не трудно усмотрѣть, что здѣсь въ зародышѣ уже заключается и процентъ съ капитала и батрацкій трудъ, къ тому же при тяжеломъ условіи полученія платы за него впередъ, что дѣлаетъ трудъ очень похожимъ на крѣпостной. Понятно, что въ слѣдующій годъ А будетъ находиться въ условіяхъ еще болѣе благопріятныхъ и что стало-быть у него всѣ шансы богатѣть. Препятствовать одному нѣтъ возможности, такъ какъ, если даже въ соціалистическомъ государствѣ не было бы денежнаго обращенія и законъ отказывался бы признавать сдѣлки подобнаго

рода, эти сдѣлки все-таки неминуемо бы совершались. Опредѣленіе стоимости товаровъ было бы нѣсколько затруднено, какъ затруднено было бы и взысканіе по долгу, но для того и другаго всетаки отыскались бы средства. Необходимость обмѣна и обезпеченности кредита вызваны не существованіемъ денегъ и не санкціей закона, а тѣмъ, что данному лицу нужно обмѣнять свой товаръ на чужой или нужно получить отъ него ссуду. А противъ такой потребности никакой законодатель, никакая власть бороться не въ силахъ.

Особенной бѣды мы съ своей стороны въ этомъ разумѣется не видимъ, но убѣжденный соціалистъ не можетъ не призадуматься надъ этимъ доказательствомъ неосуществимости его идеаловъ. И Беллэми, повидимому, какъ нельзя лучше понялъ, что за неизбѣжное разочарованіе сулитъ теоріямъ соціализма принципъ соразмѣрнаго вознагражденія за трудъ. Въ своей книгѣ онъ вполнѣ отрѣшился отъ мысли о совмѣстности частныхъ хозяйствъ, промышленныхъ и земледѣльческихъ, съ будущей соціальной организаціей.

Его государство, какъ мы видѣли—одно сплошное помѣстье, одна колоссальная фабрика. Его рабочіе составляютъ армію, которой распоряжается центральная власть. Не въ этомъ однако оригинальная сторона его идеи. Многіе соціалисты отъ Фурье и Кабэ вплоть до нашихъ дней мечтали о передачѣ въ руки государства, какъ единственнаго предпринимателя, всего производства страны. Своеобразность комбинаціи, придуманной Беллэми заключается въ принятой имъ системѣ вознагражденія. Система эта съ виду очень проста. Она сводится къ тому, что съ момента поступленія въ рабочую армію, т. е. съ достиженія совершеннолѣтія до самаго дня смерти, каждый американецъ и каждая американка получаетъ совершенно одинаковое вознагражденіе независимо отъ возраста, пола, состоянія здоровья и силъ, даже отъ степени выказаннаго усердія или умѣнья. Ни болѣзнь, ни дряхлость, ни даже совершенная невозможность трудиться съ одной стороны, ни полнѣйшая тупость или неохота съ другой, словомъ, никакой нравственный или физическій недостатокъ

не могутъ лишить заработка гражданина будущаго государства.

Защищая свою мысль Беллэми говоритъ, что было бы крайне несправедливымъ соразмѣрять вознагражденіе съ количествомъ и качествомъ произведенной работы, насколько то и другое зависитъ отъ физическихъ или умственныхъ свойствъ человѣка. Свойства эти, какъ даръ Божій, ничѣмъ не заслуженныя, не могутъ давать права на полученіе какой-либо преміи. Вознаграждать слѣдуетъ не заполученные результаты, а за выказанное усердіе. Вотъ почему и женщины, и старики, и больные, и даже совершенные идіоты, т. е., всѣ болѣе немощные и слабые должны получать столько же, сколько тѣ, кто обладаетъ избыткомъ умственныхъ и физическихъ силъ. Выдача прежняго заработка людямъ, перешедшихъ за 45-лѣтній возрастъ и стало быть уже переставшимъ работать, служитъ наградою за ихъ прежніе труды: это нѣчто схожее съ теперешними пенсіями и эмеритурами. Вознагражденіе больныхъ и немощныхъ обусловлено тѣмъ, что они нуждаются въ большемъ, не имѣя возможности ничего заработать и что содержаніе ихъ на счетъ общества является дѣломъ той взаимной любви, которая проникнетъ собою всю общественную жизнь, какъ скоро эта жизнь освободится отъ теперешней дурной закваски—эгоизма и зависти.

Этимъ, конечно, достигается,—хотя не вполнѣ, какъ мы ниже увидимъ,—прочное имущественное уравненіе. Но здѣсь возникаетъ новый вопросъ. Если щедрость по отношенію къ слабымъ оправдывается ихъ сравнительною немощью, то чѣмъ же заслужили такую же щедрость люди, не хотящіе работать, лѣнивые, упрямые, развратные. Беллэми увѣренъ, что такихъ людей въ государствѣ будущаго не окажется или по крайней мѣрѣ лѣность и пороки явяться тамъ, какъ временная нравственная болѣзнь, отъ которой не трудно будетъ исцѣлиться при благотворномъ дѣйствіи общественнаго мнѣнія. Пороки, которыми кишитъ современное общество, питаются лишь погоней за матеріальными благами. Когда будетъ устранена причина взаимной борьбы и ненависти, когда нечему будетъ

завидовать другъ у друга и матеріальное существованіе явится обезпеченнымъ вполнѣ, стремленіе къ наживѣ отпадетъ само собою, а за одно съ нимъ отпадетъ побужденіе къ лѣности, которая ничто иное, какъ оборотная сторона эгоизма, какъ желаніе трудиться возможно менѣе, получая, какъ можно больше: Sublata causa tollitur effectus. Читатель видитъ изъ этого, что Беллэми не требуетъ, какъ дѣлаютъ то прочіе соціалисты, чтобы реформѣ общества предшествовало его нравственное перерожденіе. Онъ наоборотъ въ этомъ перерожденіи видитъ послѣдствіе самой реформы. Переворачивая такимъ образомъ причинную связь между двумя явленіями, одинаково гадательными, онъ нѣсколько менѣе насилуетъ логику, чѣмъ дѣлаютъ это многіе изъ его собратьевъ по оружію. Тѣмъ не менѣе, и онъ, въ концѣ концевъ, вынужденъ прибѣгнуть къ гипотезѣ о грядущемъ торжествѣ альтруизма. Обходиться безъ нея, строить новое общество, сохраняя прежніе нравы, неудавалось до сихъ поръ ни одному изъ соціальныхъ реформаторовъ. Повидимому современный намъ человѣкъ съ его эгоизмомъ и страстями рѣшительно не годится для новаго общественнаго строя и, какъ незаманчива картина будущаго всеобщаго благоденствія, настоящимъ реальнымъ людямъ едвали удалось бы съ этимъ благоденствіемъ ужиться.

Впрочемъ Беллэми, всегда осторожный даже въ своихъ мечтаніяхъ, не рѣшается утверждать, что въ его государствѣ никакихъ уклоненій отъ обязанностей трудиться не будетъ. Но для борьбы съ уцѣлѣвшими дурными инстинктами онъ предлагаетъ довольно таки палліативное средство. Какъ для поощренія наиболѣе старательныхъ, такъ и для наказанія лѣнивыхъ и недобросовѣстныхъ Беллэми ограничивается воздѣйствіемъ на самолюбіе. Первымъ онъ сулитъ, какъ награду, публичное одобреніе начальства, право носить извѣстные знаки отличія, наконецъ, болѣе или менѣе быстрое повышеніе по лѣстницѣ, которая понемногу ведетъ къ почестямъ и власти и позволяетъ изъ рядовъ простыхъ рабочихъ подняться до званія президента республики; вторые подвергаются замѣчаніямъ, выговорамъ, наконецъ, замедленію въ производствѣ и могутъ

въ случаѣ неуспѣшности въ работѣ, вызванной нерадѣніемъ, до самаго конца срока, т. е. до 45-лѣтняго возраста, остаться простыми рядовыми; тѣ и другіе будутъ находиться подъ постояннымъ воздѣйствіемъ мнѣнія окружающихъ, и Беллэми возлагаетъ большія надежды на спасительную силу этого морализующаго средства. И здѣсь, конечно, мы встрѣчаемся съ тѣмъ же добродушнымъ оптимизмомъ, которымъ проникнута вся книга американскаго писателя, твердо увѣреннаго, что среди обновленнаго общества будетъ господствовать здоровый отрезвляющій духъ всеобщаго уваженія къ нравственному долгу.

Не смотря на весь свой оптимизмъ, Беллэми, какъ истый американецъ, понимаетъ однако что безъ помощи личныхъ мотивовъ довольно трудно добиться отъ человѣка особаго напряженія въ работѣ. Это неполное довѣріе къ собственнымъ мечтамъ проглядываетъ въ его усердныхъ стараніяхъ подыскать убѣдительные доводы въ пользу своей системы безусловно равнаго вознагражденія для всѣхъ, системы, исключающей возможность соревнованія. На этомъ мѣстѣ своего труда онъ сосредоточилъ весь запасъ своей аргументаціи, какъ полководецъ выставляетъ свои отборныя войска для защиты слабой позиціи. Если всѣ увѣрены, что имъ вполнѣ обезпеченъ заработокъ, какъ бы они не работали, и что въ то же время никакія усилія не въ состояніи этотъ заработокъ увеличить, то кто же станетъ работать старательно? Кто будетъ просиживать утомительные часы надъ какимъ нибудь техническимъ изобрѣтеніемъ, отъ котораго никакой пользы ему для себя не пріобрѣсть? Устранивъ надежду на обогащеніе, эту главную пружину современнаго общественнаго механизма, развѣ мы тѣмъ самымъ не парализуемъ двигающій нервъ всего матеріальнаго прогресса человѣчества? Эти недоумѣнія герой романа Беллэми высказываетъ откровенно и обстоятельно, и вотъ какой онъ получаетъ отвѣтъ. Да, мотивъ личной выгоды былъ не замѣнимъ, какъ двигатель всеобщей неустанной работы, пока экономическая жизнь была основана на конкурренціи, стало быть на борьбѣ противуположныхъ интересовъ. Въ на-

стоящее время, т. е. наканунѣ XXI вѣка, всѣ отлично понимаютъ, что интересы отдѣльныхъ лицъ вовсе не идутъ въ разрѣзъ другъ съ другомъ, что напротивъ всякій подъемъ общаго благосостоянія немедленно отзывается на благосостояніи каждаго. И въ этомъ весь секретъ нравственнаго усовершенствованія. Люди стали лучше потому, что исчезла причина, дѣлавшая ихъ эгоистами. И теперь, какъ прежде, достаточно имѣется личныхъ поводовъ для побужденія къ усиленной дѣятельности, только поводы эти болѣе высокаго свойства. Эгоизмъ не исчезъ: онъ, такъ сказать, одухотворился и потому уже не создаетъ вражды между людьми. Правда, лишняя выручка отъ работы не повышаетъ заработка; сдѣланное открытіе не превращаетъ изобрѣтателя въ милліонера, но почетъ, окружающій каждаго старательнаго труженика служитъ рычагомъ для возбужденія энергіи не менѣе сильнымъ, чѣмъ теперешній стимулъ матеріальной наживы. И въ наше время, т. е. въ XIX вѣкѣ, множество тружениковъ обходится безъ этого грубаго мотива и работаютъ, такъ сказать, изъ-за одной чести; сюда относятся всѣ должностныя лица правительственныхъ и общественныхъ управленій, на благосостояніи которыхъ не отзывается прямо ихъ плодотворная дѣятельность и которые тѣмъ неменѣе изъ году въ годъ тянутъ свою безкорыстную лямку. Сюда такъ же принадлежатъ художники и ученые, изъ числа которыхъ, какъ разъ наиболѣе талантливые, не трудятся ради одной выгоды. Наконецъ и изъ среды находящихся на частной службѣ,—въ конторахъ, на фабрикахъ, заводахъ и т. п., найдется не мало безкорыстныхъ людей, усердствующихъ ради исполненія нравственнаго долга,—людей, единственная награда которыхъ похвала ихъ начальства. Отъ чего же этотъ благородный мотивъ служенія для чести не можетъ распространиться на всѣ отрасли труда? И награда ожидающая ревностное исполненіе обязанностей—очень высокая награда: она заключается въ постепенномъ повышеніи на общественной лѣстницѣ, устроенной по образцу теперешнихъ военныхъ чиновъ. Рабочей арміей будущаго станутъ управлять такіе же офицеры, полковники и генералы, такіе

ные командиры отдѣльныхъ не болѣе крупныхъ частей, какіе имѣются теперь во главѣ войска. И переходъ отъ низшаго чина къ высшему будетъ тогда исключительно зависѣть отъ выказаннаго усердія и отъ природныхъ способностей.

Но имѣется еще одинъ поводъ къ совершенному устраненію надежды на матеріальную наживу изъ числа мотивовъ къ усердной работѣ. Производство будетъ такъ обширно, общественное довольство такъ велико, что каждая семья пріобрѣтетъ полную возможность удовлетворить не только своей потребности, но и прихоти. Роскошь, доступная теперь лишь немногимъ, станетъ достояніемъ всѣхъ, исчезнетъ одно только, — то излишнее болѣзненное мотовство, которое вызвано лишь тщеславнымъ желаніемъ перещеголять другихъ. Когда всѣ будутъ равны и хорошая, красивая одежда, пища изысканная, удовлетвореніе изящныхъ вкусовъ будутъ общимъ удѣломъ, мнимыя потребности испорченнаго вѣка перестанутъ существовать и погоня за сумашедшимъ богатствомъ потеряетъ всякій смыслъ.

Мы старались добросовѣстно передать доводы нашего автора. Не трудно, кажется, примѣтить ихъ слабую сторону. Несомнѣнно, что нравственные мотивы дѣйствуютъ на человѣка не менѣе сильно, чѣмъ матеріальные, что утонченныя наслажденія честолюбіямъ и славѣ привлекаютъ людей еще болѣе, чѣмъ жажда обогащенія, что скромные радости удовлетвореннаго долга имѣютъ своихъ усердныхъ ревнителей. Но все это относится лишь къ тѣмъ занятіямъ, которыя захватываютъ нравственную и умственную дѣятельность. Государственный человѣкъ, врачъ, адвокатъ, литераторъ могутъ трудиться изъ безкорыстныхъ побужденій, въ числѣ которыхъ однако не малую роль играетъ довольно таки себялюбивое желаніе пріобрѣсти извѣстность, популярность, вліяніе. Но крѣпко мы сомнѣваемся, чтобы такія побужденія заставили сапожника и портнаго артистически выдѣлывать обувь и платья, земледѣльца добиваться, чтобы не принадлежащій ему клочекъ земли приносилъ лишнюю мѣру хлѣба или какого нибудь слугу въ ресторанѣ съ особымъ усердіемъ подавать блюдо и мыть посуду.

Еще менѣе вѣроятно воздѣйствіе идальныхъ побужденій въ тѣхъ занятіяхъ, гдѣ результатъ труда отдѣльнаго рабочаго не уловимъ, какъ на фабрикахъ, гдѣ сосредоточена большая масса рабочей силы или въ такихъ скромныхъ, но однако необходимыхъ видахъ труда, какъ содержаніе въ опрятности улицъ и домовъ. Сомнѣваемся также, чтобы высказанное усердіе въ какой нибудь чисто механической работѣ, чтобы необыкновенная ловкость трактирнаго слуги или кучера служили вѣрнымъ критеріемъ для назначенія на общественныя и на государственныя должности. Многіе годы усердно сортировать хлопокъ на бумажной фабрикѣ, печь въ булочной хлѣбъ, чистить сапоги, или мыть посуду не служитъ доказательствомъ способности управлять людьми, а если такъ, если основаніемъ для карьеры всетаки послужитъ не усердіе, а талантъ, то куда же дѣнется пресловутое равенство?

Не болѣе убѣдительнымъ кажется намъ и послѣдній доводъ Беллэми—его указаніе на широкое развитіе всеобщаго благосостоянія, при которомъ не только потребности, но и прихоти будутъ удовлетворены вполнѣ. Мы не станемъ возражать противъ самой мысли о возможности такого необыкновеннаго промышленнаго роста. Мы были бы вправѣ, конечно, сдѣлать одну довольно существенную оговорку. Не смотря на всеобщую обязанность труда рабочихъ конца XX вѣка придется всетаки производить не на себя только, а на значительную часть населенія, которое прямо въ производствѣ участія не приметъ. Не говоря уже о войскѣ, котораго по мнѣнію Беллэми, въ тогдашнемъ государствѣ не будетъ, въ составъ нерабочей части населенія всетаки войдутъ: во первыхъ, всѣ чиновники, весь огромный персоналъ управленія и во вторыхъ, всѣ представители умственныхъ профессій. Получая вознагражденіе наравнѣ съ рабочими, они будутъ такъ сказать у послѣднихъ на содержаніи. Не слѣдуетъ также забывать, что значительная часть матеріальнаго, физическаго труда пойдетъ не на созданіе новыхъ цѣнностей, годныхъ на потребленіе, а лишь на поддержку и на увеличеніе капитала страны, т. е. на работы строительныя и дорожныя и на про-

изводство машинъ. Вознагражденіе за эту часть народнаго труда одинаково ляжетъ на остальныхъ рабочихъ. Такимъ образомъ идеалъ Лассаля, громкое положеніе «der Arbeit ihr voller Ertrag» все таки не будетъ осуществленіе и притомъ не только въ отношеніи къ каждому рабочему въ отдѣльности, но и ко всей массѣ производителей въ совокупности. Знаменитый стихъ «Si quos non vobis, arate boves» останется въ силѣ, какъ видитъ читатель, и въ обществѣ будущаго. Тѣмъ не менѣе, повторяемъ это, мы противъ самой возможности безграничнаго расширенія народнаго богатства спорить не хотимъ. Но вотъ что мы позволимъ себѣ спросить у американскаго автора: въ какой моментъ, т. е. по достиженіи какого именно размѣра производительности наступитъ вожделѣнная минута всеобщаго удовлетворенія? Вѣдь допуская, что она въ самомъ дѣлѣ наступитъ, т. е. что будетъ время, когда большаго благосостоянія никому не захочется, мы тѣмъ самымъ указываемъ экономическому прогрессу извѣстныя границы, ставимъ точку, далѣе которой онъ не пойдетъ. Состояніе полнаго удовлетворенія равносильно полному застою. А если не такъ, если у цѣлаго общества не исчезнетъ стимулъ къ дальнѣйшему экономическому росту, то онъ очевидно останется и у каждаго лица въ отдѣльности. Другими словами мы стоимъ передъ слѣдующей диллеммой: либо наступитъ когда нибудь золотой вѣкъ и всѣ перестанутъ мечтать о дальнѣйшемъ прогрессѣ, либо этотъ прогрессъ нѣчто безконечное и безпредѣльное и въ такомъ случаѣ моментъ полнаго удовлетворенія никогда не наступитъ и нечего уже толковать о возможности полнаго ревнодушія къ пріобрѣтенію новаго богатства. Да и можно ли развѣ ставить предѣлъ такому растяжимому понятію, какъ человѣческія потребности. Если то, что теперь кажется громадному большинству полнымъ довольствомъ, станетъ доступнымъ всѣмъ и каждому, развѣ въ человѣческомъ сердцѣ не заговорятъ тотчасъ новыя желанія и почему нѣкоторую степень комфорта, соотвѣтствующую теперешнему образу жизни средней буржуазіи, мы назовемъ законною умѣренною роскошью, а все, что пошло бы далѣе этого, признаемъ гибельнымъ мо-

товствомъ? Отчего желаніе имѣть хорошихъ лошадей, красивые экипажи, принимать гостей, украшать свой домъ драгоцѣнными произведеніями искусства явится въ нашихъ глазахъ менѣе законнымъ, чѣмъ болѣе скромное и скажемъ болѣе мѣщанское желаніе съѣсть вкусный обѣдъ и носить хорошо сшитое платье? А помимо всего этого есть и еще одно соображеніе, вполнѣ упущенное изъ виду у Беллэми. Въ его государствѣ люди вѣдь станутъ жить не въ одиночку, а цѣлыми семьями; и такъ какъ численный составъ отдѣльныхъ семействъ не одинаковъ, а заработокъ будетъ получаться каждымъ членомъ отдѣльно, то отсюда явствуетъ, что и средства въ жизни будутъ у всѣхъ далеко не одинаковыя. Холостяки, старыя дѣвы, люди бездѣтные и немолодые, наконецъ тѣ семейства, гдѣ у родителей нѣсколько малолѣтнихъ дѣтей или, что еще хуже, у этихъ дѣтей остались въ живыхъ одинъ только отецъ или одна только мать, словомъ довольно значительная часть населенія должна будетъ ограничиваться заработкомъ одного или въ крайнихъ случаяхъ двухъ лицъ, и окажется въ нѣсколько разъ бѣднѣе семействъ съ болѣе выгоднымъ составомъ. А коли такъ, какъ мы имѣемъ право говорить объ удовлетвореніи нуждъ всѣхъ и каждаго?

V.

Мы видѣли, что представители умственныхъ профессій являются въ государствѣ будущаго привилегированнымъ классомъ, свободнымъ отъ рабочей повинности. Тѣмъ болѣе поражаетъ насъ, что съ явной непослѣдовательностью Беллэми опредѣляетъ вознагражденіе за умственный трудъ совершенно въ одинаковомъ размѣрѣ съ трудомъ механическимъ. Такимъ образомъ, если выказанный талантъ служитъ признакомъ, выдѣляющимъ избранниковъ судьбы изъ общей массы населенія, то внутри этого класса степень таланта не даетъ никакого преимущества. Беллэми вѣрно понялъ, что отправленія умственной жизни нельзя организовать тѣмъ же способомъ, какой онъ придумалъ для промышленнаго производства, сдѣлавъ изъ

нихъ функцію государственной власти. Умственный трудъ по необходимости трудъ индивидуальный. Но сдѣлавъ эту неизбѣжную поправку къ своей системѣ, американскій авторъ тѣмъ не менѣе не предоставилъ своимъ художникамъ и ученымъ права воспользоваться плодами своего творчества.

Писатель можетъ посвящать свои досуги сочинительству, но гонораръ его нисколько не возвысится отъ того, что его книга получитъ обширное распространеніе. Художникъ можетъ написать сколько угодно превосходныхъ картинъ, но цѣну имъ назначать онъ права не имѣетъ. Получается вслѣдствіе этого по истинѣ странная аномалія. Беллэми признаетъ, что художество и печать должны быть свободны, что нельзя возлагать на государство заботу объ изданіи книгъ, журналовъ и газетъ, что нельзя художественное творчество подчинять регламентаціи, какъ фабричное производство. Но затѣмъ, хотя произведеніе искусства, какъ плодъ фантазіи, безусловно принадлежитъ своему творцу, хотя оцѣнка талантливости художника, музыканта, писателя, умѣлости врача, способности журналиста принадлежитъ исключительно публикѣ, онъ считаетъ возможнымъ налагать руку на дѣятельность этихъ людей и подводить и имъ одинъ неизмѣнный уровень. Не трудно убѣдиться, до такой степени это несбыточная и невыполнимая мечта. Нѣтъ въ самомъ дѣлѣ никакой возможности заставить талантъ работать по заказу, а тѣмъ менѣе принудить художника уступить кому либо свое произведеніе за опредѣленную плату, если не прибѣгнуть къ самому вопіющему изъ всѣхъ посягательствъ,—къ конфискаціи продуктовъ мысли и фантазіи. Далѣе сочинитель не имѣетъ возможности по своему произволу издать свою книгу или не выпускать ее въ свѣтъ, живописецъ продать свою картину или сохранить ее для себя, музыкантъ выступать передъ публикой или своей игрой доставлять наслажденіе лишь небольшому кружку друзей? Наконецъ, если врачъ обнаруживаетъ выходящія изъ ряду вонъ способности и пріобрѣтаетъ довѣріе паціентовъ, развѣ можно послѣднихъ заставлять обращаться къ иному, неумѣлому врачу, а врача талантливаго наряжать къ больному по приказу адми-

нистративной власти? А если такъ, то спрашивается, какимъ же образомъ сбытъ художественныхъ произведеній съ одной стороны, гонораръ врача или юриста съ другой можетъ подвергнуться регламентаціи, переставая быть предметомъ свободной сдѣлки. Вѣдь степень желанія частнаго лица или хотя бы государства воспользоваться услугами представителя умственнаго труда зависитъ не отъ воли какого нибудь администратора, а единственно отъ популярности художника, литератора и врача. И какія бы ни придумывали искусственныя мѣры, дабы устранить возможность такихъ сдѣлокъ, кромѣ одной только, чисто варварской мѣры присвоенія художественной собственности или обращенія профессіи въ рабское состояніе, такая противоестественная цѣль достигнута быть не можетъ.

Всего яснѣе мы это видимъ въ той части труда Беллэми, гдѣ онъ разсуждаетъ о будущемъ положеніи печати. Въ качествѣ американца онъ не рѣшается подвергнуть ее контролю или цензурѣ, а тѣмъ менѣе закрѣпостить ее государственной власти. Печатная мысль, по его мнѣнію, должна быть совершенно свободна. И вотъ какъ онъ предполагаетъ организовать дѣло книгопечатанія и періодической прессы. Для каждаго автора безусловно открыты государственыя типографіи, гдѣ книга можетъ быть напечатана за небольшое вознагражденіе, каждый разъ вычитываемое изъ его заработка. Никакому ограниченію это право не подчинено. Но затѣмъ изданіе въ свѣтъ и продажу сочиненій принимаетъ уже на себя государство, получая всю выручку въ свою пользу. Такимъ образомъ, съ одной стороны государственная власть обязана распространять сочиненія, быть можетъ направленныя противъ нея самой, но съ другой авторъ въ свою очередь безусловно лишается выгодъ отъ распродажи своего труда. Еще комичнѣе порядокъ, изобрѣтенный Беллэми для устройства періодической печати. Изданіе газетъ и журналовъ тоже производится государствомъ. Но такъ какъ расходы по такому предпріятію явно превосходятъ средства отдѣльнаго лица, каждый желающій издавать журналъ или газету предварительно долженъ собрать достаточное число участниковъ, согласныхъ на уступку

части своего заработка ради удовольствія распространять въ публикѣ свои идеи. Затѣмъ, найдетъ ли изданіе многія тысячи читателей или останется на рукахъ типографіи въ качествѣ макулатуры, это съ точки зрѣнія выручки совершенно безразлично. Государство является такимъ образомъ въ нѣсколько антимной роли подневольнаго распространителя мнѣній, зачастую направленныхъ къ его ниспроверженію, но за то оно присвоиваетъ себѣ всѣ барыши отъ распродажи популярныхъ изданій, получая такимъ образомъ богатую и ничѣмъ не оправдываемую дань съ произведеній своихъ наиболѣе талантливыхъ гражданъ.

Вопросъ о періодической печати въ государствѣ будущаго насъ естественнымъ образомъ приводитъ къ той картинѣ его политической жизни, какую попробовалъ набросать Беллэми. Жизнь эта прежде всего характеризуется двумя чертами, не вполнѣ совмѣстимыми,—крайней свободою и полною безмятежностью. Всестороннему обсужденію всевозможныхъ проектовъ и мѣръ и въ печати и на уличныхъ сходкахъ предоставленъ самый широкій просторъ, партійной агитаціи не поставлено никакихъ предѣловъ. И всетаки, судя по описанію Беллэми, вся эта широкая, разнузданная политическая жизнь съ ея прессой, ея собраніями, ея выборами представляется въ высшей степени безсодержательной. Борьба мнѣній можетъ происходить безъ всякаго стѣсненія подъ открытымъ небомъ, но борьба эта въ тоже время совершенно безцѣльна. Тѣхъ вопросовъ, которые такъ волнуютъ современное общество, черезъ сто лѣтъ, по увѣренію Беллэми, уже не будетъ; классная борьба замретъ, чтобы уже не возрождаться болѣе. Международная политика съ водвореніемъ безконечнаго міра потеряетъ всякій смыслъ. Самое законодательство, а съ нимъ за одно и внутренее управленіе до крайности съузятся въ своихъ задачахъ, такъ какъ не зачѣмъ уже будетъ спорить объ организаціи и распредѣленіи власти среди общества, гдѣ всѣ имущественныя и сословныя различія исчезнутъ; не зачѣмъ будетъ регулировать гражданскія отношенія, потому что самый предметъ этихъ отношеній перестанетъ существовать; не зачѣмъ

совершенствовать форму уголовнаго суда, потому что исчезнутъ поводы къ преступленіямъ. Такъ по крайней мѣрѣ думаетъ Беллэми, и причина его оптимизма двоякая, если можно обозначить этимъ словомъ его политическое міросозерцаніе. Первую изъ этихъ причинъ мы уже знаемъ: она заключается въ увѣренности, что отсутствіе надежды на обогащеніе коренным образомъ исправитъ порочную натуру человѣка. Вторая обусловлена взглядомъ Беллэми на исключительную задачу будущаго государства. Строго говоря вся его жизнь будетъ сведена къ однимъ только экономическимъ отправленіямъ, а такъ какъ онѣ получатъ въ немъ свою окончательную, законченную форму, то далѣе уже некуда будетъ идти, а стало быть нечего бороться. Останется лишь довершать кое какія частичныя, второстепенныя поправки, настолько маловажныя, что онѣ уже не въ состояніи волновать умы, да выбирать на государственныя должности наиболѣе подходящихъ лицъ. А такъ какъ съ одной стороны эти должности уже не будутъ обставлены выгодами и прерогативами теперешнихъ административныхъ и военныхъ постовъ, а съ другой подъемъ нравственнаго чувства побудитъ всѣхъ относиться къ акту избранія вполнѣ безпристрастно, то и самые выборы не представятъ почвы для антагонизма и борьбы.

Такова въ существенныхъ чертахъ картина будущей общественной жизни. Трудно скрыть отъ себя, что жизнь эта крайне бѣдна содержаніемъ, что она какъ бы атрофируетъ человѣческую дѣятельность, сводя ее къ одному промышленному производству, что, говоря попросту, въ государствѣ Беллэми будетъ жить очень скучно. Но мы думаемъ въ то же время, что почтенный авторъ даетъ намъ въ своей книгѣ крайне невѣрное представленіе о тѣхъ общественныхъ порядкахъ, какіе возникли бы, если бы осуществились его идеи. Чтобы въ этомъ убѣдиться, мы вкратцѣ укажемъ здѣсь, какіе способы онъ придумалъ для возможно лучшаго устройства правительственнаго аппарата, и затѣмъ спросимъ у себя, такъ ли въ самомъ дѣлѣ будетъ дѣйствовать этотъ аппаратъ, какъ полагаетъ Беллэми.

Особенность административной іерархіи въ государствѣ будущаго заключается въ томъ, что государственная служба вполнѣ сливается съ отправленіемъ рабочей повинности. Другими словами весь персоналъ чиновниковъ набирается изъ рядовъ простыхъ рабочихъ, и прохожденіе всей лѣстницы внутри рабочей арміи признается необходимою подготовкою для занятія со временемъ одной изъ высшихъ государственныхъ должностей. Руководство болѣе или менѣе крупнымъ отрядомъ рабочихъ соотвѣтствуетъ полученію одного изъ офицерскихъ чиновъ, расположенныхъ въ той же постепенности, какъ въ теперешнемъ войскѣ. Каждая отрасль промышленности образуетъ при этомъ отдѣльную часть, организованную совсѣмъ по военному образцу. Во главѣ такой части стоитъ генералъ, отъ воли котораго зависитъ назначать всѣхъ подчиненныхъ ему офицеровъ до полковниковъ включительно. Какъ видно, Беллэми позаботился о дисциплинѣ въ своей рабочей арміи. За то сами генералы, командующіе такъ называемыми «рабочими гильдіями», далѣе корпусные командиры, руководящіе нѣсколькими гильдіями, наконецъ, десять высшихъ начальниковъ, соотвѣтствующихъ теперешнимъ министрамъ, опредѣляются на эти должности уже по выбору. Но здѣсь Беллэми, повидимому не особенно расположенный къ догмату народнаго самодержавія, придумалъ крайне оригинальную избирательную систему, которая могла бы пригодиться и за предѣлами его фантастическаго государства. Высшія должностныя лица выбираются не всеобщей подачей голосовъ, а особой почетной коллегіей, составленной изъ представителей всѣхъ отраслей промышленности, уже отбывшихъ службу, т. е. перешедшихъ за 45-лѣтній возрастъ. Срокъ замѣщенія каждой должности пятилѣтній, а вторичный выборъ не допускается. Сами члены избирательной коллегіи выбраны быть не могутъ, такъ какъ для занятія какой либо должности, кромѣ должности президента, надо быть моложе 45 лѣтъ; этимъ при выборахъ устраняется борьба личныхъ интересовъ, и въ каждомъ данномъ случаѣ оцѣнка свойствъ избираемаго предоставляется людямъ вполнѣ компетентнымъ. То обстоятельство, что администра-

тивный персоналъ рекрутируется изъ людей, практически знакомыхъ съ промышленными занятіями, мотивировано тѣмъ, что главная дѣятельность государственнаго механизма сводится къ организаціи промышленнаго производства. Вѣнцомъ всего государственнаго зданія является президентъ, каждый разъ выбираемый изъ числа бывшихъ начальниковъ десяти департаментовъ, но съ тѣмъ однако, что по окончаніи срока замѣщенія имъ одной изъ этихъ должностей, кандидатъ въ президенты долженъ нѣкоторое время оставаться свободнымъ отъ оффиціальныхъ занятій. Это Беллэми считаетъ необходимымъ, чтобы дать ему время подготовиться для своей будущей государственной дѣятельности. Затѣмъ дабы устранить всякую возможность интригъ при президентскихъ выборахъ, Беллэми предоставляетъ право назначать президента корпораціямъ свободныхъ профессій, члены которыхъ въ составъ рабочихъ армій не входятъ и потому сами не могутъ занять президентскаго мѣста. Такимъ образомъ повсюду строго выдержанъ принципъ избранія на должности посредствомъ людей, лично не заинтересованныхъ въ этомъ избраніи. Этотъ же принципъ имъ примѣняется и къ порядку назначенія чиновъ магистратуры, но дабы не утомить читателя, мы не станемъ здѣсь передавать въ подробности устройство судовъ въ государствѣ будущаго, такъ какъ для нашихъ цѣлей это устройство особаго интереса не имѣетъ.

Мы только что видѣли, что Беллэми свободенъ отъ увлеченія демократическимъ доктринерствомъ. Тѣмъ не менѣе его государственное зданіе воздвигнуто даже не на пескѣ, а на еще болѣе зыбкой почвѣ чистой иллюзіи. При всей несомнѣнной оригинальности мысли передать выборъ должностныхъ лицъ въ руки людей, которые сами избраны быть не могутъ, нельзя не быть пораженнымъ крайней аномаліей такого соотношенія политическихъ правъ, при которомъ лучшіе люди, наиболѣе способные къ государственной службѣ, отъ этой службы вполнѣ устраняются. Подготовительной школой для государственной службы является у Беллэми наперекоръ всѣмъ историческимъ примѣрамъ лишь долговременное отбываніе ра-

бочей повинности, лишь механическій трудъ, который нигдѣ и никогда до сихъ поръ не служилъ подготовкой къ политической власти. Такимъ образомъ весь общественный строй оказывается у него поставленнымъ вверхъ дномъ, и тѣ самыя качества ума и таланта, которыя по его же системѣ снабжаютъ драгоцѣннымъ правомъ свободы отъ грубыхъ занятій, въ тоже время служатъ у него какъ бы печатью отверженія. Подобное устройство нельзя не признать въ высшей степени неустойчивымъ. Неужели можно серьезно допустить, чтобы люди, образующіе изъ себя весь цвѣтъ націй, люди, обладающіе монополіей знанія и таланта, и вдобавокъ всѣми средствами вліять на прочихъ распространеніемъ въ печати своихъ идей, воздержались бы отъ всякой попытки захватить въ свои руки настоящую власть и переустроить общественные порядки въ свою пользу? Обладать всѣми данными для господства и благодушно смотрѣть, какъ властью располагаютъ другіе—это противно всѣмъ естественнымъ наклонностямъ человѣческой природы. Всѣ до сихъ поръ существовавшія формы государственнаго устройства оттого только и приходили въ упадокъ и въ концѣ концовъ ниспровергались, что онѣ дѣлались несоотвѣтствующими дѣйствительному распредѣленію въ странѣ вліянія и могущества. А какое могущество можетъ сравниться съ преобладаніемъ таланта въ такомъ обществѣ, гдѣ иныхъ отличій уже не существуетъ? Отчего же единственнымъ исключеніемъ изъ правила, не подлежащимъ закону развитія и упадка, окажется конституція, придуманная Беллэми? Вѣдь съ того самаго момента, когда установится полное соціальное равновѣсіе, начнется подземная работа тѣхъ людей, которымъ выгодно будетъ это равновѣсіе ниспровергнуть. Человѣчеству не свойственно останавливаться на какомъ нибудь политическомъ или соціальномъ устройствѣ, какъ на окончательномъ. Потребность въ движеніи, въ которой сказывается общественная жизнь, ея стремленіе къ тому, что принято называть прогрессомъ, отъ того не исчезнетъ, что перестанетъ существовать имущественное неравенство. Человѣку нельзя сказать: «успокойся, дальше этого ты уже не пойдешь». И тотъ самый

прогрессъ, который теперь мерещится въ соціальномъ уравненіи, для многихъ будетъ заключаться тогда въ стремленіи освободиться отъ принудительнаго равенства. Для всѣхъ тѣхъ, которымъ способности и знанія могли бы доставить львиную долю при дѣлежѣ матеріальныхъ благъ и политической власти, полное, неумолимое равенство будетъ казаться чѣмъ то въ высшей степени возмутительнымъ, чѣмъ то отнимающимъ у нихъ законную долю въ распредѣленіи благъ земныхъ. А такъ какъ у нихъ будутъ всѣ средства вербовать себя среди менѣе образованной массы послушныхъ сторонниковъ, и государство, не имѣющее войска, не будетъ въ состояніи дать имъ матеріальный отпоръ, это государство, если бы оно когда нибудь и возникло, не просуществовало бы и въ теченіе одного года.

Еще болѣе странной кажется намъ попытка Беллэми замкнуть общественную жизнь въ сферу одной экономической дѣятельности. Допустимъ, что съ водвореніемъ всеобщаго міра, въ войскѣ и во флотѣ уже не встрѣтится надобности, что съ націонализаціей всего народнаго имущества исчезнутъ налоги и потому уже не будетъ финансоваго управленія. Какъ видитъ читатель, мы не скупимся на уступки. Но развѣ этимъ исчерпывается государственная жизнь? Развѣ у нея не остается цѣлый рядъ многочисленныхъ и сложныхъ функцій,—народное просвѣщеніе, судъ, полиція, завѣдываніе путями сообщенія, почтами, телеграфами, общественными постройками и т. д.? Неужели и на всѣ должности по этимъ отраслямъ управленія исключительнымъ контингентомъ будутъ служить простые рабочіе, и техники, учителя, судьи перестанутъ набираться изъ лицъ, получившихъ высшее образованіе? А если нѣтъ,—да иначе оно и быть не можетъ—то значительная доля государственной власти окажется по необходимости въ рукахъ умственной аристократіи, передъ которой будетъ стоять только непереходимая преграда къ достиженію самыхъ высшихъ должностей.

Мы не станемъ вдаваться здѣсь въ подробное обсужденіе по истинѣ наивнаго взгляда Беллэми на возможность

для государства будущаго обходиться безъ всякой полиціи и почти всякаго суда. Одинъ источникъ правонарушеній, корысть, будетъ, положимъ, устраненъ, хотя далеко не вполнѣ, такъ какъ въ рукахъ отдѣльныхъ гражданъ и притомъ какъ мы видѣли далеко не въ равной мѣрѣ всетаки останутся движимыя цѣнности и нѣтъ основанія полагать, что на присвоеніе такихъ цѣнностей никому бы не пришло въ голову покуситься. Но помимо этого источника преступности развѣ не существуетъ другихъ? Развѣ прочія страсти, и въ особенности главная изъ нихъ—половое влеченіе, изсякнутъ когда нибудь въ человѣческомъ сердцѣ? А если поводы къ разнаго рода насильственнымъ поступкамъ, вызваннымъ любовью, ревностью, местью, не исчезнутъ, если всякаго рода излишества, обусловленныя буйствомъ и распущенностью, останутся вполнѣ возможными, какъ обойдется мирная часть общества безъ полицейской охраны и безъ карающаго суда?

Такимъ образомъ съ какой бы стороны мы ни взглянули на порядки, нарисованные у Беллэми, мы съ перваго же взгляда найдемъ въ нихъ крупные недочеты. Не будетъ того сбереженія производительнаго труда, на какое онъ разсчитываетъ, благодаря лишнему сокращенію чиновнической арміи; напротивъ армія эта вѣроятно значительно умножится при казенномъ руководствѣ всей промышленною жизнью страны; не будетъ всеобщаго довольства, на которомъ остановились бы удовлетворенныя человѣческія потребности, потому что нѣтъ и не можетъ быть такого состоянія, при которомъ человѣку не захотѣлось бы идти далѣе и достигнуть высшей степени матеріальнаго благоденствія; не окажется и полнаго равенства, такъ какъ различіе въ семейномъ составѣ обусловитъ сравнительную обезпеченность однихъ передъ другими; не мыслимо, наконецъ, само существованіе такого государственнаго строя, передъ которымъ наиболѣе заинтересованными въ его ниспроверженіи какъ разъ окажутся люди наиболѣе способные его ниспровергнуть.

VI.

Мы видѣли, какъ Беллэми полагаетъ замѣнить въ производствѣ личный починъ государственнымъ. Посмотримъ теперь, какъ онъ думаетъ обойтись безъ свободнаго обмѣна и связаннаго съ нимъ денежнаго обращенія.

Вознагражденіе каждаго лица, достигшаго совершеннолѣтія, вознагражденіе, какъ мы уже знаемъ, совершенно равномѣрное для всѣхъ и каждаго, производится не посредствомъ уплаты опредѣленной денежной суммы, а выдачею расчетныхъ книжекъ, составляющихъ единственный источникъ имущественныхъ правъ и единственное орудіе обмѣна. Размѣръ вознагражденія исчисляется въ прежнихъ денежныхъ единицахъ,—долларахъ, но единицы эти имѣютъ лишь фиктивное значеніе и являются не реальными денежными знаками, а лишь отвлеченною мѣрою цѣнности. Сумма, на которую выданъ расчетный листъ, даетъ получившему ее лицу право на опредѣленное количество товаровъ, а цѣна этихъ товаровъ въ свою очередь опредѣляется по таксѣ въ тѣхъ же долларахъ. Никакихъ денежныхъ знаковъ, ни металлическихъ, ни бумажныхъ, болѣе не требуется, такъ какъ между частными лицами никакихъ сдѣлокъ происходить не можетъ, а всѣ расчеты исключительно производятся между отдѣльными потребителями и казной. Каждое пріобрѣтеніе товара заносится въ книжку съ соотвѣтствующею отмѣткой, и пока не истощенъ кредитъ потребителя, онъ имѣетъ право на удовлетвореніе всѣхъ своихъ потребностей по собственному усмотрѣнію. Въ крайнемъ случаѣ, если бы кредитъ потребителя истощился до истеченія года, допускается даже полученіе товара въ зачетъ слѣдующаго заработка.

Этой несложной операціей Беллэми считаетъ возможнымъ удовлетворить всѣ потребности страны въ денежномъ обращеніи. Торговля переходитъ также всецѣло въ руки государства, какъ и производство. Всѣ продукты земледѣлія и промышленности свозятся въ обширные казенные склады, откуда они

затѣмъ расходятся среди населенія по мѣрѣ заказовъ потребителей. Нѣтъ болѣе надобности въ тѣхъ безчисленныхъ магазинахъ, лавкахъ, конторахъ, служащихъ въ настоящее время отправленіямъ сложной процедуры торговаго обмѣна. Ихъ замѣняютъ находящіеся въ каждомъ городскомъ кварталѣ и въ каждомъ селеніи правительственные склады, но уже не самыхъ товаровъ, а лишь обращиковъ таковыхъ, которые выставлены въ особыхъ витринахъ съ обозначеніемъ цѣнъ и даютъ всѣмъ и каждому возможность удовлетворять свои потребности и вкусы выборомъ соотвѣтствующаго продукта. По полученіи заказа дѣлается отмѣтка на расчетной книжкѣ и немедленно по телефону сообщается въ ближайшій складъ о высылкѣ данному лицу заказаннаго товара. Для ускоренія доставки вводятся всевозможныя техническія усовершенствованія, устраняющія всякое замедленіе. Такимъ образомъ при достиженіи обществомъ вершины экономическаго прогресса получится нѣчто очень похожее на теперешній характеръ торговли въ самыхъ мелкихъ захолустныхъ поселкахъ. Совершенно также, какъ въ этихъ поселкахъ, имѣются лавки, гдѣ можно купить что угодно, отъ дамскихъ уборовъ до сапожной ваксы, такъ и въ складахъ будущаго государства выбору потребителя представится пестрое сопоставленіе всевозможныхъ продуктовъ.

Сыръ, овощи, мясо будутъ красоваться въ этихъ складахъ на ряду съ дорогими издѣліями изъ золота или жемчуга, уголь и керосинъ наряду съ шелковыми матеріями или произведеніями искуства. И Беллэми серьезно увѣряетъ насъ, что такая организація торговли вопервыхъ очень проста и несложна, а вовторыхъ легко удовлетворитъ не только всѣмъ потребностямъ, но и прихотямъ. Онъ твердо увѣренъ вдобавокъ, что государство, какъ единственный производитель, будетъ въ состояніи почти безошибочно заранѣе опредѣлять характеръ и размѣры спроса и сообразовать съ ними производство. Не будетъ уже, такъ думаетъ онъ, тѣхъ губительныхъ кризисовъ, которые вызваны теперь загроможденіемъ рынка товарами, не находящими покупщиковъ. Современное производство движется ощупью въ потьмахъ, предугадывая лишь вѣроятныя условія

сбыта, и главная его пружина— слѣпая, безпощадная конкурренція. Производство будущаго станетъ руководствоваться точными данными о вкусахъ и нуждахъ населенія и дѣло свое поведетъ уже навѣрняка.

Всмотримся попристальнѣе въ картину, набросанную американскимъ авторомъ, и прежде всего остановимся на чертѣ, только что подмѣченной нами. Правда ли, что центральная государственная власть, руководя промышленностью цѣлой страны, будетъ въ состояніи лучше предугадывать условія рынка, чѣмъ можетъ это сдѣлать теперешняя частная предпріимчивость? Всѣ вообще товары могутъ быть раздѣлены на двѣ главныя категоріи, на такъ называемые предметы первой необходимости и на произведенія роскоши, понимая конечно то и другое въ очень широкомъ смыслѣ. Предметами первой необходимости мы назовемъ такіе, которые при данномъ развитіи народнаго богатства, при данномъ standart of life потребляются всѣмъ населеніемъ поголовно, причемъ недостатокъ такихъ продуктовъ на рынкѣ ощущается всѣми, какъ лишеніе, но за то спросъ на эти продукты никогда не можетъ идти далѣе извѣстной, очень опредѣленной нормы. Въ самомъ дѣлѣ, если напримѣръ потребленіе мяса, сыра, яицъ вошло въ составъ обычной пищи всего населенія, невозможность пріобрѣсть эти товары въ достаточномъ количествѣ будетъ крайне ощутительна для потребителей и сразу погонитъ цѣны на нихъ сильно въ гору; но за то никакая степень богатства отдѣльнаго лица или цѣлой категоріи людей не побудитъ ихъ потреблять эти продукты въ сильно увеличенномъ количествѣ. Вслѣдствіе этого размѣры потребленія этого класса товаровъ въ каждое данное время и для каждаго народа могутъ быть опредѣлены довольно точно. Сюда относятся всѣ вошедшіе въ общее употребленіе пищевые продукты, одежда и обувь простаго качества, топливо и т. д. Но едва ли можно сказать, что въ соціалистическомъ государствѣ будущаго размѣръ потребности въ этихъ товарахъ можетъ быть опредѣленъ точнѣе и лучше, чѣмъ въ настоящее время. Конечно установленіе равномѣрнаго довольства среди цѣлой страны будетъ имѣть

неминуемымъ послѣдствіемъ во первыхъ значительное возвышеніе standart of life, т. е. расширеніе числа предметовъ первой необходимости, а во вторыхъ отсутствіе колебаній въ покупной силѣ населенія. Но два эти обстоятельства лишь очень несущественнымъ образомъ повліяютъ на степень легкости собиранія свѣдѣній о размѣрахъ потребленія. Въ коннѣ концовъ нѣтъ и не можетъ быть иного способа къ опредѣленію этого размѣра, кромѣ цифровыхъ данныхъ о сдѣлкахъ, совершенныхъ на потребительныхъ рынкахъ. Сдѣлки эти на предметы первой необходимости обыкновенно производятся очень крупными партіями, что и доводитъ здѣсь статистическія данныя почти до полнаго тождества съ дѣйствительностью. Но эти выходы совершенно одинаковы при теперешнихъ порядкахъ и при соціалистическомъ устройствѣ. Послѣднее имѣетъ за собой такимъ образомъ нѣкоторое превосходство лишь по отношенію къ стойкости рынка. Но есть двѣ очень существенныя причины, вполнѣ лишающія центральную власть государства будущаго всякой возможности, даже приблизительно, вычислить потребность рынка въ предметахъ первой необходимости. Причины эти слѣдующія. Если потребленіе этихъ товаровъ, вообще говоря очень устойчиво, то за то производство большинства изъ нихъ подвержено чрезвычайно сильнымъ колебаніямъ, благодаря случайнымъ природнымъ условіямъ, вліяющимъ на высоту урожая и на размноженіе животныхъ. Другой еще болѣе существенный моментъ заключается въ томъ, что всѣ предметы первой необходимости имѣютъ не національный, а всемірный рынокъ, что они въ значительной степени производятся не для домашняго потребленія, а для обмѣна на чужіе товары. А такъ какъ высота спроса зависитъ въ виду этого уже отъ случайностей, могущихъ произойти не только въ предѣлахъ данной страны, но по поверхности цѣлаго земнаго шара, то предугадать эти случайности и опредѣлить заранѣе условія рынка нѣтъ очевидно никакой возможности.

Переходимъ затѣмъ къ другой категоріи товаровъ,—къ предметамъ роскоши. Съ перваго взгляда можетъ показаться,

что различіе между ними и предметами первой необходимости въ государствѣ будущаго совершенно исчезнетъ. Но такое предположеніе было бы крайне ошибочно. Въ самомъ дѣлѣ отличительнымъ признакомъ каждой изъ этихъ двухъ категорій товаровъ служитъ не разница въ цѣнѣ, дѣлающая одни изъ нихъ болѣе доступными небогатымъ людямъ, а то обстоятельство, что первые предназначены удовлетворять дѣйствительнымъ потребностямъ всѣхъ и каждаго, между тѣмъ какъ спросъ на вторые вызывается индивидуальнымъ вкусомъ и даже прихотью.

Конечно при имущественномъ уравненіи существующія теперь рѣзкія различія въ потребностяхъ и вкусахъ должны будутъ сгладиться и вслѣдствіе этого потребленіе такъ называемыхъ предметовъ роскоши значительно расширится, станетъ даже болѣе или менѣе всеобщимъ. Но при огромномъ разнообразіи этихъ предметовъ и неменьшемъ разнообразіи во вкусахъ все таки не получится никакого точнаго мѣрила для ихъ потребленія. Въ настоящее время, когда область спроса на товары этого рода ограничена, опытъ показываетъ, что спросъ на каждый изъ нихъ колеблется весьма сильно и происходитъ это вовсе не въ зависимости отъ колебаній по покупной силѣ зажиточной части населенія, а главнымъ образомъ отъ неустойчивости и прихотливости ея вкусовъ. Когда зажиточность распространится на всю массу народа, поводъ къ такой измѣнчивости вовсе не исчезнетъ, такъ какъ быть прихотливымъ свойственно всѣмъ людямъ, коль скоро у нихъ является возможность удовлетворять свой неустойчивый вкусъ. Говорить стало быть о какой либо возможности нормировать производство сообразно съ данными о потребленіи въ каждомъ истекшемъ промышленномъ году значитъ опять таки завѣдомо предаваться самообольщенію.

Но помимо этой роковой невозможности для государства лучше и вѣрнѣе разсчитывать условія рынка, чѣмъ дѣлаютъ это въ настоящее время частные предприниматели, существуетъ цѣлый рядъ такихъ производствъ, которыя никакъ не могутъ обходиться безъ частнаго заказа и для которыхъ

вслѣдствіе того посредничество казенныхъ складовъ явилось бы крайне затруднительнымъ тормазомъ. Какимъ образомъ напримѣръ могли бы такіе склады удовлетворить требованіямъ публики относительно обуви и одежды? И можетъ развѣ казенное производство въ этой области сколько нибудь удовлетворить личный вкусъ, не говоря уже о томъ, что товары этого рода должны быть приспособлены къ физическимъ свойствамъ отдѣльныхъ заказчиковъ? Къ той же области товаровъ, не подходящихъ къ условіямъ казенной торговли относятся во первыхъ почти всѣ пищевые продукты, какъ мясо, яйца, живность всякаго рода, продукты молочнаго и булочнаго производства и т. д., которые при государственныхъ складахъ подверглись бы неминуемой порчѣ, а засимъ также всѣ произведенія, отмѣченныя особеннымъ изяществомъ, продукты токарнаго и слесарнаго ремесла, а также издѣлія изъ слоновой кости, драгоцѣнныхъ камней, металловъ и т. д, словомъ вся обширная область орнаментаціи. Допуская даже, что всѣ эти предметы могутъ быть производимы по казеннымъ заказамъ, что мы впрочемъ рѣшительно отрицаемъ, торговля ими уже никоимъ образомъ не можетъ сосредоточиваться въ обширныхъ складахъ и по необходимости вызоветъ появленіе мелкихъ лавокъ и мастерскихъ совершенно какъ въ настоящее время. Столь же немыслимо объединеніе торговли для продуктовъ умственнаго труда, для книгъ, газетъ, музыкальныхъ нотъ, гравюръ и т. п. Стало быть и сосредоточеніе товаровъ, ради сбереженія труда, надо оставить какъ несбыточную мечту, покрайней мѣрѣ для очень большаго числа этихъ товаровъ. Но едва ли не столь затруднительно и самое производство ихъ отъ казны. Какъ скоро качество продуктовъ является результатомъ личнаго умѣнія, ловкости и вкуса работника, огульное производство по казенному заказу чистая нелѣпость. Можно въ самомъ дѣлѣ портнаго или сапожника заставить въ опредѣленное время изготовить столько то паръ башмаковъ или платья, но сдѣлать ихъ изящно, со вкусомъ ему приказать нельзя. Еще менѣе возможно изготовленіе отрядною работой предметовъ, стоящихъ на границѣ между искусствомъ

и промышленностью, гдѣ ремесленникъ становится почти уже художникомъ. Во первыхъ, это нельзя потому, что невозможно предугадать заранѣе, сколько окажется на лицо талантливыхъ орнаментистовъ, а во вторыхъ, что успѣшность работы зависитъ здѣсь отъ извѣстнаго вдохновенія, регламентировать которое несовсѣмъ таки удобно.

Нигдѣ однако несостоятельность мысли американскаго автора не выступаетъ съ такою ясностью, какъ въ вопросѣ о взаимныхъ имущественныхъ отношеній гражданъ между собою. Беллэми разрѣшаетъ этотъ вопросъ самымъ простымъ и въ тоже время самымъ радикальнымъ способомъ. Онъ попросту отрицаетъ всякую возможность такихъ отношеній. При этомъ онъ разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ. Такъ какъ вся работа каждаго взрослаго до 45-тилѣтняго возраста принадлежитъ государству и вознагражденіе онъ получаетъ отъ него же, причемъ выдача этого вознагражденія не прекращается и послѣ 45 лѣтъ, у каждаго отдѣльнаго лица расчеты могутъ быть только съ казною. Иныхъ источниковъ дохода кромѣ расчетной книжки у него нѣтъ, а такъ какъ въ странѣ не обращается никакихъ денежныхъ знаковъ, ни металлическихъ, ни бумажныхъ, то купить что-либо у частнаго лица или продать другому какой либо предметъ никто не имѣетъ возможности. За отсутствіемъ денегъ, всякаго рода сдѣлки, увѣряетъ насъ Беллэми, и ссуда, и поклажа, и залогъ, и купля—продажа становятся немыслимыми. Возможно одно только дареніе. Наконецъ, такъ какъ все имущество частныхъ лицъ заключается въ движимостяхъ, т. е. въ предметахъ, подлежащихъ немедленному потребленію или быстрой порчѣ, немыслимо также накопленіе богатствъ, т. е. другими словами, образованіе частнаго капитала. Беллэми не отрицаетъ самаго принципа частной собственности, онъ допускаетъ даже переходъ имуществъ по завѣщанію. Но, говоритъ онъ, такъ какъ съ одной стороны заработка вполнѣ хватаетъ для удовлетворенія нуждъ всѣхъ и каждаго, а съ другой полученіе кѣмъ-либо по наслѣдству значительнаго количества движимостей, какъ мебели, посуды, произведеній искусства и т. д. потребовало бы

такого широкаго помѣщенія, какого у частнаго лица быть не можетъ, то каждый вѣроятно поспѣшилъ бы отказаться отъ завѣщаннаго имущества. Въ самомъ дѣлѣ, увѣряетъ насъ Беллэми, всѣ цѣнныя вещи, остающіяся послѣ умершихъ, отдаются ихъ родными въ государственныя музеи.

Шаткость всѣхъ этихъ разсужденій и догадокъ очевидна. Они разсыпаются въ ничто отъ перваго же прикосновенія анализа. Всѣ гражданскія отношенія частныхъ лицъ, говоритъ Беллэми, исчерпываются дареніемъ, будь это даровая уступка какой либо вещи или своего времени, своего труда. Остановимся на послѣднемъ изъ этихъ двухъ случаевъ, на взаимныхъ услугахъ, регулируемыхъ въ настоящее время обязательствомъ личнаго найма. Нельзя себѣ представить такого положенія общества, при которомъ ни одинъ человѣкъ никогда не нуждался бы въ помощи другаго, помощи физической или умственной. Прислуги въ государствѣ будущаго очевидно не будетъ, по крайней мѣрѣ въ частныхъ домахъ: въ публичныхъ заведеніяхъ, музеяхъ, гостинницахъ, трактирахъ и т. д. безъ нея обходиться нельзя, и служба въ этихъ заведеніяхъ будетъ однимъ изъ видовъ обязательной работы. Но въ частныхъ домахъ, повторяемъ это, придется замѣнить прислугу разными механическими двигателями. Допустимъ, что это станетъ возможнымъ. Тѣмъ не менѣе окажется не мало случаевъ, когда отдѣльнымъ людямъ придется обращаться, хотя бы временно, къ помощи другихъ: въ такомъ положеніи напр. очутятся всѣ больные и физически разслабленные, которые не всегда же будутъ отправляться въ казенныя больницы. Во вторыхъ и здоровымъ людямъ сплошь и рядомъ придется воспользоваться нужными услугами, хотя бы временно, когда напр. встрѣтится надобность въ спѣшномъ порученіи или переноскѣ какихъ нибудь тяжелыхъ вещей. Полагаемъ также, въ государствѣ будущаго не будутъ обходиться безъ экипажей, артельщиковъ и тому подобнаго. Намъ возразятъ, что всѣ такія работы будутъ исполняться отъ казны людьми, состоящими на обязательной службѣ и что тѣ, кто воспользуется услугами носильщика, разсыльнаго, кучера, и т. д., будутъ за то под-

вергаться вычету изъ заработка. Это прекрасно. Но бѣда въ томъ, что казна, опредѣлившая кого либо на исполненіе подобныхъ обязанностей, не можетъ расчитать напередъ количество и интензивность его работы, коль скоро ему придется исполнять порученія другихъ. Для разсыльнаго или извощика и т. д. не все равно, проработаетъ онъ одинъ, два или много часовъ и отправится ли на болѣе или менѣе далекое разстояніе. А такъ какъ разсчитывать на то, что извощики и разсыльные будутъ исполнять различныя порученія ради одной только любви къ ближнему, было бы нѣсколько наивно, то въ виду явной невозможности вознаградить ихъ за излишнюю работу отъ казны, такъ какъ заработокъ они всегда получаютъ одинаковый, придется въ концѣ концовъ вернуться къ старой, давно испытанной системѣ,—къ вознагражденію со стороны того, кто воспользовался услугою. Эта система наиболѣе простая и пожалуй даже наиболѣе справедливая. Совершенно тоже повторится и съ услугами иного свойства, съ пріобрѣтеніемъ нравственной и умственной пользы отъ воспитателя и наставника или съ полученіемъ медицинскаго совѣта отъ врача. Смѣемъ думать, что не смотря на широкое распространеніе школъ, больницъ и госпиталей никому не будетъ возбранено дѣтей воспитывать дома по крайней мѣрѣ до извѣстнаго возраста и призывать себѣ на помощь медика. Опять таки можно возразить, что врачи и наставники юношества будутъ получать казенное вознагражденіе, а частнымъ лицамъ станутъ предлагать свои услуги даромъ. Это было бы превосходно, если бы всѣ учителя и врачи отличались одинаковыми способностями и знаніемъ дѣла и потому спросъ на ихъ время былъ бы тоже одинаковъ. Но такъ какъ на бѣду этого никогда не случится и всѣ пожелаютъ обращаться къ наиболѣе талантливымъ представителямъ науки, то послѣдніе или очутятся въ положеніи каторжныхъ, у которыхъ нѣтъ ни одной свободной минуты, что не совсѣмъ пріятная награда за талантъ, либо должны будутъ отказывать въ своемъ содѣйствіи, что несогласно съ духомъ милосердія и любви. Наконецъ, когда лицо или товарищество лицъ, предпринявшихъ

изданіе журнала, будутъ обращаться къ содѣйствію литераторовъ, степень таланта послѣднихъ будетъ для нихъ кажется тоже не безразличной, а стало быть въ виду большаго запроса на ихъ трудъ, хорошіе писатели должны будутъ строчить, не разгибая спины и не получая за это никакого вознагражденія; развѣ такъ будетъ устроено дѣло, что представители всѣхъ этихъ профессій явятся обязанными помогать ближнему въ теченіе нѣсколькихъ часовъ,—хорошо ли, дурно ли, это безразлично—а все остальное время имъ будетъ предоставлено бить баклуши или безвозмездно посвящать ближнему свои досуги. Кажется незачѣмъ и настаивать, до того ясно, что по мѣрѣ углубленія въ эти вопросы, мы все сильнѣе запутываемся въ безвыходныхъ дебряхъ противорѣчій и несообразностей.

VII.

И такъ, вопреки увѣреніямъ Беллэми, соціалистическое государство будущаго не обойдется безъ договора личнаго найма. Посмотримъ теперь, въ какой мѣрѣ оно будетъ въ состояніи избѣгнуть прочихъ видовъ существующихъ теперь гражданскихъ обязательствъ. Главное основаніе, почему соціалисты полагаютъ, что въ обществѣ, устроенномъ согласно ихъ принципамъ, не найдется уже почвы для такихъ обязательствъ, это предполагаемое отсутствіе денежнаго обращенія. Такого мнѣнія держатся не одни только чистые соціалисты, но между прочимъ и такіе писатели, какъ Рудольфъ Мейеръ и Шеффле, строго говоря, вовсе не принадлежащіе къ соціалистической партіи. Мнѣніе это основано, какъ намъ кажется, на совершенно неправильномъ пониманіи истинной роли денегъ, какъ орудія мѣны и какъ средства для накопленія капиталовъ. Нельзя не замѣтить, что въ ходячихъ взглядахъ на этотъ вопросъ до сихъ поръ какъ бы слышенъ отголосокъ давно оставленнаго меркантильнаго ученія, видѣвшаго въ звонкой монетѣ главный, если не единственный, источникъ народнаго богатства. То обстоятельство, что на обы-

денномъ языкѣ всякая цѣнность и стало быть вся совокупность имуществъ частныхъ лицъ и цѣлаго государства всегда обозначаются въ денежныхъ единицахъ, оказываетъ воздѣйствіе на самое понятіе о капиталѣ, что служитъ лишнимъ доказательствомъ того, до какой степени научное опредѣленіе искажается подъ вліяніемъ ходячихъ представленій. Какъ наносный песокъ покрываетъ собою развалины древнихъ зданій, какъ на старинныхъ монетахъ стираются изображенія и надписи, такъ долговременное обращеніе научныхъ терминовъ на обыденномъ языкѣ лишаетъ ихъ зачастую настоящаго смысла. Тоже случилось съ экономическими понятіями о деньгахъ и капиталѣ. Когда мы говоримъ о движимомъ имуществѣ отдѣльнаго лица, противоставляя это имущество его недвижимой собственности, мы всегда воображаемъ его себѣ какъ извѣстную сумму денегъ и сумму эту обыкновенно называемъ капиталомъ. Въ свою очередь и недвижимую собственность мы привыкли оцѣнивать извѣстной, равной ей, денежной суммой и потому говоримъ, что состояніе даннаго лица равняется столькимъ то тысячамъ рублей, франковъ или фунтовъ стерлинговъ, при чемъ это состояніе подраздѣляемъ на двѣ части, на движимый капиталъ, состоящій изъ денегъ, акцій, процентныхъ бумагъ и иныхъ легко реализуемыхъ цѣнностей, и на недвижимыя имущества, капитальная стоимость которыхъ опредѣляется сообразно ихъ доходности, капитализируемой изъ опредѣленнаго процента. Коренное различіе между этими двумя видам цѣнностей въ нашихъ глазахъ заключается въ томъ, что недвижимая собственность, оставаясь неизмѣнною въ своемъ объемѣ, растетъ или понижается въ цѣнѣ, смотря потому, какая сумма денегъ можетъ быть получена за нее въ данный моментъ. Движимая, напротивъ, постепенно накопляется въ своемъ матеріальномъ составѣ вслѣдствіе того, что ежегодное потребленіе страны не покрываетъ собою всего количества ея производства. Наростаніе капитала является такимъ образомъ прямымъ результатомъ сбереженія, и точнымъ выразителемъ этого накопленія служитъ денежная наличность.

Таково ходячее представленіе о процессѣ наростанія капитала и о различіи между движимыми и недвижимыми имуществами. Но представленіе это, вѣрное въ общихъ чертахъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается далеко не полнымъ и не точнымъ. Вѣрно въ немъ собственно говоря опредѣленіе контраста между поземельною собственностью и капиталомъ, между неподвижностью первой и постояннымъ ростомъ втораго, неизбѣжнаго послѣдствія избытка производства надъ потребленіемъ. Но уже совершенно неправильна мысль, будто весь этотъ избытокъ выражается въ денежныхъ знакахъ, металлическихъ и бумажныхъ, обращающихся въ странѣ. Столь же невѣренъ и дѣлаемый отсюда выводъ о такъ называемомъ обезцѣненіи денегъ т. е. о постепенномъ пониженіи ихъ покупной силы, хотя для этого мнѣнія существуетъ какъ бы твердая, фактическая почва въ сравнительныхъ таблицахъ цѣнъ на главные товары за извѣстные промежутки времени. Если бы это было въ самомъ дѣлѣ такъ, то количество обращающихся денежныхъ знаковъ постоянно бы увеличивалось параллельно съ наростаніемъ капитала, чего въ дѣйствительности нѣтъ. Возрастаніе цѣнъ на товары, якобы выражающее собою удешевленіе денегъ, явленіе къ тому же далеко не всеобщее. Если нѣкоторые изъ нихъ въ самомъ дѣлѣ возрастаютъ въ цѣнѣ, при томъ тѣ главнымъ образомъ, которые по своему высокому качеству служатъ для удовлетворенія требованій роскоши, то другіе наоборотъ, преимущественно мануфактурныя произведенія низкихъ сортовъ, постоянно дешевѣютъ, а третьи, какъ пищевые продукты,—хлѣбъ, сахаръ, мясо и т. д. обнаруживаютъ рѣзкія колебанія въ цѣнахъ. Такимъ образомъ для объясненія происходящихъ измѣненій въ цѣнахъ слѣдуетъ искать иныхъ причинъ, кромѣ мнимаго обезцѣненія денегъ. Къ этому вопросу, впрочемъ, мы будемъ имѣть случай вернуться ниже. Невѣренъ наконецъ и другой выводъ, обыкновенно дѣлаемый изъ предполагаемаго размноженія денежныхъ знаковъ, именно ссылка на этотъ фактъ какъ на причину наклонности поземельной собственности возрастать въ цѣнѣ. Явленіе это гораздо сложнѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ.

Цѣны на землю растутъ не потому только, что имѣется на лицо избытокъ денежныхъ капиталовъ, ищущихъ помѣщенія въ землѣ. Главная причина этого возрастанія заключается въ увеличеніи продуктивности земли съ одной стороны, т. е. въ объективномъ возрастаніи ренты, а съ другой въ субъективномъ ея ростѣ, возникающемъ благодаря росту населенія, для котораго владѣніе землей составляетъ не только источникъ матеріальнаго довольства, но еще предметъ нравственнаго удовлетворенія. Третій поводъ къ подъему земельныхъ цѣнъ заключается въ пониженіи процента съ капитала, вслѣдствіе чего одна и таже рента съ теченіемъ времени капитализируется изъ болѣе низкаго процента. И вотъ эта третья причина одна можетъ быть приведена въ нѣкоторую связь съ предполагаемымъ накопленіемъ денегъ.

Мы теперь въ состояніи уяснить себѣ, почему и въ какой мѣрѣ понятія о капиталѣ и о денежной наличности не покрываютъ другъ друга. Капиталъ, какъ результатъ избытка производства надъ потребленіемъ, бываетъ двухъ родовъ. Часть его заключается въ предметахъ, вовсе не предназначенныхъ для потребленія, а напротивъ служащихъ дальнѣйшему производству, — въ машинахъ, постройкахъ, путяхъ сообщенія, рабочемъ и молочномъ скотѣ, сѣменахъ и т. д. Это такъ называемый капиталъ производительный; онъ утрачиваетъ, правда, съ теченіемъ времени часть своей внутренней, хотя далеко не всегда своей рыночной цѣнности. Но во первыхъ онъ никогда не потребляется въ цѣломъ составѣ, а во вторыхъ постоянно возобновляется, какъ путемъ естественнаго приплода, такъ и посредствомъ меліорацій. По свойствамъ своимъ онъ такимъ образомъ является чѣмъ то вродѣ посредствующаго звена между поземельною собственностью и движимымъ капиталомъ. Второй видъ капитала образуется посредствомъ воздержанія отъ немедленнаго потребленія такихъ предметовъ, которые для такого потребленія предназначены. Образованіе его въ каждомъ частномъ случаѣ совершается двоякимъ путемъ—либо посредствомъ прямаго сохраненія произведенныхъ товаровъ, либо путемъ обмѣна ихъ на иные товары. Въ обо-

ихъ случаяхъ этотъ видъ капитала въ противоположность первому можно назвать потребительнымъ или движимымъ въ тѣсномъ смыслѣ. Лицо, уступающее избытокъ своего товара другому, можетъ въ свою очередь дѣлать это съ цѣлью либо немедленнаго пріобрѣтенія этого другаго товара,—и въ этомъ случаѣ деньги, полученныя отъ покупателя являются лишь простымъ орудіемъ обмѣна и немедленно переходятъ въ иныя руки,—либо *съ цѣлью сохраненія въ будущемъ права на такое пріобрѣтеніе. И въ этомъ послѣднемъ случаѣ только деньги получаютъ характеръ капитала и являются уже орудіемъ не мѣны, а кредита.*

Такимъ образомъ деньги въ свою очередь играютъ въ экономической жизни двойную роль. Съ одной стороны онѣ носятъ характеръ условнаго знака, служащаго лишь для облегченія обмѣна и, смотря по быстротѣ этого обмѣна, находятся въ состояніи болѣе или менѣе текучемъ. Въ этомъ состояніи ихъ можно сравнить съ кровяною жидкостью, обращающеюся внутри животнаго организма. Съ другой стороны онѣ образуютъ изъ себя какъ бы сберегательный фондъ и находятся въ состояніи временной неподвижности. Но такъ какъ въ ту самую минуту, какъ одно лицо желаетъ воздержаться отъ немедленнаго потребленія своихъ товаровъ или отъ столь же немедленнаго пріобрѣтенія чужихъ, другое можетъ имѣть нужду въ этихъ товарахъ или въ соотвѣтствующихъ имъ денежныхъ знакахъ, все равно для немедленнаго потребленія или для какого либо предпріятія, сбереженный первымъ лицомъ капиталъ можетъ переходить къ другому, становясь предметомъ кредитной операціи. Тогда у перваго лица вмѣсто товаровъ или денегъ остается въ рукахъ извѣстный документъ, выражающій собою право на полученіе обратно черезъ извѣстное время подобнаго же товара или той же суммы денегъ или же право на долю участія въ предпріятіи. Всѣ эти документы, векселя, заемныя письма, паи, акціи, процентныя бумаги, хоть они въ строгомъ смыслѣ не могутъ быть разсматриваемы, какъ денежные знаки, вполнѣ, замѣняютъ послѣдніе, какъ выразители сдѣланныхъ сбереженій или, что

тоже самое, какъ свидѣтельства сохраненнаго права на потребленіе въ болѣе или менѣе далекомъ будущемъ.

Такимъ образомъ деньги не только не являются прямымъ показателемъ народнаго богатства въ данную минуту, но даже въ той роли, которая имъ несомнѣнно принадлежитъ,—въ роли средства для накопленія сбереженій, съ ними успѣшно конкуррируютъ разные суррогаты, какъ процентныя бумаги, фонды и разнаго рода обязательства. Для лучшаго поясненія сказаннаго представимъ себѣ два возможныхъ случая. Допустимъ, что въ какой нибудь странѣ все произведенное за извѣстный годъ было потреблено населеніемъ безъ остатка. Совершенно очевидно, что страна эта за данный годъ не только ничего не пріобрѣла, но даромъ истратила весь трудъ своихъ жителей, процентъ съ наличныхъ капиталовъ и всю ренту поземельной собственности. Въ слѣдующій за тѣмъ годъ эта самая страна во первыхъ употребила часть труда своего населенія на полезныя сооруженія, а во вторыхъ сберегла болѣе или менѣе значительную долю своего производства, либо сохранивъ эту долю въ видѣ извѣстныхъ непотребленныхъ продуктовъ, либо обмѣнявъ ихъ на какія либо иностранныя произведенія. Между тѣмъ въ обоихъ случаяхъ количество денежныхъ знаковъ обращавшихся внутри страны или, чтобы выразиться точнѣе, количество звонкой монеты, могло остаться совершенно тождественнымъ, только переходя изъ однѣхъ рукъ въ другія. Въ первомъ случаѣ къ тому же нѣкоторыя, даже многія лица могли оказаться бережливыми и сохранить часть своего дохода, въ видѣ свободнаго денежнаго остатка, и тѣмъ не менѣе въ общемъ итогѣ хозяйство цѣлаго государства велось расточительно. Дѣло очевидно не въ деньгахъ. Какъ бы ни хозяйничало въ самомъ дѣлѣ извѣстное государство, хотя бы населеніе его не только потребляло все произведенное имъ, но жило даже на счетъ своего основнаго капитала, доводя до упадка свои пути сообщенія, фабрики, самую культуру почвы, денегъ отъ этого нисколько не убудетъ, если только онѣ не уйдутъ заграницу. Въ тоже время количество ихъ нисколько не увеличится вслѣдствіе обнаруженной населеніемъ бережли-

вости, даже вслѣдствіе открытія новыхъ промышленныхъ или земледѣльческихъ предпріятій; а между тѣмъ въ первомъ случаѣ государство очевидно бѣднѣетъ, а во второмъ обогащается, въ первомъ растрачиваетъ капиталъ, а во второмъ накопляетъ. Совершенно ясно стало быть, что признакомъ обогащенія или что тоже промышленнаго роста страны не служитъ наличность извѣстнаго количества свободныхъ денегъ у большаго или меньшаго числа людей.

Если мы могли бы прослѣдить все движеніе цѣнностей внутри извѣстной страны за опредѣленный періодъ времени, положимъ за данный годъ, мы увидѣли бы, что одни и тѣже денежные знаки, переходя изъ рукъ въ руки, служатъ для цѣлаго ряда торговыхъ сдѣлокъ, послѣдовательно оплачивая напр. сырыя произведенія, отпущенныя торговцу какимъ нибудь землевладѣльцемъ, затѣмъ трудъ рабочихъ, пробывшихъ на службѣ у этого землевладѣльца, наконецъ затрата этихъ рабочихъ на пріобрѣтеніе пищи, одежды и т. д. Вся масса звонкой монеты перемѣстилась бы такимъ образомъ отъ однихъ лицъ къ другимъ, могла бы даже совершить нѣсколько оборотовъ въ теченіе года и общая сумма этихъ денежныхъ знаковъ осталась бы неизмѣнной, какъ бы ни хозяйничало населеніе страны прибыльно или убыточно. Не денежная наличность, стало быть, можетъ служить показателемъ экономическаго положенія страны, хотя доходъ отдѣльныхъ лицъ и выражается количествомъ денегъ, полученныхъ ими за свои товары въ теченіе даннаго года. Дѣло въ томъ, что населеніе каждой страны всегда распадается на двѣ группы лицъ, изъ которыхъ одна получаетъ свой доходъ въ видѣ товара, другая же, отказываясь отъ личнаго участія въ производствѣ, уступаетъ другимъ лицамъ въ пользованіе за опредѣленную плату свои земли, свои капиталы и свой трудъ. Землевладѣлецъ, капиталистъ или рабочій можетъ по своему усмотрѣнію либо производить самъ, подвергаясь риску возможныхъ потерь, либо согласиться съ кѣмъ либо, отдавая ему свою землю въ аренду, свой капиталъ въ ростъ или свой трудъ за опредѣленную плату. Эти три вида дохода, представляющіе въ сущности

лишь отказъ даннаго лица отъ личнаго веденія хозяйства, носятъ въ экономической наукѣ названіе земельной ренты, процента съ капитала и рабочей платы. На нихъ всегда было обращено главное вниманіе большинства экономистовъ, какъ будто они въ самомъ дѣлѣ представляютъ собою единственно возможныя формы полученія прибыли. А такъ какъ эти три вида дохода, за весьма немногими исключеніями, получаются денежными знаками, создается ложное представленіе, будто сумма денегъ, полученныхъ въ годичный срокъ этими тремя группами лицъ, измѣряетъ собою всю совокупность годичнаго дохода цѣлой страны. На самомъ дѣлѣ эти три группы не производятъ ровно ничего, по крайней мѣрѣ на себя, а лишь получаютъ опредѣленную долю изъ выручки остальныхъ, настоящихъ производителей, какъ бы застраховывая себя отъ неблагопріятныхъ экономическихъ случайностей. Этими настоящими производителями являются не они, а тѣ лишь, кто хозяйничаетъ самостоятельно, подвергая себя риску, но за то и получая весь барышъ своего производства. И такимъ образомъ получаются три вида прибыли отъ земли, капитала и труда, которыя совершенно отличны отъ трехъ первыхъ, отличны потому, что размѣръ ихъ никогда не можетъ быть опредѣленъ заранѣе и потому также, что онъ получается не деньгами, а натурой. Въ этомъ положеніи можетъ находиться не только поземельный собственникъ, обрабатывающій свою землю, и капиталистъ, открывающій промышленное или торговое предпріятіе, но и простой рабочій съ тѣмъ лишь различіемъ, что первый работаетъ на своей землѣ, второй со своимъ капиталомъ, между тѣмъ какъ послѣдній долженъ и то и другое занять. Но такъ какъ землевладѣлецъ въ свою очередь вынужденъ платить нанятымъ имъ рабочимъ и высчитывать процентъ съ употребленнаго капитала, а промышленникъ уплачивать и рабочимъ за ихъ трудъ и землевладѣльцу за его сырые продукты, то рабочій въ сущности находится въ совершенно параллельныхъ условіяхъ съ двумя первыми классами производителей. Существенное его отличіе отъ другихъ сводится къ тому, что представители первыхъ двухъ классовъ

работаютъ не только сами, но пользуются наемнымъ трудомъ, между тѣмъ какъ рабочій долженъ ограничиваться помощью членовъ своего семейства. Въ этомъ отношеніи онъ дѣйствительно можетъ быть противопоставленъ землевладѣльцу и промышленнику, какъ представитель особаго вида мелкаго производства. Другое его отличіе отъ нихъ заключается въ томъ, что у него нѣтъ своей спеціальной формы производства, такъ какъ въ концѣ концовъ этихъ формъ всего только двѣ, земледѣльческая промышленность и обрабатывающая, и работникъ вынужденъ избрать одну изъ нихъ, становясь либо ремесленникомъ-кустаремъ, либо земледѣльцемъ-арендаторомъ.

Изъ сказаннаго легко усмотрѣть, что вся годовая прибыль данной страны безраздѣльно ограничивается тѣмъ, что получаютъ четыре послѣднія группы производителей: землевладѣлецъ и промышленникъ съ одной стороны, кустарь и земледѣлецъ съ другой. И весь получаемый ими доходъ непремѣнно выражается первоначально въ видѣ товара, впослѣдствіи лишь обмѣниваемаго на деньги. Но и этотъ обмѣнъ въ сущности лишь мнимый, такъ какъ полученіе этими лицами денегъ за свой товаръ всегда имѣетъ цѣлью не пріобрѣтеніе самыхъ денегъ, а либо покупку съ ихъ помощью иного товара, либо отсрочку потребленія на извѣстное время. До какой степени деньги играютъ второстепенную роль въ производствѣ и въ обмѣнѣ видно, между прочимъ, изъ того, что лица, обладающія капиталомъ или получающія плату за свои товары или за свой трудъ, зачастую вовсе не имѣютъ въ рукахъ ту наличность звонкой монеты, которая выражаетъ собою принадлежащія имъ денежныя суммы. Большею частью напротивъ сбереженія ихъ относятся въ какой нибудь банкъ или размѣниваются на бумаги, а у нихъ остается лишь, какъ доказательство произведеннаго взноса, какой нибудь документъ въ видѣ чековой книжки, векселя, акціи и т. п., и цѣнность этихъ документовъ основана лишь на фикціи, на увѣренности въ платежной способности выдавшаго ихъ учрежденія или лица. Мы вправѣ назвать такую увѣренность фикціей, такъ какъ у банка никогда нѣтъ въ наличности всѣхъ вы-

данныхъ ему денегъ и если бы его кредиторы вздумали разомъ потребовать свои деньги обратно, банкъ бы неминуемо лопнулъ. Реализація въ крупныхъ размѣрахъ не только кредитныхъ обязательствъ, но всякаго товара, хлѣба, спирта, сахара и т. д. немедленно вызываетъ паденіе его цѣны. Даже поземельная собственность подчинена этому правилу. Въ этомъ можно убѣдиться изъ ежедневнаго опыта. Коль скоро землевладѣлецъ вынужденъ быстро распродать свои земли, онъ никогда не получитъ за нихъ полной суммы своей капитализованной ренты. Такимъ образомъ всѣ рыночныя цѣны, выраженныя въ опредѣленномъ числѣ денежныхъ единицъ, на дѣлѣ существуютъ лишь потому, что ими въ широкихъ размѣрахъ не пользуются, и всякая попытка получить въ денежной валютѣ стоимость большой массы товара или что все равно обширнаго пространства земли и большаго количества бумагъ влечетъ за собою паденіе цѣнъ, другими словами промышленный кризисъ. Такимъ образомъ деньги подъ тѣмъ лишь условіемъ служатъ мѣриломъ цѣнности, чтобы этимъ мѣриломъ пользовались съ большою осторожностью.

Посмотримъ теперь, не повторится ли хотя отчасти только что сказанное нами въ государствѣ будущаго. Мы знаемъ уже, что денегъ тамъ не будетъ, но что тѣмъ не менѣе расчетныя книжки станутъ выдаваться на опредѣленную сумму и что на всѣ товары будутъ существовать цѣны, выраженныя въ извѣстной, хоть и положимъ идеальной, денежной единицѣ. Каждая выдача товара потребителю будетъ занесена въ книжку и соотвѣтственно тому изъ нея будетъ вырѣзываться купонъ на сумму забраннаго товара. Не стоитъ доказывать, что такіе купоны ничѣмъ существенно не отличаются отъ современныхъ денегъ, хоть и значительно менѣе удобны для употребленія, такъ какъ очень легко могутъ быть испорчены или затеряны. Какъ скоро эти купоны послужатъ не для однихъ только разсчетовъ между казною и частными лицами, но станутъ обращаться между послѣдними, какъ средства уплаты за товаръ или услугу и станутъ выдаваться въ ссуду одними лицами другимъ, денежное обращеніе возстановится въ своихъ

главныхъ чертахъ. Звонкая монета и кредитные билеты замѣнятся только небольшими лоскутками бумаги, стоимость которыхъ нельзя будетъ распознавать по ихъ внѣшнему виду, такъ какъ на купонѣ можетъ быть занесена какая угодно сумма. Это конечно довольно серьезное неудобство, но существо дѣла отъ этого не измѣнится: едва ли стоитъ ради такого призрачнаго результата лишать себя существующаго нынѣ орудія обмѣна. Можно даже прямо сказать, что появленіе на рынкѣ бумажныхъ лоскутковъ вмѣсто прежнихъ денегъ будетъ крупнымъ шагомъ назадъ, возвращеніемъ къ тому времени, когда у народовъ древности средствомъ уплаты служили морскія раковины, кожаные обрѣзки и тому подобные условные знаки, никакой внутренней цѣнности не имѣвшіе. Вообще говоря, не бумажныя деньги моложе металлическихъ, какъ сравнительно новая выдумка, а напротивъ введенію звонкой монеты предшествовалъ долгій періодъ, въ теченіе котораго человѣчество пользовалось для торговыхъ расчетовъ фиктивными знаками, единственнымъ обезпеченіемъ которыхъ служилъ кредитъ. И вотъ такими же фиктивными знаками явятся и купоны расчетныхъ книжекъ: ихъ можно будетъ сберегать у себя, или выдавать въ долгъ или расплачиваться ими за купленныя вещи. Они будутъ обладать такимъ образомъ двумя главными свойствами денегъ,—служить орудіемъ обмѣна и средствомъ къ накопленію сбереженій. Въ первомъ случаѣ они замѣняютъ собою простой обмѣнъ двухъ равноцѣнныхъ товаровъ, во второмъ выражаютъ право даннаго лица на полученіе товара въ будущемъ.

Но въ томъ то и дѣло, что соціальные реформаторы, въ томъ числѣ и Беллэми, устраняютъ возможность всего этого, запрещая переходъ купоновъ отъ одного лица къ другому и не признавая за расчетною книжкою никакой цѣнности по минованіи года. Первымъ способомъ устраняются всѣ гражданскія сдѣлки между отдѣльными лицами, вторымъ—всякая возможность производить сбереженія, а стало быть и накоплять капиталъ. Не трудно убѣдиться, однако, что достигается это лишь путемъ ничѣмъ не оправдываемаго насилія и что затѣмъ

законъ, установившій такое насиліе едва ли продержится долго въ виду явной невозможности его соблюденія. Въ самомъ дѣлѣ, что въ глазахъ соціальнаго реформатора можетъ быть священнѣе права каждаго работника на неприкосновенность своего заработка? Если трудомъ своимъ онъ пріобрѣлъ возможность получить извѣстное количество товара или оплатить извѣстное удобство, отъ его воли должно зависѣть использовать это право, когда и какъ ему угодно. Да помимо его произвола можетъ встрѣтиться положительная необходимость въ сбереженіи: онъ можетъ пожелать сдѣлаться обладателемъ такой вещи, которая по своей цѣнности превышаетъ его средства. Заработокъ семьи можетъ уменьшиться вслѣдствіе смерти одного изъ ея членовъ. Беллэми возражаетъ на это, что во первыхъ заработка съ избыткомъ хватитъ на всѣ потребности каждой семьи, а во вторыхъ въ случаѣ крайней необходимости можетъ быть сдѣланъ авансъ на счетъ слѣдующаго года. Но мы знаемъ уже, что эти доводы не выдерживаютъ критики, что избытокъ всеобщаго богатства никогда не можетъ достигнуть уровня полнаго удовлетворенія всѣхъ потребностей и что средства отдѣльныхъ семействъ далеко не будутъ одинаковы. Беллэми, между прочимъ, самъ указалъ на одинъ такой случай, когда явная недостаточность средствъ одного лица должна вести къ образованію ассоціаціи: это случай изданія кѣмъ либо журнала или газеты. Смѣемъ думать, что въ дѣйствительности такихъ случаевъ окажется не мало. Не поможетъ дѣлу и авансъ изъ ожидаемаго заработка. Само допущеніе такого аванса представляетъ уже собою противорѣчіе основному принципу, такъ какъ оно лишь переводитъ сбереженіе съ одного года на другой. А какъ быть, когда и въ слѣдующемъ году повторится нужда и повторится тѣмъ легче, что средства къ жизни будутъ уменьшены? Не проще ли сохранить возможность кредита для всѣхъ и каждаго и облегчить такой кредитъ, допустивъ сбереженія? Излишекъ однихъ возмѣстилъ бы такимъ образомъ недостатокъ другихъ.

Если запрещать сбереженія значитъ насиловать личную свободу, то неменьшимъ стѣсненіемъ явится запрещеніе част-

ныхъ сдѣлокъ. Беллэми допускаетъ, правда, уступку какого либо предмета однимъ лицомъ другому, но не иначе какъ въ видѣ даренія. Нельзя не увидѣть въ этомъ по истинѣ странной близорукости мысли. Мы успѣли уже убѣдиться, что не представится никакой возможности устранить между отдѣльными лицами обмѣнъ услугъ и притомъ услугъ оплаченныхъ, такъ какъ ставить удобства жизни и самое здоровье каждой семьи въ исключительную зависимость отъ милосердія посторонніхъ значитъ подвергать то или другое большому риску. Вотъ стало быть ужъ одинъ случай и притомъ часто повторяющійся для перехода купоновъ отъ однихъ лицъ къ другимъ. Но такія передачи явятся неизбѣжными и при совершенно иныхъ обстоятельствахъ. Вкусы у людей конечно не станутъ оттого лишь одинаковыми, что одинаковою сдѣлается оплата ихъ труда. И вотъ это самое различіе во вкусахъ, большая наклонность къ роскоши, даже расточительность однихъ при большей скромности другихъ неизбѣжно должна вызвать различіе затратъ, а стало быть и потребность во взаимномъ обмѣнѣ съ одной стороны, а затѣмъ и потребность въ кредитѣ съ другой. Мы здѣсь разумѣется исходимъ изъ того предположенія, что человѣческая натура кореннымъ образомъ не преобразится вслѣдствіе одного торжества уравнительныхъ началъ. Но это предположеніе вообще легло въ основаніе всего нашего труда и тѣ, кому угодно тѣшиться иллюзіями на этотъ счетъ конечно съ нами не согласятся. Но это уже ихъ дѣло. Исходя такимъ образомъ изъ представленія о крайнемъ разнообразіи человѣческихъ наклонностей, не видя основаній мечтать о томъ, что психическія свойства человѣка станутъ къ концу XX вѣка совершенно иными, чѣмъ теперь, мы думаемъ, что люди, у которыхъ окажется избытокъ непотребленныхъ ими продуктовъ или хотя бы право на полученіе такихъ продуктовъ, охотно согласятся уступить то или другое, но конечно не даромъ, а либо за продукты иного рода, либо за право черезъ извѣстный срокъ получить извѣстную доплату къ уступленнымъ на время купонамъ, которыми воспользовались другіе. Для этого вовсе не нужно

денегъ, такъ какъ и въ настоящее время такія сдѣлки часто обходятся безъ нихъ, да и вообще существованіе денежнаго обращенія въ настоящее время лишь скрадываетъ отъ глазъ настоящую суть дѣла—дѣйствительно происходящій обмѣнъ товаровъ. И вотъ стало быть имѣются на лицо и купля—продажа и заемъ, эти двѣ наиболѣе распространенныя формы гражданскихъ договоровъ. Нелья конечно отрицать, чтобы государственная власть могла наложить свою тяжелую руку на такія сдѣлки, не только воспретить ихъ, лишая всякой судебной гарантіи, но даже обставить ихъ совершеніе уголовными карами. Но при такихъ условіяхъ нечего и говорить о существованіи какой либо гражданской свободы. Невозможность располагать своимъ имуществомъ и притомъ наиболѣе священнымъ изъ всѣхъ видовъ имущества тѣмъ, которое пріобрѣтено единственно трудомъ, это равносильно полному упраздненію личной свободы. Впрочемъ на этотъ счетъ нечего особенно тревожиться. Если бы когда нибудь законодательство и вторглось такъ неслыханно въ кругъ свободной дѣятельности человѣка, такое законодательство не продержалось бы вѣроятно и одного года: оно пало бы передъ взрывомъ всеобщаго неудовольствія, такъ какъ и соціалистическое государство врядъ ли будетъ застраховано передъ революціей.

Недопущеніе американскимъ авторомъ гражданскихъ сдѣлокъ въ сочиненномъ имъ государствѣ представляется тѣмъ болѣе страннымъ, что онъ въ тоже время не думаетъ отрицать личной собственности, по крайней мѣрѣ на движимое имущество, и готовъ признать наслѣдственность этого права могущаго даже быть переданнымъ по завѣщанію. Противорѣчіе здѣсь очевидно, такъ какъ по истинѣ необъяснимо какимъ образомъ данное лицо можетъ послѣ смерти пользоваться большими правами, чѣмъ при жизни. Тамъ, гдѣ признается свобода завѣщанія по меньшей мѣрѣ долженъ признаваться и свободный переходъ имуществъ по куплѣ-продажѣ. Но этимъ не ограничиваются противорѣчія, въ какія впадаетъ Беллэми. Допустивъ наслѣдованіе имуществъ, онъ тотчасъ спѣшитъ оговориться. По его словамъ, едва ли кто

пожелаетъ унаслѣдовать движимость, оставшуюся послѣ смерти родственника. Пріобрѣтеніе значительнаго числа вещей по наслѣдству, вещей, иногда громоздкихъ, какъ мебель, картины, экипажи и т. п. никому не представится особенно желательнымъ въ такой странѣ, гдѣ ежегодный заработокъ вполнѣ обезпечиваетъ нужды и гдѣ въ тоже время каждая семья пользуется лишь довольно тѣснымъ помѣщеніемъ. При такихъ условіяхъ, увѣряетъ насъ Беллэми, имущество, оставшееся послѣ умершихъ будетъ въ большинствѣ случаевъ поступать обратно въ государственные склады или музеи.

Не трудно догадаться, почему Беллэми пришелъ къ такому изумительному заключенію. Свобода завѣщанія, отъ которой онъ не могъ отступиться въ качествѣ гражданина Америки, несомнѣнно ведетъ къ накопленію капитала и тѣмъ самымъ можетъ въ корнѣ подорвать соціалистическую программу. Но пріемъ, къ которому онъ прибѣгаетъ, дабы избѣгнуть этого неудобства, до того грубъ, что едва ли кому либо можетъ показаться убѣдительнымъ. Одно изъ двухъ въ самомъ дѣлѣ: либо унаслѣдованное имущество представляетъ собою какую нибудь цѣнность и въ такомъ случаѣ нелѣпо отъ него отказываться, либо оно цѣнности не имѣетъ никакой и тогда незачѣмъ пріобрѣтать его вновь. Трудно впрочемъ не признавать цѣнности такихъ предметовъ какъ мебель, экипажи, произведенія искусства и т. д. Еще труднѣе предположить, чтобы такіе предметы, оставшіеся послѣ смерти родителей, были бы совершенно безразличны для ихъ дѣтей. Но всего забавнѣе, что, рядомъ съ отсутствіемъ потребности, Беллэми ссылается на тѣсноту помѣщенія. Вотъ уже во всякомъ случаѣ весьма ощутительное неудобство, отъ котораго всѣ поспѣшатъ освободиться. А съ этою цѣлью они конечно постараются поскорѣе обзавестись необходимыми средствами.

Намъ осталось сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ Беллэми рисуетъ себѣ будущее устройство международныхъ отношеній. Какъ всѣ организаторы фантастическихъ обществъ, онъ не останавливается на границахъ одной страны, распространяя свою заботливость на судьбы цѣлаго человѣчества;

Да иначе оно и быть не можетъ. Соціалистическое государство, остающееся совершенно изолированнымъ среди прочихъ, сохранившихъ капиталистическій строй, не могло бы просуществовать и нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Оно оказалось бы безоружнымъ передъ своими сосѣдями не только въ военномъ, но и въ торговомъ отношеніи. Понимая это, Беллэми счелъ нужнымъ сказать намъ, что соціальное устройство, которымъ надѣлилъ онъ Соединенные Штаты, постепенно обошло весь образованный міръ, т. е. Америку, Европу и Австралію. Онъ, правда, не объясняетъ намъ, съ помощью какихъ чудесъ просуществовали тѣ государства, которыя первыя завели у себя новый общественный складъ, пока остальныя сохранили у себя прежній. Не распространяетъ онъ благодѣяній своей реформы и на полудикія страны Азіи и Африки, причемъ остается совершенно непонятнымъ, какимъ образомъ при новыхъ порядкахъ будетъ вестись торговля съ этими странами. Не будемъ однако слишкомъ требовательными; посмотримъ сквозь пальцы на эти маленькія погрѣшности въ аргументаціи Беллэми. Допустимъ, что вожделѣнная эра настала и въ цѣломъ образованномъ мірѣ водворились новые порядки и всякая война сдѣлалась немыслимою. Остается тѣмъ не менѣе еще одинъ неразрѣшенный вопросъ. Ни одна страна не можетъ обходиться лишь своими произведеніями, а такъ какъ чужіе товары, ввозимые ею, не всегда равноцѣнны тѣмъ, которые она отпускаетъ, то какимъ образомъ будетъ оплачиваться разница въ торговомъ балансѣ? Звонкая монета имѣетъ въ настоящее время международное значеніе, потому что золото само по себѣ товаръ, мало подлежащій колебаніямъ въ своей цѣнѣ. Но свойствомъ этимъ очевидно не будутъ обладать купоны расчетныхъ книжекъ, какъ не обладаютъ ими въ настоящее время бумажныя деньги. Но какъ же быть однако? Не только цѣлому государству придется оплачивать перевѣсъ ввоза надъ вывозомъ, но каждое частное лицо, путешествующее за границу, должно будетъ для своихъ расходовъ имѣть въ своемъ распоряженіи какіе нибудь денежные знаки, обладающіе международною цѣнностью. Такимъ образомъ, казалось бы, трудно будетъ из-

бѣгнуть чеканки той самой звонкой монеты, на которую соціалисты смотрятъ, какъ на источникъ всевозможныхъ золъ. Беллэми обходитъ это затрудненіе довольно простымъ и, скажемъ откровенно, довольно наивнымъ образомъ. Допустивъ, что по всюду установятся одинаковые экономическіе порядки, хотя бы при сохраненіи различныхъ названій для будущихъ единицъ цѣнностей, какъ доллары, франки, марки и т. д., онъ признаетъ, не обинуясь, что въ каждомъ государствѣ будутъ приниматься, безъ всякаго притомъ лажа, купоны, выдаваемые отъ казны во всѣхъ прочихъ странахъ т. е. въ сущности бумажныя деньги, лишенныя всякаго обезпеченія въ золотой валютѣ. Мы позволяемъ себѣ считать эту комбинацію наивной потому, во первыхъ, что такіе купоны ничѣмъ существеннымъ, кромѣ развѣ неудобства при пользованіи ими, не будутъ отличаться отъ теперешнихъ бумажныхъ денегъ, и во вторыхъ потому, что довѣріе къ такимъ денежнымъ знакамъ со стороны чужихъ государствъ болѣе чѣмъ сомнительно. Но этимъ еще не заканчиваются усложненія будущаго устройства всемірной торговли. При завершеніи годоваго баланса однѣ страны окажутся, очевидно, въ долгу у другихъ, такъ какъ трудно допустить, чтобы повсюду ввозъ и вывозъ уравновѣшивались. Какимъ же образомъ, получивъ въ оплату разницы извѣстное количество лоскутковъ бумаги, государство, отпустившее излишній товаръ, совершитъ реализацію этого излишка. Вѣдь купоны имѣютъ цѣну лишь какъ средство получить за нихъ товары съ казенныхъ складовъ, а въ этихъ товарахъ страна, оказавшаяся въ выгодѣ при балансѣ, вовсе не нуждается. Но и здѣсь Беллэми придумалъ новую, еще болѣе хитрую комбинацію. Онъ увѣряетъ насъ, что страна, являющаяся кредиторомъ, съ одной стороны непремѣнно окажется въ долгу у какого нибудь другаго государства и что при производствѣ окончательнаго расчета всѣ долговыя обязательства взаимно уравновѣсятъ другъ друга и всемірная торговля сведется на нѣтъ. Другими словами, онъ считаетъ возможнымъ съ цѣлью урегулированія торговли цѣлаго свѣта устроить нѣчто подобное Лондонскому Clearing-

house, ежедневно сводящему взаимные счеты всѣхъ лондонскихъ банковъ. Какимъ образомъ будетъ дѣйствовать такое учрежденіе, распространяя свои повѣрочныя операціи на всѣ страны земнаго шара, Беллэми намъ не повѣдалъ. Впрочемъ отъ него и требовать нельзя объяснять необъяснимое. За то въ своей предусмотрительности онъ сдѣлалъ еще одинъ лишій шагъ, предугадывая возможность непомѣрнаго возвышенія цѣнъ на нѣкоторые товары, на поставку которыхъ за отдѣльными странами могла бы оказаться монополія. Въ такомъ положеніи напр. могла бы оказаться Франція на счетъ своихъ винъ, шелковыхъ и галантерейныхъ издѣлій, Англія по металлическому производству, Россія относительно зернового хлѣба и т. д. Совершенно очевидно, что вся идея о торговомъ равновѣсіи, основанная на мнимомъ предположеніи, что вся сумма вывоза абсолютно равна по цѣнности суммѣ ввоза, рушилась бы немедленно, какъ скоро отдѣльныя страны воспользовались бы своей монополіей для подъема цѣнъ на свои отпускные товары. Но этого Беллэми допустить не хочетъ, не хочетъ во имя духа взаимнаго братолюбія, который имѣетъ будто бы установиться не только между отдѣльными людьми, но и между цѣлыми народами. Та страна, говоритъ онъ, которая въ своихъ торговыхъ оборотахъ вздумала бы эксплоатировать другія государства, подверглась бы за это всеобщему порицанію и голосъ международнаго общественнаго мнѣнія принудилъ бы ее къ уступчивости. Судя по теперешней ожесточенной тарифной борьбѣ едва ли можно сказать, чтобы народы цивилизованнаго міра стояли на такомъ идиллическомъ пути. Свои измышленія о будущей организаціи международныхъ сношеній Беллэми заканчиваетъ, какъ и слѣдовало ожидать, ссылкою на амфиктіонію древней Эллады и проэктомъ устройства центральнаго международнаго органа, разрѣшенію котораго подлежали бы всѣ споры между отдѣльными странами, конечно только споры торгово-промышленные, такъ какъ иныхъ чисто политическихъ интересовъ Беллэми у народовъ двадцатаго вѣка не допускаетъ вообще. Какою матеріальною силою будетъ пользоваться будущее между-

народное судилище для приведенія въ исполненіе своихъ приговоровъ, Беллэми намъ не говоритъ и не говоритъ по той простой причинѣ, что такой силы быть не можетъ за неимѣніемъ войска и флота. За то съ похвальнымъ американскимъ патріотизмомъ нашъ авторъ увѣряетъ, что мѣстопребываніемъ высшаго международнаго органа будетъ столица Соединенныхъ Штатовъ. Здѣсь гражданинъ вселенной сдѣлалъ нѣкоторую уступку національному самолюбію и за это его слѣдуетъ похвалить, такъ какъ въ цѣломъ придуманномъ имъ планѣ будущихъ международныхъ отношеній это единственная черта, продиктованная живымъ чувствомъ, а не произвольными измышленіями фантазіи.

VIII.

Мы познакомились теперь со всѣми частями воздвигнутаго американскимъ авторомъ фантастическаго зданія будущаго общества. Нельзя не признать, что по отчетливости своей отдѣлки оно оставляетъ далеко за собою всѣ творенія предшественниковъ Беллэми. Въ романтическую эпоху соціальнаго движенія, если можно такъ выразиться, т. е. въ сороковые года, общественные реформаторы не давали себѣ труда справляться съ фактическими данными о ходѣ экономическихъ процессовъ съ одной стороны, о психологическихъ свойствахъ человѣка съ другой. Ихъ научная подготовка была исключительно философская, метафизическая; винить ихъ впрочемъ за это нельзя, такъ какъ положительное изученіе экономической жизни и психологіи началось съ очень недавнихъ поръ. Къ тому же соціалисты первой половины текущаго столѣтія, Сенъ-Симонъ, Кабэ, Фурье, и Луи-Бланъ, были французы и потому отличались свойственной всей романской расѣ наклонностью къ симметричности, къ построенію общества сообразно плану, задуманному на основаніи отвлеченной идеи. Съ тѣхъ поръ соціализмъ до нѣкоторой степени отрезвился отчасти вслѣдствіе того быть можетъ, что главный центръ соціальнаго движенія изъ Франціи перенесся въ Германію и соціалисты подъ

вліяніемъ трудовъ Родбертуса и Маркса постоянно заявляютъ о своемъ уваженіи къ наукѣ, о строгомъ подчиненіи своихъ теорій положительному методу изслѣдованія. Какъ бы то ни было, трудъ Эдварда Беллэми представляетъ собою наиболѣе полную попытку осуществленія идей главнаго представителя соціализма во вторую половину текущаго столѣтія, Карла Маркса. Къ научнымъ пріемамъ своего учителя Беллэми присоединилъ вдобавокъ нѣкоторыя черты уже чисто американской практичности. Такъ онъ не мечтаетъ о нравственномъ перевоспитаніи человѣчества, какъ о необходимой подкладкѣ соціальной реформы, а думаетъ лишь, что такое перевоспитаніе явится какъ неизбѣжное послѣдствіе реформы, какъ результатъ удовлетворенія всѣхъ матеріальныхъ потребностей человѣка. Правда, этимъ онъ только перемѣстилъ трудность предстоящей задачи и въ концѣ концевъ не нашелъ иного объясненія для многихъ изъ своихъ выводовъ, кромѣ радикальнаго измѣненія человѣческихъ наклонностей въ смыслѣ альтруизма. Тѣмъ не менѣе въ самой попыткѣ отыскать для такого внутренняго преобразованія человѣческой натуры положительную почву заключается уже несомнѣнная заслуга. Въ тоже время, взявъ за свою точку отправленія замѣчаемое повсюду стремленіе къ сосредоточенію капиталовъ, онъ очевидно старается не покидать реальной почвы дѣйствительнаго хода современнаго историческаго процесса. Нельзя отказать ему, наконецъ, и въ нѣкоторомъ остроуміи при изобрѣтенной имъ системѣ обязательной рабочей повинности, имѣющей замѣнить собою военную.

Вѣроятно, не мало найдется людей, которыхъ прельститъ набросанная имъ картина всеобщей привольной жизни съ перспективою неограниченной свободы и полнаго обезпеченія съ наступленіемъ зрѣлаго возраста.

Вотъ каковы положительныя стороны плана, задуманнаго американскимъ авторомъ. И всетаки—читатель могъ убѣдиться въ этомъ за одно съ нами—планъ этотъ оказывается вполнѣ неосуществимымъ: Беллэми не избѣгнулъ общей участи всѣхъ соціальныхъ преобразователей. Ему не удалось найти вѣрный исходъ изъ двухъ противоположныхъ опасностей, постоянно

грозящихъ ниспровергнуть зданіе соціалистическаго общества. Съ одной стороны, какъ скоро за основаніе распредѣленія прибыли принимается тотъ принципъ, что каждому рабочему принадлежатъ всѣ плоды его труда, различіе въ умственныхъ и физическихъ свойствахъ и въ составѣ отдѣльныхъ семействъ неминуемо влечетъ за собою возстановленіе имущественной неравномѣрности. При существованіи личной свободы, при уваженіи къ неискоренимой наклонности человѣка считать безусловно своимъ все то, что дали ему умственная работа и физическій трудъ, нѣтъ никакой возможности помѣшать развитію экономическаго неравенства и каждая новая сдѣлка между отдѣльными лицами должна вести къ усиленію этого неравенства, къ сильнѣйшему преобладанію болѣе способныхъ, энергическихъ и бережливыхъ людей надъ остальными. Съ другой стороны существеннымъ коррективомъ такого положенія дѣлъ, единственнымъ средствомъ помѣшать возникновенію капитализма является полное запрещеніе всякой гражданской сдѣлки, всякаго накопленія имущества путемъ бережливости, даже всякой свободы въ выборѣ занятій, другими словами является полный азіятскій деспотизмъ, полное непризнаніе личныхъ правъ человѣка. И въ свою очередь такой деспотизмъ, хотя бы основанный на господствѣ цѣлаго общества надъ отдѣльною личностью, можетъ быть осуществленъ только путемъ постояннаго организованнаго насилія, стало быть при наличности всемогущей исполнительной власти. Таковы Сцилла и Харибда всякаго соціалистическаго государства. Беллэми, правда, увѣряетъ насъ, что ему удалось обойти эти препятствія. Онъ установляетъ систему вознагражденій за трудъ, не соразмѣрную заслугамъ и умѣнію, а вполнѣ равную для всѣхъ и притомъ отъ самаго наступленія совершеннолѣтія до момента смерти. Не отрицая личной собственности и даже права завѣщанія, онъ устраняетъ возможность сберегать имущество, такъ какъ заработокъ одного года, если часть его не использована, не можетъ быть сохраненъ на слѣдующіе года. Онъ не допускаетъ никакихъ имущественныхъ сдѣлокъ между частными лицами и, сосредоточивая всѣ товары

въ рукахъ казны, полученіе ихъ считаетъ возможнымъ только изъ казенныхъ складовъ. Наконецъ всю умственную дѣятельность, т. е. весь гонораръ врача или юриста, весь заработокъ ученаго, художника или литератора онъ закабаляетъ государству, предоставляя имъ лишь нравственное удовлетвореніе, какое приноситъ съ собою извѣстность, болѣе или менѣе громкая. Пресѣкая такимъ образомъ всѣ пути къ обогащенію, онъ въ то же время строитъ свое государство на основаніи широкой и всеобщей свободы. По минованіи извѣстнаго, непродолжительнаго срока каждый имѣетъ право выбирать себѣ профессію, и если наклонности влекутъ его къ умственнымъ занятіямъ и вдобавокъ способности его обнаруживаются на экзаменахъ, ему открытъ свободный доступъ въ высшія учебныя заведенія и съ тѣмъ вмѣстѣ прекратится для него обязательная механическая работа. Онъ можетъ заниматься чѣмъ угодно, стать ученымъ или художникомъ, издавать книги или газеты. Наконецъ представителямъ умственныхъ профессій во всей ихъ совокупности принадлежитъ еще болѣе драгоцѣнное право—право избранія, но только не изъ своей среды, самого главы государства. Такова завидная участь таланта и ума. Но не меньшею свободой пользуются и остальные граждане. Правда, до 45 лѣтняго возраста они заняты обязательною механическою работой, но матеріальное ихъ положеніе оттого не хуже и въ свободное отъ занятій время они вполнѣ могутъ пользоваться своими политическими правами, собираться на сходки, произносить рѣчи, заниматься агитаціей. По достиженіи ими 45 лѣтняго возраста свобода ихъ уже полная и вдобавокъ имъ принадлежитъ право избранія, хотя опять таки не изъ своихъ рядовъ, всѣхъ высшихъ должностныхъ лицъ.

Казалось бы, примиреніе свободы и равенства достигнуто вполнѣ и государство построено на устойчивой основѣ всеобщаго благосостоянія. Но, увы, при ближайшемъ разсмотрѣніи эта чарующая картина улетучивается, какъ призракъ. Ни полнаго равенства, ни свободы въ государствѣ будущаго не оказывается. Начать съ того, что сравнительно небольшой кучкѣ людей, одаренныхъ талантомъ, присвоена завидная привилегія

не заниматься черной работой и отдавать свои досуги болѣе заманчивымъ видамъ труда. За то, если кто либо изъ молодыхъ людей, избравшихъ для себя одну изъ свободныхъ профессій, оказывается не на уровнѣ своего воображаемаго призванія, онъ принудительно возвращается въ ряды простыхъ смертныхъ, осужденныхъ до порога старости заниматься ремесленною или фабричною работой. А всякій, кто на такой работѣ выкажетъ недостаточно усердія, лишается сверхъ того и права выбирать для себя родъ занятій и обращается къ одному изъ нихъ уже по велѣнію начальства. Такимъ образомъ въ государствѣ будущаго лѣнь становится уголовнымъ преступленіемъ и за нее полагается наказаніе, которое въ настоящее время считается однимъ изъ наиболѣе тяжкихъ. Но и удѣлъ избранниковъ судьбы, умственной аристократіи будущаго общества, имѣетъ свою оборотную сторону. Свободные отъ грубой работы, они не имѣютъ права располагать своими произведеніями; государство налагаетъ руку на плоды ихъ творчества, не даетъ имъ даже мѣста въ рядахъ общественныхъ дѣятелей. По какой то непонятной ироніи наиболѣе способные граждане не могутъ занимать ни одной изъ общественныхъ должностей, точно ихъ талантъ становится какою то печатью отверженія.

Такимъ образомъ все, что будетъ наиболѣе способнаго въ государствѣ XX в., почувствуетъ себя обдѣленнымъ двоякимъ образомъ. Равномѣрное вознагражденіе за всѣ виды труда лишитъ интеллигенцію будущаго ея законной доли матеріальныхъ благъ, а запретъ посвящать свои таланты общественному служенію поставитъ ее въ невозможность вознаградить себя за это лишеніе почестями и властью. Понятно, что цвѣтъ націи будетъ относиться враждебно къ новымъ порядкамъ и что такая оппозиція подвергнетъ эти порядки крайней шаткости, тѣмъ болѣе что въ рядахъ массы имъ не трудно будетъ навербовать себѣ многочисленныхъ сторонниковъ. Въ самомъ дѣлѣ поводовъ къ неудовольствію окажется не мало и среди этой массы. Не говоря уже о томъ, что обдѣленными себя почувствуютъ всѣ люди, обладающіе физической силой и ловкостью, лишенные возможности использовать эти преимущества,

каково будетъ сознавать, что доступъ къ высшему образованію закрытъ и закрытъ навсегда, что вся жизнь обречена на грубый, механическій трудъ вслѣдствіе какой либо неудачи на экзаменахъ? И такое подневольное закрѣпощеніе будетъ вдвое, вдесятеро чувствительнѣе при господствѣ имущественнаго и соціальнаго равенства. Такимъ образомъ идеальный порядокъ вещей, призванный быть вѣнцомъ человѣческаго прогресса, будетъ одновременно имѣть противъ себя и людей наиболѣе развитыхъ умственно и физически и весь сонмъ неудачниковъ, обманувшихся на счетъ своего призванія. Другими словами въ числѣ его враговъ окажутся и тѣ, которые при теперешнемъ порядкѣ вещей являются обладателями матеріальныхъ благъ и потому естественными охранителями существующаго общества и тѣ насынки судьбы, изъ которыхъ обыкновенно набирается контингентъ недовольныхъ. Подобнаго напора съ двухъ противоположныхъ сторонъ не въ силахъ выдержать никакое государственное устройство, а тѣмъ менѣе такое, у котораго нѣтъ подъ рукой обычной защиты—организованнаго войска.

Но едвали не самымъ слабымъ мѣстомъ въ аргументаціи Беллэми является его оптимистическій взглядъ на осуществимость такого всеобщаго благосостоянія, далѣе котораго никому не захочется идти. Не зачѣмъ и доказывать, что во первыхъ, человѣческія потребности—понятіе настолько растяжимое, что полнаго ихъ удовлетворенія никогда быть не можетъ, а во вторыхъ, что если бы даже такой золотой вѣкъ въ самомъ дѣлѣ насталъ, онъ былъ бы равносиленъ полному застою. Стимулъ прогресса и заключается въ той ненасытимой жаждѣ чего нибудь лучшаго, которая одна только и въ силахъ побороть свойственную заурядным натурамъ косность. Если бы, когда нибудь этотъ стимулъ пересталъ дѣйствовать, всякое дальнѣйшее развитіе сдѣлалось бы немыслимымъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ исчезъ бы и всякій интересъ къ жизни. Скука, глубокая, давящая скука—вотъ каковъ былъ бы неизбѣжный удѣлъ идеальнаго общества XX в., если бы такое общество въ самомъ дѣлѣ могло остановиться, достигнувъ того полнаго

равновѣсія, какое соціалисты рисуютъ намъ такими привлекательными красками. И это безвыходное однообразіе, это полное отсутствіе идеаловъ впереди служитъ лишнимъ ручательствомъ того, что вѣчно безпокойный человѣческій духъ тотчасъ устремится къ ниспроверженію этого равновѣсія, какъ скоро оно будетъ достигнуто. Одно лишь можетъ помѣшать торжеству этой неизбѣжной реакціи—матеріальная сила, т. е., говоря просту—неограниченный деспотизмъ.

И такъ, вопреки своимъ увѣреніямъ, Беллэми не отыскалъ выхода изъ диллеммы, какую содержитъ въ себѣ соціалистическое государство. Одно изъ двухъ, въ самомъ дѣлѣ—либо неравенство возстановится въ немъ само собою силою естественнаго превосходства наиболѣе одаренныхъ его гражданъ, либо этому неравенству будетъ поставлено неодолимое препятствіе въ видѣ Драконовскаго законодательства и деспотической власти.

IX.

На все сказанное нами могутъ быть сдѣланы возраженія двоякаго рода. Во первыхъ, могутъ сказать намъ, соціалистическіе порядки были осуществлены въ прошломъ уже нѣсколько разъ въ цѣломъ или въ частностяхъ. Сообразно началу коллективизма устраивали свою жизнь и притомъ устраивали надолго, то отдѣльныя группы людей, то даже цѣлыя обширныя страны. Примѣрами перваго рода могутъ служить общины первыхъ христіанъ, общежительскіе монастыри и многочисленныя секты не только христіанскія, но также еврейскія и языческія, какъ гернгутеры, анабантисты, мормоны, ессеи, буддисты въ первую эпоху своего существованія и т. д. Примѣровъ втораго рода исторія насчитываетъ три—древній Китай въ двѣ эпохи своего развитія въ IV и III вв. до Р. Х. и при династіи Тангъ (619—997) государство Перу при господствѣ Инковъ и парагвайская республика сперва при владычествѣ іезуитовъ въ XVII и XVIII вв. а потомъ въ началѣ текущаго вѣка при диктатурѣ доктора

Франція. Къ этимъ тремъ историческимъ примѣрамъ можно бы пожалуй прибавить и еще одинъ, древній Египетъ, гдѣ по свидѣтельству Геродота (книга II, глава 109) при Сезострисѣ (Рамзесѣ II) произошелъ всеобщій передѣлъ земель въ равныхъ доляхъ между всѣми жителями страны. Но Геродотъ упоминаетъ объ этомъ такъ отрывочно, что составить себѣ ясное понятіе объ аграрномъ устройствѣ въ Египтѣ изъ его словъ довольно трудно. Французскій экономистъ Летурно *), правда, утверждаетъ, что древній Египетъ очень напоминаетъ собою Перу, и въ подтвержденіе этого ссылается на другое мѣсто изъ Геродота (кн. II глава 168), гдѣ греческій историкъ говоритъ, что члены военной касты владѣли каждый по 12-ти участковъ земли, свободной отъ налоговъ. Но заключать изъ одного этого факта, что поземельная организація Египта походила на порядки, существовавшіе въ Перу, было бы нѣсколько рискованно. Въ Перу, какъ мы увидимъ ниже, не только вся земля, но и всѣ ея произведенія безусловно принадлежали государству; а приведенныя нами два крайне отрывочныхъ свидѣтельства Геродота позволяютъ развѣ допустить, что въ извѣстную эпоху исторіи Египта государственная власть присвоила себѣ право распоряжаться поземельною собственностью и надѣлять его жителей по своему усмотрѣнію. Это далеко не одно и тоже.

Второе возраженіе почерпнуто уже не изъ области фактовъ,—оно чисто теоретическое и сводится къ тому, что если сказанное нами и дѣлаетъ сомнительнымъ осуществимость порядка вещей, основаннаго на полномъ коллективизмѣ, то этимъ еще не устраняются другія возможныя комбинаціи въ духѣ соціализма. Пока не будетъ доказано, что неосновательна критика настоящаго порядка вещей, приводимая соціалистами, и несправедливы тѣ научныя посылки, на которыхъ они строятъ свои выводы, нельзя будетъ оспаривать желательность и возможность новаго устройства экономиче-

*) Letourneau, L'évolution de la propriété, стр. 196.

скаго быта, свободнаго отъ конкурренціи и отъ монополіи на поземельную собственность и на капиталъ. Мы постараемся отвѣтить на эти возраженія по порядку.

Факты изъ историческаго прошлаго и ссылки, дѣлаемыя на нихъ соціалистами, займутъ насъ недолго. При самомъ бѣгломъ обзорѣ этихъ фактовъ нельзя не примѣтить сразу, что каждой изъ двухъ формъ коммунистическихъ обществъ, какія знаетъ исторія, присуща одна господствующая черта. Отдѣльныя общины людей, устраивавшія свою жизнь на началахъ коммунизма, возникали исключительно на религіозной почвѣ. Появленіе тѣхъ же началъ въ цѣлыхъ государствахъ на болѣе или менѣе продолжительное время всегда обусловливалось господствомъ неограниченнаго деспотизма. Такимъ образомъ, когда люди добровольно подчиняли себя строгимъ условіямъ общности имущества, эти люди находились подъ вліяніемъ сильной религіозной экзальтаціи, побуждавшей ихъ забывать о земныхъ благахъ ради надежды на вѣчное блаженство въ загробномъ мірѣ или по крайней мѣрѣ на тотъ особый видъ блаженства, который по понятіямъ буддизма совпадаетъ съ прекращеніемъ личнаго существованія. Всѣ эти религіозныя общины притомъ распадаются на двѣ совершенно отличныя группы. Однѣ, именно общины монастырскія, основаны не только на отказѣ каждаго изъ членовъ отъ личнаго имущества, но сверхъ того и на безбрачіи, и какъ разъ этотъ видъ религіозныхъ общинъ и обнаружилъ наибольшую устойчивость, сохранившись и понынѣ. Но если въ своей организаціи онѣ выказали способность къ долговѣчности, то каждый отдѣльный ихъ сочленъ подчинялся такой организаціи лишь на время собственной жизни, не разсчитывая на потомство. Само монастырское общежитіе могло такимъ образомъ просуществовать цѣлые вѣка, но личный его составъ постоянно обновлялся притокомъ со стороны. Совершенно иную судьбу имѣли остальные религіозные союзы, въ которыхъ безбрачіе не было обязательнымъ. Всѣ они просуществовали сравнительно недолго. Какъ скоро религіозное воодушевленіе ослабѣвало, цѣнность земной жизни для нихъ возрастала, съ тѣмъ вмѣстѣ

прекращалось и строгое соблюденіе начала общности имущества и обѣта добровольной нищеты.

Все это какъ нельзя болѣе ясно показываетъ, что люди могутъ на извѣстное время и съ опредѣленною цѣлью заглушать въ себѣ эгоистическіе инстинкты и приносить въ жертву все, что составляетъ обычную сущность земной жизни ради цѣли болѣе высокой, могутъ забывать о земномъ счастіи въ ожиданіи вѣчнаго блаженства. Но всякій разъ, что такая наклонность проявлялась въ извѣстной группѣ людей, она покоряла себѣ либо только нѣкоторыя исключительныя натуры, для которыхъ созерцательная жизнь и религіозное подвижничество были привлекательнѣе удовлетворенія земныхъ страстей, либо когда такое теченіе сразу охватывало болѣе или менѣе значительную часть общества, оно всегда бывало недолговѣчнымъ. Въ послѣднемъ случаѣ оно проявлялось лишь при основаніи новой религіи или по крайней мѣрѣ новой секты въ моментъ сильнаго возбужденія чувствъ. Не было еще примѣра, чтобы цѣлый народъ, даже цѣлое племя добровольно обрекало себя на что либо подобное. Напротивъ, какъ скоро новая религія или новое вѣрованіе пріобрѣтали господство, какъ скоро они распространялись на цѣлыя государства, строгая нравственная дисциплина героической эпохи гоненій ослабѣвала тотчасъ же. Нельзя стало быть искать въ религіозныхъ общинахъ историческихъ примѣровъ для созданія въ будущемъ государственнаго порядка, основаннаго на соціалистическихъ принципахъ. То, что пригодно въ эпохи кратковременнаго религіознаго возбужденія, что по плечу исключительнымъ подвижническимъ натурамъ, то непримѣнимо къ нормальному положенію общества и къ людямъ заурядnымъ.

Перейдемъ къ историческимъ примѣрамъ втораго рода болѣе убѣдительнымъ казалось бы уже въ силу того, что они относятся къ цѣлымъ обширнымъ странамъ. О первомъ изъ этихъ примѣровъ наши свѣдѣнія очень скудны.

Мы знаемъ лишь, что китайскіе земельные порядки прошли черезъ нѣсколько послѣдовательныхъ фазисовъ, подвер-

гаясь нѣсколько разъ коренному преобразованію Послѣ установленія наслѣдственной монархической власти, въ Китаѣ сперва развилось нѣчто довольно похожее на феодализмъ. Мѣстныя должностныя лица, которымъ отводились земельные участки на время ихъ службы, сперва присвоили себѣ эти участки въ полную собственность. Затѣмъ сами они превратились въ наслѣдственныхъ вассаловъ императора. Но при этой ленной организаціи продолжало существовать стародавнее владѣніе землею въ равныхъ доляхъ отдѣльными крестьянскими семьями. При династіяхъ Чангъ и Хіа вся земля была объявлена собственностью императора и затѣмъ разбита на равные участки, при чемъ размѣръ каждаго надѣла опредѣлился въ *50 меу* пахатной земли (меу=240 кв. фут.). Повидимому за упомянутый періодъ неоднократно повторялись такіе передѣлы. Въ 254 г. до Р. Х. была введена личная собственность и свобода распоряженія земельными участками. Но затѣмъ быстрое скопленіе поземельной собственности въ рукахъ, сравнительно, немногихъ достаточныхъ людей неоднократно возбуждало императоровъ приниматься за аграрныя реформы. Наиболѣе крупная изъ этихъ реформъ, проведенная при династіи Тангъ, заключалась въ томъ, что каждый самостоятельный и взрослый рабочій получалъ два участка земли, одинъ пожизненно, а другой на время его рабочей способности. Размѣръ участковъ былъ неодинаковъ, смотря по чину или должности надѣляемаго. По смерти владѣльца участки снова поступали въ казну и перепродажа ихъ изъ рукъ въ руки была воспрещена. Эти порядки успѣли продержаться лишь до конца X столѣтія, когда сноова была возстановлена личная собственность *). Насколько вообще можно судить по такимъ смутнымъ и отрывочнымъ даннымъ, мы кажется вправѣ вывести изъ этого бѣглаго очерка слѣдующія два заключенія. Во первыхъ, въ Китаѣ никогда не было полнаго аграрнаго коммунизма, такъ какъ это названіе не можетъ быть присвоено равному на-

*) См. Letourneau, L'évolution de la propriété, стр. 213 Bücher, das Ureigenthum стр. 466—467.

дѣленію всѣхъ и каждаго земельными участками. Конечно, передѣлъ земель на равныя доли нельзя не признать крупнымъ актомъ государственнаго вмѣшательства, и понятіе о личной собственности повидимому не устанавливалось въ Китаѣ вплоть до конца X вѣка. Но всетаки надѣленіе каждой семьи, хотя бы только пожизненно, опредѣленными земельными участками не можетъ быть названо коллективнымъ владѣніемъ въ строгомъ смыслѣ. Во вторыхъ, не смотря на рѣзкіе перевороты, неоднократно совершавшіеся въ китайскомъ поземельномъ устройствѣ, черезъ всю эту исторію какъ будто проходитъ одно устойчивое начало, именно преобладаніе мелкой крестьянской собственности при семейномъ владѣніи. Это начало продержалось въ Китаѣ вплоть до нашихъ дней. До сихъ поръ, хотя личная поземельная собственность тамъ окончательно восторжествовала, Китай остался страною преимущественно мелкаго землевладѣнія и мелкой культуры, причемъ у каждой семьи имѣется небольшой участокъ, неотчуждаемый и не подлежащій раздѣлу. На этомъ выводѣ повидимому сходятся всѣ новѣйшіе изслѣдователи Китая, между прочимъ французскій консулъ г. Симонъ, авторъ извѣстной книги «Срединное Царство». Гораздо обстоятельнѣе историческія свидѣтельства о двухъ послѣднихъ, болѣе къ намъ близкихъ случаяхъ примѣненія къ цѣлымъ странамъ коллективнаго владѣнія. Когда въ началѣ XVI в. Франциск Пизарро съ кучкою сподвижниковъ высадился на берегахъ Перу, онъ засталъ тамъ государство сравнительно благоустроенное при довольно высокой степени культуры. Слѣды процвѣтанія тогдашняго Перу сохранились и понынѣ, не говоря уже о прямомъ свидѣтельствѣ испанскихъ историковъ XVI в. Монархія Инковъ была гораздо обширнѣе теперешней республики Перу. Она простиралась отъ южной границы Боливіи почти до самаго Панамскаго перешейка. На прибрежной полосѣ всей этой громадной территоріи, нынѣ почти совершенно пустынной, до сихъ поръ виднѣются остатки грандіозныхъ ирригаціонныхъ работъ, и завоеватели страны въ XVI в. нашли въ этой мѣстности цвѣтущее земледѣліе. На высокомъ плоскогоріи Кор-

дильеровъ, гдѣ и теперь сосредоточивается почти все населеніе тихоокеанскихъ республикъ южной Америки, сохранились развалины огромныхъ зданій, правда, довольно грубыхъ въ архитектурномъ смыслѣ, но свидѣтельствующихъ о поразительной техникѣ и о колоссальномъ трудѣ, потраченномъ на ихъ сооруженіе. По своимъ размѣрамъ и по громадности каменныхъ глыбъ, сложенныхъ безъ помощи цемента, эти постройки не уступаютъ Египетскимъ. Наконецъ при раскопкахъ повсюду находятъ помимо глиняныхъ сосудовъ, довольно изящныхъ по формѣ, хотя снабженныхъ лишь грубыми изваяніями и рисунками, золотыя и серебряныя украшенія, не лишенныя художественной отдѣлки. Нельзя стало быть отрицать, чтобы въ монархіи Инковъ, не знавшей, правда, желѣзнаго производства, существовала довольно высокая цивилизація и значительная степень матеріальнаго довольства. Несомнѣнно также, судя по отзывамъ испанскихъ завоевателей, что населенность страны была гораздо выше теперешней. Политическое устройство представляло оригинальное смѣшеніе аристократическихъ порядковъ съ деспотическимъ коммунизмомъ. Страною управляло немногочисленное племя — династіей его нельзя назвать — родиной котораго былъ островокъ, лежащій посреди озера Титикаха. Изъ этого племени, носившаго названіе Инковъ, происходилъ и наслѣдственный глава государства. Инкамъ принадлежала вся страна на правахъ частной собственности со всѣми ея произведеніями и богатствами. Весь остальной народъ, производившій эти богатства своимъ трудомъ, былъ лишь безправною толпою рабовъ, такъ какъ всѣ продукты земледѣлія и промышленности принадлежали государству или точнѣе ея верховному классу. Продовольствіе народа и обезпеченіе его прочихъ нуждъ производились отпускомъ изъ казенныхъ складовъ, а такъ какъ внѣшней торговли не существовало никакой, то вся масса ежегодныхъ произведеній страны и шла на пользу жителей, распредѣляясь между ними равномѣрно, за исключеніемъ того, конечно, что требовалось на удовлетвореніе болѣе взыскательнаго господствующаго класса. Благодаря немного-

численности этого класса, народъ не бѣдствовалъ, но за то не обладалъ ни собственностью, ни свободой. И слѣдуетъ полагать, что эти порядки не приходились особенно по вкусу населенію Перу, такъ какъ испанскіе завоеватели не встрѣтили ничего подобнаго сопротивленію, какое оказали Фернанду Кортесу мексиканскіе ацтеки. При столкновеніи Пизарро съ перуанскимъ царемъ Атагуальпою, многотысячное войско послѣдняго разбѣжалось тотчасъ же, не попытавшись даже сколько нибудь защищаться. Во всякомъ случаѣ одно сомнѣнію не подлежитъ: какъ бы долго ни продержалось необычайное устройство перуанскаго государства — объ этомъ мы никакихъ свѣдѣній не имѣемъ—оно могло существовать только съ помощью неограниченнаго деспотизма, хотя быть можетъ и деспотизма до извѣстной степени просвѣщеннаго.

Треть земельной поверхности Перуанскаго государства составляла личную собственность Инковъ. Другая часть служила для поддержанія храмовъ и для обезпеченія касты жрецовъ. Третья, наконецъ, обработывалась для удовлетворенія потребностей народныхъ массъ. Такимъ образомъ, во первыхъ, значительная часть народнаго труда тратилась въ пользу господствующаго сословія, а во вторыхъ, наряду съ коллективнымъ владѣніемъ извѣстною частью Перуанскихъ земель существовала вполнѣ личная собственность немногочисленнаго господствующаго племени. Такимъ образомъ Перуанскіе порядки являются ничѣмъ инымъ какъ обширнымъ примѣненіемъ крѣпостнаго права съ обращеніемъ въ крѣпостное состояніе цѣлаго народа и вдобавокъ при такихъ условіяхъ, что даже на своихъ земляхъ народъ этотъ не могъ распоряжаться, какъ хотѣлъ, а обработывалъ ихъ подъ надзоромъ и командою начальства. Быть можетъ кормили его хорошо и нужды онъ не зналъ, но это матеріальное обезпеченіе едва ли достаточно, чтобы искупить обращеніе въ рабство всей массы населенія страны. И нѣсколько странно читать у нѣкоторыхъ изъ современныхъ экономистовъ, какъ у Летурно и Бюхера *),

*) Buecher, Das Ureigenthum, стр. 303—315 Letourneau, L'évolution de la propriété стр. 179—189.

панегирики экономическому строю Перуанскаго государства.

Наконецъ самая послѣдняя попытка организовать государство на началахъ коллективизма была сдѣлана отцами іезуитами въ половинѣ прошлаго вѣка на обширныхъ равнинахъ, лежащихъ въ бассейнѣ Ла-Платы и ея притоковъ.

Рядъ земледѣльческихъ колоній, основанныхъ въ началѣ XVII вѣка орденомъ іезуитовъ среди пампасовъ южной Америки, нельзя, строго говоря, называть государствомъ. Всѣ земли, занятыя орденомъ въ долинѣ Ла-Платы входили въ составъ испанскихъ и португальскихъ владѣній. Тѣмъ не менѣе іезуитскія миссіи въ этой части южной Америки были фактически независимыми отъ испанскихъ и португальскихъ властей и образовали три самоуправляющіяся федераціи. Приглашенные въ 1583 г. испанскимъ генералъ-губернаторомъ Лаплатской провинціи для болѣе успѣшнаго проповѣдыванія Евангелія среди краснокожихъ, іезуиты въ 1616 году основали свою первую колонію на Паранѣ. Затѣмъ число ихъ миссій быстро распространилось и въ половинѣ XVII вѣка они образовали цѣлую сѣть поселеній, расположенныхъ въ трехъ округахъ. Ихъ было всего 33; 15 изъ нихъ лежали между рѣками Параною и Уругваемъ на территоріи теперешняго аргентинскаго штата Ентре-Ріосъ (Entre-Rios), 7 находились на лѣвомъ берегу Уругвая, частью въ предѣлахъ теперешней Уругвайской республики, частью въ бразильской провинціи Ріо-Гранде-до Сулъ (Rio Grande do Sul). Наконецъ 11 послѣднихъ лежали гораздо сѣвернѣе между рѣками Параною и Парагваемъ. Мѣстности, гдѣ устроились миссіи, были заняты индѣйскимъ племенемъ Гуарани, застигнутымъ европейцами уже на степени земледѣльческой осѣдлости. Племя это отличалось, повидимому, необыкновенной мягкостью нравовъ, такъ какъ оно не оказало іезуитамъ никакого сопротивленія, когда они овладѣли его землями и прежнихъ свободныхъ жителей обратили въ полурабское состояніе. Гуарани повидимому вла-

дѣли землею сообща цѣлыми деревнями, т. е. у нихъ было не только общинное, но и артельное владѣніе съ дѣлежемъ продуктовъ. Іезуиты удачно воспользовались этимъ положеніемъ дѣлъ, присвоивъ каждой отдѣльной изъ своихъ миссій всѣ произведенія земли, обработанной подвѣдомственными имъ индѣйцами. Каждая изъ 33 миссій составила какъ бы отдѣльное имѣніе, къ которому было приписано извѣстное число крѣпостныхъ. Іезуиты одновременно занимались обращеніемъ своихъ подданныхъ въ христіанство и обученіемъ ихъ усовершенствованнымъ способамъ земледѣлія. То и другое удалось имъ вполнѣ. Индѣйцы въ одинаковой мѣрѣ обнаружили преданность своимъ господамъ и успѣхи въ воздѣлываніи почвы. Іезуитскія колоніи быстро достигли высокой степени процвѣтанія. Патеры были неограниченными господами надъ краснокожими, но господами добрыми, разсчетливыми и любимыми. Культура богатой почвы приносила такіе плоды, что завѣдывающіе колоніями могли прекрасно содержать своихъ крѣпостныхъ, не забывая въ то же время интересовъ ордена. По свидѣтельству современниковъ, церкви и дома колоній въ миссіяхъ отличались большимъ великолѣпіемъ, и до сихъ поръ сохранилось преданіе о несмѣтныхъ сокровищахъ, будто бы зарытыхъ іезуитами въ землю во время постигшаго ихъ погрома. Этотъ погромъ былъ результатомъ зависти, вызванной богатствомъ іезуитскихъ колоній въ мѣстныхъ генералъ-губернаторахъ. Въ 1751 годъ оба правительства, испанское и португальское, соединенными силами предприняли неблаговидное дѣло разрушенія миссій и насильственнаго ихъ переселенія на другія земли. Это имъ удалось далеко не вполнѣ благодаря сопротивленію индѣйцевъ, и когда іезуиты были изгнаны сперва изъ португальскихъ, потомъ изъ испанскихъ владѣній, францисканцы, призванные для завѣдыванія опустѣлыми миссіями, застали ихъ, если не на прежней высотѣ богатства, то не въ окончательномъ упадкѣ. Полное разрушеніе миссій произошло въ началѣ текущаго столѣтія, во время безпорядковъ, сопровождавшихъ отпаденіе испанскихъ колоній. Въ настоящее время многочисленное когда то населеніе вы-

мерло и мѣсто прежнихъ цвѣтущихъ миссій занимаетъ пустыня *).

Если такимъ образомъ экономическій опытъ, произведенный іезуитами въ такихъ широкихъ размѣрахъ оказался чрезвычайно удачнымъ, то дѣлать изъ него какіе нибудь практическіе выводы для будущаго все-таки совершенно невозможно. Іезуитскія миссіи были въ сущности ничто иное, какъ обширныя плантаціи, устроенныя съ помощью крѣпостнаго труда, съ тою лишь особенностью, что завѣдывали ими не частныя лица, а цѣлыя учрежденія. Хотя миссіи образовали группы, состоявшія подъ общимъ управленіемъ, это управленіе не касалось внутреннихъ распорядковъ каждой колоніи, вполнѣ предоставленныхъ непосредственному начальству. Такіе порядки мыслимы лишь въ странахъ дикихъ, внѣ предѣловъ государства и подъ непремѣннымъ условіемъ крѣпостнаго труда.

Нѣсколько иное значеніе имѣло своеобразное устройство, введенное въ Парагвайской республикѣ ея первымъ президентомъ докторомъ Франчіа (1711—1740). Онъ во многомъ, хотя далеко не во всемъ позаимствовалъ это устройство у іезуитовъ. Франчіа распоряжался въ Парагваѣ какъ будто все государство было его личнымъ имѣніемъ. Хотя онъ не конфисковалъ частной собственности, вся торговля страны была обращена имъ въ казенную монополію. Никто не имѣлъ права ничего продавать, ни покупать иначе какъ въ казенныхъ складахъ, куда всѣ производители должны были отвозить свои товары. Но эта оригинальная финансовая система, просуществовавшая, правда, 30 лѣтъ благодаря желѣзному деспотизму Франчіа, все-таки ничего общаго не имѣетъ съ соціалистическимъ государствомъ, такъ какъ она преслѣдовала цѣли лишь чисто фискальныя. Впрочемъ и на этомъ примѣрѣ половиннаго соціализма мы видимъ повтореніе все того же условія, безъ котораго соціалистическія попытки не удаются—безграничный деспотизмъ центральной власти.

---

*) См. M. de Moussy, Mémoire historique sur la décadence et la ruine des missions des Iésuites dans le bassin de La-Plata.

X.

Обратимся теперь къ возраженіямъ теоретическаго свойства. Незачѣмъ, кажется, утруждать читателя подробнымъ изложеніемъ научной теоріи соціализма и той критики существующихъ экономическихъ порядковъ, которая служитъ этой теоріи подкладкой. Читателю, сколько нибудь знакомому съ текущей экономической литературой, теорія эта вѣроятно извѣстна и онъ на насъ не посѣтуетъ, если мы здѣсь ограничимся лишь бѣглымъ указаніемъ ея основныхъ положеній. Сдѣлать это намъ будетъ тѣмъ легче, что соціалисты, до крайности расходящіеся въ своихъ планахъ будущаго переустройства общества, очень близки между собой въ отрицательной части своего ученія. Какъ у развѣтвистаго дерева у нихъ изъ одного общаго ствола выдѣляются во всѣ стороны безчисленныя вѣтви.

Неправильное распредѣленіе богатствъ, вызванное сперва грубымъ физическимъ насиліемъ и поддерживаемое тѣмъ болѣе тонкимъ и мягкимъ видомъ насилія, какое представляетъ собою современное законодательство,—это главная основная тема всей соціалистической литературы. Неправильнымъ это распредѣленіе оказывается потому, что трудъ—единственный созидатель цѣнностей, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ львиная доля этихъ самыхъ цѣнностей несправедливо отнимается у него представителями капитала и землевладѣлія. Старая казенная школа экономистовъ грубо ошибалась, и притомъ ошибалась преднамѣренно, тенденціозно, приравнивая къ труду землю и капиталъ. Равномѣрности между этими тремя факторами производства не можетъ быть уже въ силу того, что съ одной стороны производительная сила, присущая землѣ,—сила даровая, не принадлежащая никому и путемъ насилія присвоенная себѣ людьми, захватившими въ свои руки право на эту землю. Но при этомъ захватѣ земля сама по себѣ безъ приложенія къ ней труда не производитъ ничего и потому не обладаетъ никакой цѣнностью. Даже

тотъ грубый видъ использованія ея продуктовъ, который ограничивается срываніемъ дикихъ плодовъ и добываніемъ дичи не обходится безъ труда, и одинъ только трудъ, т. е. присутствіе человѣка съ его потребностями, и придаетъ этимъ непосредственнымъ произведеніямъ природы извѣстную цѣну. Зависимость поземельной собственности, въ качествѣ экономическаго фактора, отъ человѣческаго труда явствуетъ уже изъ того, что цѣнность ея растетъ съ увеличеніемъ населенія.

Съ другой стороны капиталу еще менѣе чѣмъ землѣ можетъ быть присвоено значеніе самостоятельнаго фактора производства. Капиталъ ни что иное, какъ сумма накопленныхъ и сбереженныхъ произведеній труда; безъ труда его появленіе совершенно немыслимо, даже въ той роли неиспользованной потенціальной силы, какая принадлежитъ землѣ. Такимъ образомъ, сообразно требованіямъ самой элементарной справедливости, земля, какъ не принадлежащая никому хранительница накопленныхъ природою силъ, и капиталъ, какъ результатъ прежняго труда, не могутъ быть присвоены никѣмъ въ отдѣльности, а должны принадлежать всей совокупности трудящихся. При каждомъ новомъ производствѣ цѣнностей нѣтъ стало быть никакого основанія отчислять какую бы то ни было долю въ пользу капиталиста или землевладѣльца, какъ это дѣлается теперь. Если съ каждымъ годомъ стоимость земли возростаетъ, вслѣдствіе того, что обладаніе ею становится все болѣе недоступнымъ, то происходитъ это лишь отъ наростанія населенія и выгода, получаемая отсюда землевладѣльцемъ, есть вопіющая несправедливость. Если же съ другой стороны постоянно наростаетъ и капиталъ, не въ своей цѣнности, какъ земля, а въ своей массѣ, то это опять таки несправедливость столь же вопіющая, потому что наростанія капитала есть ничто иное, какъ ежегодное присвоеніе его обладателями части продуктовъ труда. И по мѣрѣ того, какъ увеливается сумма капиталовъ, растетъ и алчность ихъ обладателей, присвоивающихъ себѣ все болѣе видную часть производства.

Такимъ образомъ, источникомъ имущественнаго неравен-

ства являются два вида насилія: одно совершилось въ опредѣленный моментъ захватомъ поземельной собственности отдѣльными лицами, путемъ ли завоеванія или рядомъ отдѣльныхъ посягательствъ и затѣмъ было освящено закономъ и поддерживалось охраною правительственной власти. Другое совершается постоянно изъ году въ годъ, изо дня въ день, и, благодаря способности движимаго капитала безконечно расти, грозитъ сосредоточить все народное богатство въ немногихъ рукахъ денежныхъ олигарховъ. Въ самомъ дѣлѣ, капиталъ не только присвоиваетъ себѣ при дѣлежѣ продукта не принадлежащую ему долю, онъ сверхъ того дѣйствуетъ наступательно противъ труда, постепенно отвоевывая у него уцѣлѣвшіе еще виды независимаго производства. Тамъ, гдѣ рабочая семья удержала въ своихъ рукахъ обрабатываемый ею клочекъ земли или какое нибудь орудіе механическаго производства, капиталъ стремится отобрать у него то и другое. Крупное производство выгоднѣе мелкаго, потому что оно въ состояніи производить дешевле. Вслѣдствіе этого мелкій землевладѣлецъ и промышленникъ кустарь осуждены на гибель, не будучи въ состояніи продавать свои произведенія такъ дешево, какъ богатый капиталистъ. Капиталъ, правда, къ нимъ приходитъ лицемѣрно на помощь, ссужая имъ свои деньги, но такая ссуда лишь скрытая экспропріація, такъ какъ, становясь должникомъ, мелкій производитель, обязанный выплачивать процентъ за ссуду, поставленъ въ положеніе, еще болѣе тяжелое, чѣмъ прежде. И результатомъ этой конкуренціи является съ одной стороны гибель кустарей, съ другой постепенное обезземеленіе крестьянъ. Всего ужаснѣе, всего возмутительнѣе здѣсь то, что самый трудъ является невольнымъ пособникомъ своего заклятаго врага. Покупая рабочія руки, какъ рыночную цѣнность, и стремясь ихъ сосредоточить какъ можно больше подъ своею властью, капиталъ пользуется ими для борьбы съ ихъ же собратами, съ тѣми рабочими, которые сохранили еще пока экономическую независимость. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ шире данное производство, т. е. чѣмъ больше въ немъ занято рабочихъ рукъ, тѣмъ

дешевле ему обходится продуктъ и тѣмъ успѣшнѣе онъ борется съ мелкимъ производителемъ. Продуктивность работы не пропорціональна числу занятыхъ ею людей. Первая величина растетъ быстрѣе второй благодаря той лучшей организаціи труда, какая достигается съ увеличеніемъ размѣра производства. Этотъ законъ продуктивности комбинированнаго труда, одинаково примѣнимый къ промышленности и земледѣлію, истинно смертоносное орудіе въ рукахъ капитала: благодаря ему условія борьбы становятся все болѣе неравными, и договоръ между капиталистомъ и работникомъ все явственнѣе утрачиваетъ характеръ свободной сдѣлки, такъ какъ на рабочемъ рынкѣ капиталъ становится все болѣе господствующимъ и прямо диктуетъ рабочему свои условія. Вотъ почему размноженію безземельнаго и бездомнаго пролетаріата соотвѣтствуетъ, какъ его неизбѣжное послѣдствіе, все большее пониженіе рабочей платы, никакъ не могущей выбиться изъ желѣзныхъ тисковъ закона, ставящаго ей предѣломъ содержаніе впроголодь рабочей семьи.

Но этимъ не ограничивается хищнически завоевательная дѣятельность капитала. Она направляется не только противъ одной обездоленной массы рабочихъ. Слѣдуя закону неумолимой конкуренціи, крупные капиталы стремятся поглотить мелкіе. Необходимостью производить дешево, чтобы расширить свой потребительный рынокъ, вызывается среди капиталистовъ также наклонность къ ассоціаціи, которая такъ настойчиво и такъ неудачно проявляется среди рабочихъ. Промышленныя предпріятія, основанныя на акціонерномъ капиталѣ, и товарищества на вѣрѣ и на паяхъ все чаще замѣняютъ собою старинныя торговыя и промышленныя фирмы. Отюда получаются два результата. Исчезаетъ всякая возможность личныхъ, сколько нибудъ гуманныхъ отношеній между работодателемъ и его рабочими. Для безымянной компаніи или для товарищества не существуетъ иныхъ представленій о рабочемъ, какъ о машинѣ, которую надо содержать какъ можно дешевле. Въ то же время образовавшіяся крупныя ассоціаціи капиталовъ оказываютъ вокругъ себя притягательную силу, погло-

щая мелкіе капиталы и такимъ образомъ все сильнѣе обезличивая промышленность. Это стремленіе къ сосредоточенію замѣтно во всѣхъ отрасляхъ не только промышленности, но и торговли и неизбѣжнымъ его результатомъ является экономическая зависимость не только рабочихъ массъ, но и средняго класса. Число людей, утрачивающихъ самостоятельность, не имѣющихъ уже ни своей земли, ни своего очага, растетъ такимъ образомъ съ ужасающей быстротой, а тѣмъ самымъ все глубже становится пропасть, отдѣляющая небольшую группу денежныхъ феодаловъ отъ всего остальнаго населенія. Естественному закону экономической жизни, въ силу котораго цѣнность продукта должна измѣряться исключительно количествомъ труда, пошедшаго на его производство, горькая дѣйствительность противоставитъ два другихъ, обусловливающихъ ненормальное распредѣленіе выручки: барышъ капитала прогрессивно растетъ, благодаря усиливающейся производительности труда, а доля этого труда остается неподвижною въ предѣлахъ крайней необходимости, и предѣлы эти даже суживаются благодаря конкуренціи голодныхъ, не занятыхъ рабочихъ, готовыхъ продать свой трудъ за черствый кусокъ хлѣба.

Такова ужасающая картина, рисуемая намъ соціалистической литературой. Къ этимъ главнымъ основнымъ чертамъ своей критики, направленной противъ существующаго экономическаго строя, соціалисты прибавляютъ еще нѣсколько второстепенныхъ детальныхъ возраженій, касающихся распредѣленія поземельной собственности. То обстоятельство, что значительная часть землевладѣнія находится въ рукахъ богатыхъ классовъ и состоитъ изъ крупныхъ земельныхъ участковъ, влечетъ за собою недостаточное развитіе хлѣбнаго производства. Крупные собственники никогда не распахиваютъ такого процента своихъ земель, какъ дѣлаютъ это землевладѣльцы изъ крестьянъ: это неопровержимо доказывается аграрной статистикой. Не говоря уже о площади, остающейся подъ лѣсами, владѣльцы латифундій зачастую предпочитаютъ выгонное хозяйство зерновому, разведеніе стадъ хлѣбной куль-

турѣ. Такимъ образомъ, въ угоду спекулятивнымъ разсчетамъ нѣсколькихъ магнатовъ сохращается производство хлѣба, этой основы народнаго продовольствія, ради увеличенія такой культуры, которая главнымъ образомъ разсчитана для вывоза, т. е. для обмѣна на произведенія роскоши. Въ то же время у крупныхъ владѣльцевъ болѣе или менѣе значительная часть ихъ земель остается вовсе непроизводительной, находясь подъ садами, парками или служа для размноженія дичи. Такимъ образомъ кормилица народа, земля, искусственнымъ образомъ отрывается отъ своего естественнаго назначенія чтобы удовлетворять прихотямъ богачей. Но это еще далеко не все. За послѣднія тридцать лѣтъ размноженіе капитала вызвало наплывъ городскаго населенія въ деревнѣ и создало новое экономическое зло—превращеніе мелкой собственности въ предметъ роскоши. Во всѣхъ странахъ, одаренныхъ красотами природы и благорастворенным климатомъ, съ каждымъ годомъ все замѣтнѣе распространяется болѣзненное явленіе—отобраніе земли у пахаря и замѣна его хижины и его полей раскошными виллами, окружающими ихъ садами. Потребность богатыхъ городскихъ классовъ лѣтомъ переселяться въ деревню и окружать себя тамъ привольною обстановкою вызываетъ такимъ образомъ новое сокращеніе пахатныхъ земель, утрачивающихъ навсегда свое хозяйственное значеніе. Этимъ путемъ и мелкая собственность постепенно вырывается изъ народныхъ рукъ и вдобавокъ сильно возрастаетъ въ цѣнѣ, благодаря тому, что стоимость ея опредѣляется уже не одною рентой, а въ нее вносится совершенно искусственный факторъ, пристрастіе городскихъ классовъ къ дачной жизни. И потеря эта является совершенно непоправимою, такъ какъ возростаніе цѣнъ на землю дѣлаетъ ее совершенно недоступною для сбереженій рабочаго.

Но самый избытокъ зла, говорятъ намъ соціалисты, заключаетъ въ себѣ залогъ будущаго исцѣленія. Чѣмъ больше становится масса обдѣленныхъ, тѣмъ грознѣе растетъ ихъ сила. Чѣмъ глубже пропасть, отдѣляющая кучку богатыхъ отъ несчетной толпы голодающихъ, тѣмъ сильнѣе и потому

неотразимѣе недовольство послѣднихъ и тѣмъ вѣроятнѣе ихъ конечная побѣда. Къ этой побѣдѣ мало по малу подготовляетъ общество и все большее распространеніе ассоціацій капиталовъ, лишающее сторонниковъ теперешняго экономическаго строя ихъ главнаго аргумента, преимущества личнаго хозяйства передъ коллективнымъ. Становясь анонимнымъ, безличнымъ, капиталистическое производство все болѣе приближается къ той самой организаціи, которая одна только можетъ благополучно разрѣшить непримиримыя противорѣчія труда и капитала и удовлетворить законныя требованія рабочей массы. Такимъ образомъ шансы успѣховъ въ экономической борьбѣ все замѣтнѣе переходятъ на сторону пролетаріата. Бездушная эксплуатація рабочихъ постепенно увеличиваетъ ихъ ряды и представители наживы, цари современнаго буржуазнаго строя сами не примѣчаютъ, какъ въ своемъ увлеченіи наживой они собственными руками подготовляютъ свое паденіе.

Въ этомъ длинномъ перечнѣ горькихъ сѣтованій и злорадныхъ надеждъ попробуемъ теперь отдѣлить крупицу истины отъ окружающей ее шелухи. Что въ современномъ обществѣ существуютъ рѣзкіе имущественные контрасты, что вопіющая нужда въ немъ встрѣчается на каждомъ шагу съ грозною свитой болѣзней и пороковъ, этого, конечно, никто отрицать не думаетъ. Но не въ этомъ узелъ занимающаго насъ вопроса. Вся суть его въ томъ, растутъ ли въ самомъ дѣлѣ отрицательные признаки,—нужда, болѣзни, невѣжество, преступленія, и при томъ растутъ ли и въ численномъ отношеніи и въ степени интензивности и затѣмъ является ли имущественное неравенство въ самомъ дѣлѣ чѣмъ то ненормальнымъ, какъ результатъ насилія, или наоборотъ онъ обусловливается естественными свойствами человѣческой природы и экономической жизни.

Что въ процентномъ отношеніи число людей, живущихъ однимъ заработкомъ, въ теченіе настоящаго вѣка находилось въ постоянномъ возрастаніи, это фактъ, сомнѣнію не подлежащій. Этотъ численный ростъ пролетаріата не соотвѣтствуетъ даже общему приросту населенности. Рабочій классъ несомнѣнно

распространяется на счетъ другихъ въ силу того, что во всѣхъ государствахъ западной Европы, а въ болѣе слабой степени и у насъ, совершается приливъ населенія изъ деревни въ города. Происходитъ это оттого, что при извѣстной густотѣ населенія всѣ сельскіе промыслы обезпечены достаточнымъ числомъ рабочихъ рукъ и дальнѣйшій избытокъ этихъ рукъ не находятъ уже себѣ въ деревнѣ помѣщенія. Самые успѣхи земледѣлія содѣйствуютъ этому процессу. Въ фабричномъ производствѣ каждое новое распространеніе машинъ лишь на очень короткое время понижаетъ спросъ на человѣческій трудъ: если благодаря машинамъ каждое данное производство можетъ обходиться меньшимъ числомъ рукъ, то это сокращеніе въ требованіи на трудъ съ избыткомъ вознаграждается во первыхъ увеличеніемъ размѣровъ отдѣльныхъ производствъ, а во вторыхъ увеличеніемъ самаго ихъ числа. Въ земледѣліи ничего подобнаго быть не можетъ, такъ какъ ни число отдѣльныхъ хозяйствъ, ни размѣры ихъ не могутъ произвольно расширяться. Эта сравнительная неподвижность земледѣлія, при постоянномъ расширеніи промышленности, соотвѣтствуетъ двумъ основнымъ свойствамъ земли и капитала, неизмѣняемости первой при неудержимомъ ростѣ втораго. Само собою разумѣется, что количество рабочихъ рукъ, требуемыхъ земледѣліемъ въ каждой данной мѣстности,—величина очень измѣнчивая, такъ какъ она находится въ зависимости отъ условій климата и культуры. Съ одной стороны чѣмъ продолжительнѣе періодъ лѣтнихъ полевыхъ работъ, тѣмъ меньшимъ числомъ рукъ можетъ обходиться земледѣліе; съ другой—потребность въ сельскихъ рабочихъ увеличивается по мѣрѣ увеличенія интезивности культуры. Но такъ какъ болѣе цѣнныя сельскохозяйственныя растенія, какъ виноградъ, хмель, хлопокъ, рисъ, всѣ виды плодовыхъ деревьевъ, воздѣлываются преимущественно въ странахъ болѣе южныхъ, т. е. обладающихъ продолжительнымъ лѣтомъ, то эти два условія до извѣстной степени взаимно уравновѣшиваются. Третій факторъ, вліяющій на число необходимыхъ для земледѣлія рабочихъ рукъ—это сравнительный процентъ земельной площади, занятой куль-

турою. Такъ напримѣръ наши черноземныя губерніи, хотя онѣ лежатъ вообще говоря южнѣе промышленныхъ, вызываютъ большее напряженіе земледѣльческаго труда, благодаря сильному расширенію въ нихъ посѣвной площади, что и обусловливаетъ сравнительно большее распространеніе отхожаго промысла на сѣверѣ. Вообще говоря, можно признать, что нормальное число потребныхъ для земледѣлія рабочихъ рукъ прямо пропорціонально объему посѣвной площади и степени интензивности культуры и обратно—продожительности лѣтняго періода, хотя конечно этимъ выраженіямъ нельзя придавать математической точности. При такихъ условіяхъ предѣлы поглощенія труда земледѣліемъ довольно ограничены, и, какъ скоро его нужды удовлетворены, неминуемо должно начаться выселеніе. Этой потребности и отвѣчаетъ промышленность, являющаяся одновременно и результатомъ избытка рабочихъ рукъ и средствомъ для помѣщенія этого избытка. Никакой экономическій строй, никакія законодательныя мѣры не могутъ помѣшать этому естественному ходу вещей. Сильное раздробленіе поземельной собственности содѣйствуетъ, правда, до извѣстной степени удержанію на мѣстѣ большаго числа людей, но съ несомнѣннымъ ущербомъ для производства, такъ какъ было бы крайне нераціональнымъ искусственно привлекать опредѣленнное число рабочихъ къ такому производству, которое можетъ обходиться меньшею затратою труда.

Скажемъ болѣе. Соціалисты, видящіе въ трудѣ естественнаго производителя цѣнности, стали бы въ явное противорѣчіе съ собою, потребовавъ чего нибудь подобнаго. Если трудъ въ самомъ дѣлѣ единственный источникъ народнаго богатства, то съ нимъ надо обходиться бережливѣе, т. е. употреблять его въ дѣло, какъ можно продуктивнѣе.

А между тѣмъ только что указанное нами различіе между земледѣліемъ и промышленностью и есть главный, чтобы не сказать единственный источникъ растущаго пролетаріата. Неподвижность земледѣлія, его неспособность поглощать растущее сельское населеніе вызываетъ отливъ рабочихъ рукъ къ промышленнымъ занятіямъ, а безконечная растяжимость по-

слѣднихъ служитъ для этого излишка естественной приманкою. Но это еще вовсе не значитъ, что количественное размноженіе класса людей, оторванныхъ отъ земли и работающихъ по найму, обусловливаетъ собою соотвѣтственное увеличеніе нужды. Условія жизни наемнаго рабочаго могутъ быть лучше матеріальнаго положенія крестьянина, владѣющаго землей, или ремесленника, трудящагося для себя. Мѣриломъ благосостоянія служитъ не хозяйственная самостоятельность, т. е. не простой фактъ производства на свой собственный счетъ и страхъ, а количество получаемыхъ продуктовъ, все равно будутъ ли эти продукты непосредственнымъ результатомъ труда или послужитъ къ ихъ пріобрѣтенію опредѣленная заработная плата. Что это именно такъ, доказываетъ часто случающійся переходъ изъ класса мелкихъ собственниковъ и свободныхъ кустарей въ классъ батраковъ-рабочихъ. Далеко не всегда такой переходъ обусловливается экспропріаціей, т. е. является результатомъ задолженности. Если крестьянинъ или кустарь убѣждаются, что, работая на себя, они выручаютъ меньше, чѣмъ получали бы служа на фабрикѣ, и тотъ и другой могутъ рѣшиться на отчужденіе своей земли или своихъ орудій и продать свой трудъ за опредѣленное вознагражденіе. Многіе изъ рабочихъ большихъ городовъ Запада ѣдятъ и одѣваются гораздо лучше, чѣмъ большинство надѣленныхъ землею русскихъ крестьянъ. Одно лишь обстоятельство ставитъ классъ батраковъ въ положеніе безусловно невыгодное въ сравненіи съ крестьянами и кустарями—это шаткость и невѣрность въ выручкѣ, даваемой наемнымъ трудомъ. Обрабатывающая промышленность походитъ на рѣку, текущую въ уровень съ берегами, такъ что ничтожнаго поднятія воды или слабаго противнаго вѣтра достаточно, чтобы произвести наводненіе. Высота заработной платы въ каждый данный моментъ зависитъ отъ существующаго отношенія между числомъ рабочихъ рукъ и суммою капиталовъ, помѣщенныхъ въ промышленныхъ предпріятіяхъ. При каждомъ приливѣ рабочихъ съ одной стороны, каждомъ отливѣ капитала съ другой,— а при современной подвижности населенія и рынка то и дру-

гое случается часто,—промышленная рѣка выбрасываетъ на берегъ извѣстное число рабочихъ, ставшихъ излишними и обреченныхъ вслѣдствіе того на голодовку. Вотъ главная роковая черта, отличающая современный экономическій строй, основанный на свободѣ договора, отъ прежняго, гдѣ и земля, и трудъ не могли выйти изъ тѣсныхъ рамокъ заповѣднаго владѣнія и цеховой организаціи.

Благодаря этой чертѣ и возникаютъ передъ нашими глазами тѣ картины безвыходной нужды и отталкивающаго порока, которыя такъ часто вызывали сѣтованія филантроповъ и преобразовательныя затѣи реформаторовъ. Нельзя сказать однако, чтобы само по себѣ владѣніе землею и орудіями труда давало рабочей семьѣ полное обезпеченіе; невѣрность урожая съ одной стороны, колебаніе цѣнъ съ другой могутъ привести самостоятельнаго хозяина въ положеніе, немногимъ лучшее судьбы наемнаго батрака. Объ этомъ громко свидѣтельствуютъ между прочимъ продовольственныя ссуды, почти ежегодно испрашиваемыя нашими земствами даже въ самыхъ хлѣбородныхъ губерніяхъ, даже при обширныхъ надѣлахъ, между тѣмъ какъ такія ссуды Западной Европѣ неизвѣстны. И стоитъ замѣтить, что стали онѣ тамъ неизвѣстными какъ разъ съ тѣхъ поръ, какъ установился тамъ порядокъ свободнаго обращенія на рынкѣ денегъ, земли и труда. По свойственной человѣку слабости окрашивать прошлое радужными цвѣтами, какъ разъ наиболѣе прогрессивные изъ современныхъ экономистовъ любятъ мечтать о такихъ порядкахъ, которые сильно напоминаютъ собою доброе, старое время. Они забываютъ, безсознательно становясь laudatores temporis acti, что блѣдный призракъ голода сдѣлался рѣдкимъ гостемъ въ Западной Европѣ, а потомъ и совсѣмъ пересталъ въ ней показываться лишь съ двадцатыхъ годовъ текущаго вѣка. Въ блаженныя времена регламентаціи труда и землевладѣнія, исторія напротивъ зачастую отмѣчала на своихъ страницахъ непрошенныя посѣщенія этого гостя.

Споръ между соціалистами и ихъ противниками долженъ сводиться такимъ образомъ не къ вопросу о признаніи ненор-

мальными условій экономической жизни, а къ вопросу о томъ, замѣчается ли въ этихъ условіяхъ наклонность къ усиленію или наоборотъ они становятся менѣе тяжкими. Въ аргументаціи соціалистовъ есть одна несомнѣнная истина, составляющая, быть можетъ, наиболѣе вѣскій изъ ихъ доводовъ. Въ настоящее время мы постоянно слышимъ о перепроизводствѣ того или другого товара, между тѣмъ какъ самый этотъ товаръ остается недоступнымъ значительной части населенія. Совершенно очевидно, что невозможность уступить такой товаръ дешевле, не раззоряясь, зависитъ отъ необходимости удовлетворить изъ его продажной цѣны капиталиста и производителя сырого продукта, т. е. землевладѣльца. Не будь этого, т. е. если бы рабочій сталъ полнымъ хозяиномъ продукта, а цѣна этого продукта измѣрялась лишь количествомъ затраченнаго труда, границы выгоднаго производства расширились бы до уровня потребностей населенія, и промышленные кризисы не стали бы повторяться. Въ этомъ и въ этомъ одномъ заключается преимущество такого строя, при которомъ собственникъ капитала и земли самъ народъ. Но мы видѣли уже, какими неодолимыми затрудненіями искупается эта выгода и какія препятствія ея осуществленіе встрѣчаетъ въ свойствахъ человѣческой природы. Часто повторяющіеся промышленные кризисы, ненормальность такого положенія, при которомъ фабриканты раззоряются отъ ограниченности сбыта, а масса населенія тѣмъ не менѣе лишена возможности пріобрѣтать имѣющійся въ избыткѣ товаръ, все это, конечно, очень крупное экономическое зло. Но это зло всетаки лишь мѣстное и временное, а средство, предлагаемое соціалистами къ его излеченію, едва ли не превратило бы его въ болѣзнь, несравненно болѣе тяжкую и притомъ хроническую. Мы видѣли, что оно прямо убиваетъ главный руководящій нервъ всей экономической жизни. Избавиться такимъ путемъ отъ экономическихъ кризисовъ значило бы прибѣгать къ способу леченія очень напоминающему извѣстную услугу, оказанную медвѣдемъ пустыннику. Можно бы пожалуй помышлять о такомъ героическомъ средствѣ, если бы всѣ жалобы соціалистовъ въ самомъ дѣлѣ

оправдывались фактами, если бы нарисованная ими картина была вѣрнымъ снимкомъ съ дѣйствительности; но какъ мы тотчасъ увидимъ, это далеко не такъ.

Чтобы рѣшить вопросъ, какъ измѣняется уровень матеріальной обезпеченности рабочаго класса, понижается ли онъ или возрастаетъ, необходимо сравнить данныя объ этомъ за двѣ какія нибудь эпохи, отдѣленныя довольно значительнымъ промежуткомъ времени. Данныя эти складываются изъ свѣдѣній о заработанной платѣ съ одной стороны, о размѣрахъ потребленія съ другой. Не стоитъ доказывать, что если бы увеличеніе городскаго рабочаго населенія насчетъ сельскаго соотвѣтственно вызывало и растущую нужду, эта нужда выражалась бы въ слѣдующихъ трехъ явленіяхъ: въ пониженіи заработной платы, въ сокращеніи потребленія и въ развитіи эмиграціи. Между тѣмъ если мы примемъ за исходную точку двадцатые годы нашего столѣтія, мы убѣдимся, что ни одного изъ этихъ явленій на лицо нѣтъ. Заработная плата за послѣднія 70 лѣтъ конечно подвергалась колебаніямъ, но въ общей сложности и притомъ во всѣхъ отрасляхъ промышленности и земледѣлія она обнаруживала наклонность къ возрастанію. Наклонность эта выражалась очень неодинаково въ разныхъ отрасляхъ труда и въ различные періоды времени и какъ разъ эта неравномѣрность поступательнаго движенія, эти подчасъ рѣзкіе скачки вызывали крайне вредныя для рабочихъ пертурбаціи рынка пріучая извѣстную ихъ часть къ болѣе прихотливой жизни и возбуждая зависть въ остальномъ рабочемъ населеніи. Но въ общей сложности, если мы возьмемъ крайнія цифры заработка для главныхъ промышленныхъ центровъ Запада, для Лондона, Парижа, Ліона, для Манчестерскаго и Шеффильдскаго районовъ сѣверной Англіи, для юго-восточной Бельгіи, для фабрично-заводской области Рейнъ—провинціи и Вестфаліи, наконецъ для Саксонскаго королевства, то обнаружится повсемѣстное возрастаніе заработной платы отъ 25—150%, причемъ это возрастаніе гораздо значительнѣе для квалифицированной, чѣмъ для простой работы, т. е. какъ разъ для болѣе цѣнныхъ сортовъ производства. Но, возразятъ намъ, возвыше-

ніе заработка само по себѣ еще ничего не значитъ, если соотвѣтственно тому вздорожаетъ жизнь. И въ самомъ дѣлѣ общее возрастаніе цѣнъ не можетъ не быть прямымъ послѣдствіемъ роста населенія съ одной стороны, увеличенія заработка съ другой. Если бы пришлось спросить у лица, незнакомаго съ статистикой, чѣмъ отличается современная эпоха отъ предшествующихъ по отношенію къ цѣнамъ, такое лицо, вѣроятно, отвѣтило бы, что общая характеристика совершившейся перемѣны заключается въ сильномъ вздорожаніи жизни. Между тѣмъ это ходячее представленіе далеко не вполнѣ соотвѣтствуетъ истинѣ. Всю массу обращающихся товаровъ можно раздѣлить на три слѣдующія группы. Одни изъ нихъ— сюда относятся прежде всего пищевые продукты, подвергаются очень сильнымъ колебаніямъ, при чемъ моменты подъема уравновѣшиваются періодами упадка.

На міровомъ рынкѣ хлѣбныя цѣны стояли выше въ первой, чѣмъ во второй половинѣ текущаго вѣка, причемъ въ Англіи они достигли въ 20-хъ годахъ своего кульминаціоннаго пункта. Слабость торговыхъ сношеній и недостаточность перевозочныхъ средствъ вызывало въ то же время крайнее различіе въ цѣнахъ на хлѣбъ не только между отдѣльными странами, но даже между провинціями одного и того же государства. Быстрое развитіе желѣзнодорожныхъ сѣтей и пароходныхъ сообщеній во вторую половину столѣтія все сильнѣе ведетъ къ сглаживанію этихъ различій, такъ что вообще говоря пониженіе хлѣбныхъ цѣнъ на англійскихъ и французскихъ рынкахъ соотвѣтствовало въ двадцатилѣтній періодъ 1860—1880 гг. повышеніе ихъ въ другихъ странахъ, преимущественно въ Россіи. Послѣ 1881 года вслѣдствіе сильнаго возрастанія хлѣбнаго производства въ Сѣверной и Южной Америкѣ и появленія на европейскихъ рынкахъ индійской и австралійской пшеницы произошло всеобщее пониженіе цѣнъ какъ въ странахъ, потребляющихъ чужой хлѣбъ, такъ и въ тѣхъ, которыя отпускаютъ избытокъ своего зерна *).

*) См. Ермоловъ, Современные сельско-хозяйственные вопросы, стр. 138 и слѣд.

Вторую категорію товаровъ представляютъ нѣкоторые предметы первой необходимости, имѣющіеся лишь въ ограниченномъ количествѣ, какъ лѣсные продукты и затѣмъ всѣ товары, служащіе для удовлетворенія болѣе изысканнаго вкуса и въ производство которыхъ входитъ нѣкоторое искусство. Къ этой же группѣ слѣдуетъ отнести и всѣ виды заработка, отъ платы за личный наемъ до гонорара либеральныхъ профессій. Цѣны на всѣ эти товары имѣютъ постоянную, хотя и далеко не равномѣрную наклонность къ возрастанію. Группа эта чрезвычайно разнообразная по своему составу и придаетъ современной жизни тотъ характеръ бо́льшей дороговизны, на который такъ часто сѣтуютъ—наемъ квартиры и прислуги, гонораръ врача, нѣкоторые болѣе изысканные виды пищи, наконецъ всѣ или почти всѣ предметы роскоши, несомнѣнно возрастаютъ въ цѣнѣ, дѣлая жизнь дѣйствительно болѣе дорогою преимущественно для богатыхъ классовъ, но отчасти, по отношенію къ расходамъ на квартиру и отопленіе, затрогивая жизнь и наиболѣе бѣдныхъ. Наконецъ третью, очень обширную группу, составляютъ почти всѣ продукты фабричнаго труда, предназначенные для широкаго сбыта—издѣлія желѣзныя, хлопчато-бумажныя, шерстяныя, пеньковыя, кожевенныя и т. д., но конечно за исключеніемъ высшихъ сортовъ этихъ издѣлій. Всѣ они дешевѣютъ и въ очень сильной степени. Объясняется это различіе движенія цѣнъ двумя параллельно развивающимися фактами: съ одной стороны численнымъ расширеніемъ достаточнаго класса, предъявляющаго большой спросъ на товары высокаго качества и удешевленіемъ производства мануфактурныхъ издѣлій вслѣдствіе расширенія объемовъ этого производства. У обоихъ этихъ фактовъ въ сущности одна и та же руководящая причина—размноженіе капиталовъ. И явленіе это, примѣняясь къ разнымъ сторонамъ экономической жизни, вызываетъ въ нихъ процессы, съ перваго взгляда далеко не однородные.

Теперь если мы попробуемъ суммировать эти разнообразныя видоизмѣненія цѣнъ, мы получимъ слѣдующую картину.

Предметы нѣкоторой роскоши, преимущественно одежда, расширяясь въ своемъ производствѣ становятся доступными болѣе широкому кругу потребителей, а такъ какъ съ своей стороны число людей, обладающихъ достаткомъ, растетъ отъ накапливающихся сбереженій и вслѣдствіе растущаго гонорара либеральныхъ профессій, то въ общей сложности въ наибольшемъ выигрышѣ оказывается средній классъ. Онъ растетъ численно и на данную сумму дохода можетъ пріобрѣтать все большія жизненныя удобства. Въ значительной степени оказываются въ барышѣ и рабочіе. Съ одной стороны возрастаетъ ихъ заработокъ и понижаются въ цѣнѣ многіе изъ предметовъ ихъ потребленія, онять таки главнымъ образомъ служащіе для одежды. Но съ другой—эта выгода уравновѣшивается до нѣкоторой степени во первыхъ вздорожаніемъ квартиръ и топлива, во вторыхъ сильными колебаніями въ цѣнахъ на предметы первой необходимости. Наконецъ жизнь безусловно становится дороже для высшихъ классовъ, предъявляющихъ къ ней болѣе высокія требованія.

Такова общая схема постепенныхъ измѣненій въ условіяхъ жизни, опредѣляющихъ собою standart of life каждаго общественнаго класса. Но этимъ выражается лишь только общая формула этого измѣненія, не исключающая возможности многочисленныхъ, частичныхъ уклоненій *).

Конечно говоря это, мы не думаемъ отрицать одного общеизвѣстнаго факта, оказавшаго несомнѣнное вліяніе на повышеніе цѣнъ въ ихъ совокупности, именно увеличенія количества обращающейся звонкой монеты. Независимо отъ ежегодной нормальной добычи благородныхъ металловъ, европейскій рынокъ дважды пережилъ сильный наплывъ этихъ металловъ, сразу произведшій крупную пертурбацію въ цѣнахъ. Случилось это въ XVI вѣкѣ послѣ открытія Америки подъ вліяніемъ разработки мексиканскихъ и перувіанскихъ рудниковъ

*) По отношенію къ цѣнамъ на хлѣбъ смотри недавно вышедшую книгу А С. Ермолова, «Сельскохозяйственные вопросы», въ которой весьма рельефно сгруппированы колебанія этихъ цѣнъ за текущій вѣкъ.

и вторично—въ половинѣ текущаго столѣтія, когда началась добыча золота въ Австраліи и въ Калифорніи. Не подлежитъ сомнѣнію, что оба эти факта сильно повліяли на вздорожаніе жизни, значительно понизивъ покупную силу звонкой монеты. Но эта покупная сила опредѣляется не одною общею массою имѣющихся на рынкѣ благородныхъ металловъ, а кромѣ того спросомъ на эти металлы въ зависимости отъ распространенія и быстроты обмѣна. Не смотря на то, что улучшеніе способовъ такого обмѣна, какъ новые пути сообщенія, телеграфъ, распространеніе такихъ суррогатовъ звонкой монеты, какъ бумажныя деньги, чеки, векселя и т. д., спросъ на орудіе обмѣна можетъ настолько возрастать, что мало по малу поглащаетъ появившійся на рынкѣ избытокъ золота и серебра. Вотъ почему ростъ экономической жизни имѣетъ наклонность регулировать пертурбаціи въ цѣнахъ, вызванныя усиленною добычею благородныхъ металловъ. Въ концѣ концевъ такимъ образомъ, несмотря на кризисы, вызываемые быстрымъ наплывомъ этихъ металловъ, воздѣйствіе, какое имѣетъ на цѣны подобный наплывъ, оказывается менѣе существеннымъ и главное менѣе стойкимъ, чѣмъ вліяніе тѣхъ причинъ, на которыя мы выше сослались.

Впрочемъ, чтобы отвѣтить на вопросъ о томъ, растетъ ли потребленіе рабочихъ классовъ, мы имѣетъ помимо цѣнъ на товары косвенныя указанія довольно убѣдительнаго свойства. Во первыхъ сильное возрастаніе всѣхъ неокладныхъ сборовъ, т. е. акцизовъ и пошлинъ, явно свидѣтельствуетъ о сильномъ ростѣ потребленія товаровъ, обложенныхъ косвенными налогами или, что все равно, таможенными сборами, если эти товары экзотическаго происхожденія. Сюда относятся сахаръ, табакъ, крѣпкіе напитки, чай и кофе. Ростъ потребленія всѣхъ этихъ предметовъ за послѣднее семидесятилѣтіе значительно превышаетъ ростъ населенія, хотя опять таки не всегда одинаково. Во вторыхъ средняя продолжительность жизни во всѣхъ странахъ Западной Европы повышалась хотя медленно, но постоянно за исключеніемъ двадцатипятилѣтняго періода войнъ отъ 1790—1815 года. Въ третьихъ количества сбереженій

рабочихъ, о которыхъ можно судить по движенію суммъ разнородныхъ сберегательныхъ кассъ, частныхъ и казенныхъ, съ конца сороковыхъ годовъ непрерывно повышается, притомъ за послѣднія 20 лѣтъ быстрота этого повышенія замѣтно усиливается. Въ четвертыхъ, наконецъ, число людей, призрѣваемыхъ въ Англіи при помощи налога для бѣдныхъ и въ богоугодныхъ заведеніяхъ Франціи (assistance publique) сократилось не только относительно, но и абсолютно. Все бы это очевидно не могло имѣть мѣста, если бы экономическое положеніе рабочихъ классовъ становилось хуже.

Совершенно такими же выводами снабжаетъ насъ статистика эмиграціи. Въ общей сложности число ежегодно выселяющихся въ Америку и въ южную Африку несомнѣнно увеличивается, но увеличеніе это идетъ гораздо медленнѣе роста населенія, за единственнымъ исключеніемъ Ирландіи.

Такимъ образомъ въ бытѣ рабочихъ классовъ вовсе не обнаруживается грознаго накопленія тѣхъ отрицательныхъ признаковъ, которые такъ ярко рисуетъ намъ соціалистическая литература, обыкновенно ссылаясь при этомъ на единичные факты, какъ на ужасающую бѣдность нѣкоторыхъ кварталовъ Лондона или на горестную судьбу англійскихъ или силезскихъ ткачей при замѣнѣ прядильно-ручнаго труда машиннымъ. Столь же мало основательны сѣтованія на хищническую роль капитала и на завоеванія, дѣлаемыя имъ на счетъ самостоятельныхъ хозяйствъ.

Сущность обвиненій противъ капитала независимо отъ непризнанія за нимъ соціалистами какой либо законной доли въ прибыляхъ производства, сводится къ тому, что, присвоивъ себѣ львиную часть въ продуктахъ труда, онъ свои барыши направляетъ противъ этого самого труда, постепенно лишая рабочее населеніе его земли и его орудій; затѣмъ недовольный этимъ онъ направляетъ свои усилія уже не противъ однихъ рабочихъ, но и противъ своихъ же собратьевъ, капиталистовъ и землевладѣльцевъ сравнительно мелкихъ. Замѣтимъ мимоходомъ, что, говоря это, соціалисты явно смѣшиваютъ два совершенно разнородныхъ понятія,—капиталъ въ общемъ, отвлечен-

номъ смыслѣ съ тѣмъ общественнымъ классомъ, который является главнымъ представителемъ капитализма. Другими словами они смѣшиваютъ научно-экономическій терминъ съ политическою ролью буржуазіи. Но объ этомъ мы скажемъ подробнѣе ниже. Въ аргументаціи соціалистовъ прежде всего бросается въ глаза ея очевидное несоотвѣтствіе съ фактами. Статистика неопровержимо доказываетъ во первыхъ, что во всѣхъ странахъ западной Европы поземельная собственность не только не скопляется въ немногихъ рукахъ, т. е. не становится крупнѣе, а наоборотъ постепенно дробится и мельчаетъ; а во вторыхъ что число обладателей средняго достатка, т. е. годоваго дохода въ двѣ до десяти тысячъ франковъ или германскихъ марокъ, ежегодно вырастаетъ. Это совершенно явствуетъ изъ отчетовъ финансовыхъ вѣдомствъ о платежѣ классной подати въ Германіи и налога съ движимости (impôt mobilier) во Франціи. Тѣмъ не менѣе нельзя конечно отрицать, что съ одной стороны въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности кустарное и ремесленное производство либо вытѣсняется фабричнымъ, либо становится къ нему въ зависимое отношеніе, а во вторыхъ, что въ личномъ составѣ землевладѣнія повсюду происходятъ крупныя измѣненія. Городскія классы завоевываютъ деревню, въ одинаковой мѣрѣ обезземеливая и дворянское и крестьянское сословіе. Фактъ этотъ нельзя не признать въ высшей степени нежелательнымъ, такъ какъ для государства далеко не все равно въ чьихъ рукахъ находится земля, владѣютъ ли ею люди, смотрящіе на нее исключительно съ точки зрѣнія барыша или такіе, которые связаны съ нею болѣе тѣсными, нравственными узами. Но опять таки признавая вредъ отъ замѣны прежнихъ землевладѣльцевъ выходцами изъ городовъ, нельзя выводить отсюда заключенія о необходимости конфисковать въ пользу государства всю поземельную собственность или всѣ орудія производства. Съ болѣзненнымъ явленіемъ, о которомъ мы говоримъ, можно бороться инымъ, менѣе радикальнымъ способомъ.

Главная, вопіющая неправильность въ аргументаціи соціалистовъ заключается однако не въ этомъ тенденціозномъ игно-

рированія статистики. Произнося жестокія филиппики противъ алчности капитала, они совершенно забываютъ, что этотъ самый капиталъ какъ разъ вслѣдствіе своего размноженія становится постепенно все болѣе доступнымъ т. е., въ свою очередь демократизуется. Никто не станетъ оспаривать что въ цѣлой Европѣ банковый учетъ, а за одно съ нимъ нормальный размѣръ процента замѣтно понижается. Объ этомъ громко свидѣтельствуютъ производимыя всѣми правительствами конверсіи, постепенно низведшія процентъ съ государственныхъ долговъ съ 6% до 3% и даже $2^3/_4$%. Одновременно съ этимъ дешевѣетъ и кредитъ т. е., капиталъ становится доступнымъ на условіяхъ все менѣе и менѣе тяжкихъ. Когда соціалисты указываютъ на сосредоточеніе капиталовъ, скопляющихся въ массы, все болѣе грозныя, они упускаютъ изъ виду, что накопленіе это вовсе не равносильно экспропріаціи мелкихъ капиталистовъ. Наоборотъ, благодаря замѣнѣ личной предпріимчивости товарищеской или акціонерною, процентныя бумаги т. е. въ сущности участіе въ промышленныхъ предпріятіяхъ все болѣе проникаютъ народныя массы. Изъ того обстоятельства, что народное хозяйство переходитъ въ руки колоссальныхъ ассоціацій, владѣющихъ многими милліонами, вовсе не слѣдуетъ заключать, чтобы капиталъ сосредоточивался въ немногихъ рукахъ. Какъ разъ наоборотъ: эти ассоціаціи вовлекаютъ въ свои ряды все большее число обладателей мелкихъ сбереженій. Всякій разъ, что какое нибудь правительство, учрежденіе, городъ, даже акціонерная компанія объявляетъ о новомъ займѣ въ числѣ подписчиковъ теперь гораздо большее участіе принимаютъ мелкіе капиталисты, чѣмъ было это прежде, лѣтъ тридцать или пятьдесятъ тому назадъ.

И такъ если на основаніи сказаннаго можно формулировать какой нибудь общій выводъ, то выводъ этотъ будетъ приблизительно таковъ. Если съ одной стороны земельное богатство страны неподвижно въ своемъ объемѣ, а съ другой ея населеніе и ея движимый капиталъ паралельно ростутъ, то обезпечить нужды наростающихъ вновь поколѣній гораздо

легче, дѣлая ихъ участниками движимаго богатства, чѣмъ дробя до безконечности поземельную собственность.

XI.

Мы теперь постараемся провѣрить такъ называемыя научныя основы соціализма, т. е. три экономическихъ закона, составляющихъ суть этого ученія. Изъ нихъ первые два позаимствованы, какъ извѣстно у Рикардо, хотя англійскій экономистъ не предвидѣлъ конечно, что за выводы изъ его положеній сдѣлаютъ его нѣмецкіе послѣдователи, Лассаль и Марксъ. Опредѣленіе мѣновой цѣнности какъ прямаго результата употребленнаго труда, т. е. признаніе этого послѣдняго основаніемъ и мѣриломъ цѣнности безспорно принадлежитъ Рикардо и составляетъ даже исходное положеніе его книги «О принципахъ политической экономіи и о податной системѣ». *) Но опредѣляя такимъ образомъ цѣнность и полемизируя съ Адамомъ Смитомъ, который пытался отыскать въ зерновомъ хлѣбѣ общее мѣрило всѣхъ торговыхъ цѣнъ, Рикардо тѣмъ не менѣе далекъ отъ мысли, вложенной Марксомъ въ его теорію, что трудъ—единственный источникъ народнаго богатства и въ силу того законный обладатель всей совокупности продуктовъ. Рикардо, совершенно также какъ Смитъ и вся его школа, видитъ въ трудѣ созидателя всѣхъ цѣнностей. Но выраженіе это слѣдуетъ принимать не въ смыслѣ научнаго закона, а лишь какъ простой афоризмъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что безъ человѣка, т. е. безъ труда никакой цѣнности быть не можетъ, потому что некому воспользоваться природными силами, привести ихъ въ дѣйствіе и явиться потребителемъ ихъ произведеній, но изъ этого вовсе еще не слѣдуетъ, чтобы помимо труда способность природы къ производству не существовала въ потенціальномъ смыслѣ. Это явствуетъ уже изъ того, что природа даетъ человѣку очень многое, именно пищу, одежду

*) David Ricardo, Oeuvres complètes trad. par Fonteyraud, I Des principes de l'économie politique et de l'impôt. стр. 1—37.

и кровъ безъ всякаго труда съ его стороны или по крайней мѣрѣ съ трудомъ, очень ограниченнымъ. Нельзя въ самомъ дѣлѣ назвать трудомъ срываніе плодовъ и листьевъ или пользованіе защитой, какую первобытный человѣкъ находилъ себѣ, напримѣръ въ пещерѣ. Нельзя по крайней мѣрѣ измѣрять этимъ трудомъ огромную пользу, которую первобытный человѣкъ извлекалъ изъ даровъ природы въ ихъ грубомъ видѣ. На самомъ дѣлѣ человѣкъ является творцомъ цѣнностей гораздо болѣе въ качествѣ потребителя, чѣмъ въ качествѣ работника. Цѣнность, какъ извѣстно, имѣетъ двѣ стороны, внутреннюю, опредѣляемую отношеніемъ предмета къ нуждамъ или вкусамъ человѣка, и внѣшнюю, являющуюся результатомъ отношенія иного рода, существующаго между числомъ соискателей на товаръ и его наличностью въ данное время. Всѣ экономисты школы Смита, въ томъ числѣ и Рикардо, присваиваютъ этимъ двумъ видамъ цѣнностей названія—потребительной или полезной (valeur d'utilité, Brauchwerth) и мѣновой (valeur d'échange, Tauschwerth). Въ Въ первой они видятъ результатъ *«полезности»* даннаго предмета для человѣка, такъ сказать его объективнаго достоинства. Вторую они опредѣляютъ весьма различно, силясь отыскать для нея постоянное и твердое мѣрило. При этомъ большинство изъ нихъ совершенно упускаетъ изъ виду, что объективной цѣнности вообще существовать не можетъ во первыхъ потому, что одна и таже вещь при разныхъ условіяхъ можетъ быть нужна человѣку далеко не въ одинаковой степени, и потому во вторыхъ, что помимо полезности такой вещи для человѣка въ оцѣнкѣ ея достоинства значительную роль играетъ вкусъ и даже прихоть. Въ пустыни при мученіяхъ голода фунтъ хлѣба цѣнится человѣкомъ неизмѣримо выше фунта золота. За то при обыкновенныхъ условіяхъ, хотя хлѣбъ и не перестаетъ быть гораздо полезнѣе золота, отношеніе между ними совершенно обратное. То, что принято называть потребительною или полезною цѣнностью вѣрнѣе было бы назвать цѣнностью личною или внутреннею и опредѣлить ее, какъ результатъ оцѣнки, дѣлаемой товару его обладателемъ въ данное время. Степень дѣйствительной нужды, какую можетъ имѣть данный

предметъ для человѣка, обнаруживаетъ свое дѣйствіе лишь по отношенію къ нѣкоторымъ вещамъ, необходимымъ для поддержанія жизни и въ такіе моменты, когда онѣ имѣются въ недостаточномъ количествѣ. Предметы эти, которые мы поэтому и называемъ предметами первой необходимости, обладаютъ свойствомъ безконечной растяжимости своихъ цѣнъ. Нужда является такимъ образомъ опредѣлителемъ крайняго высшаго предѣла, какого можетъ достигать внутренняя цѣнность. Мы тотчасъ увидимъ, каковъ будетъ ея низшій предѣлъ.

Не слѣдуетъ думать, чтобы внутренняя цѣнность оставалась безъ всякаго воздѣйствія на цѣнность мѣновую или рыночную. Личная оцѣнка, дѣлаемая человѣкомъ товару, все равно обладаетъ ли онъ имъ или желаетъ пріобрѣсть, является въ первомъ случаѣ крайнимъ низшимъ размѣромъ цѣны, по которой онъ согласится уступить этотъ товаръ другому, во второмъ—крайнимъ высшимъ ея предѣломъ при уплатѣ за чужой товаръ. Пожеланіе человѣка въ томъ и другомъ случаѣ встрѣчается съ двумя обстоятельствами, которыя ему приходится безусловно принять въ расчетъ,—съ числомъ прочихъ соискателей на тотъ же товаръ и съ наличностью его на рынкѣ. Результатомъ этихъ коэффиціентовъ—личной оцѣнки товара, числа соискателей и обилія продукта, и является мѣновая цѣнность, которая будучи выражена въ формѣ платы за товаръ, получаетъ названіе цѣны. Совершенно очевидно, что цѣна будетъ прямо пропорціональна высотѣ оцѣнки, дѣлаемой товару каждымъ изъ его продавцевъ и покупателей, взятымъ въ отдѣльности, а также числу соискателей на этотъ товаръ и обратно пропорціонально его количеству.

Мы только что видѣли, что для одной категоріи товаровъ, именуемой предметами первой необходимости, степень нужды опредѣляетъ собою крайній высшій предѣлъ ихъ внутренней, а стало быть и рыночной цѣнности. Для всѣхъ прочихъ товаровъ, которые мы, правда не совсѣмъ точно, будемъ называть предметами роскоши, тотъ же высшій предѣлъ будетъ опредѣляться уже не степенью нужды, а интензивностью вкуса, т. е. мѣриломъ уже чисто субъективнымъ. Такой высшій пре-

дѣлъ въ сущности ничто иное, какъ та крайняя цѣна, которую покупатель можетъ дать на рынкѣ за предлагаемый товаръ. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ мѣновая или рыночная цѣнность будетъ такимъ образомъ результатомъ соглашенія между этимъ крайнимъ высшимъ предѣломъ для покупателя и крайнимъ низшимъ, какого можетъ достигнуть уступчивость продавца. Особенность предметовъ первой необходимости, когда ихъ количество недостаточно, заключается въ томъ, что эти предѣлы совпадаютъ, потому что покупатель отъ ихъ пріобрѣтенія воздержаться не можетъ и продавецъ въ силу того диктуетъ условія продажи. Во всѣхъ прочихъ случаяхъ, гдѣ воздержаніе возможно, сдѣлка является результатомъ очень сложныхъ комбинацій, въ которыхъ не малую роль играетъ психическій элементъ, совершенно не поддающійся анализу. Здѣсь высшій предѣлъ, т. е. цѣна покупателя, не можетъ быть опредѣленъ никакой формулой, такъ какъ онъ зависитъ отъ личныхъ, индивидуальныхъ наклонностей, за то низшій предѣлъ т. е. цѣна продавца можетъ быть формулированъ очень опредѣленно,—онъ всегда равняется стоимости производства, ниже которой продавцу нѣтъ выгоды сбывать свой товаръ. Но и тотъ и другой предѣлъ, выражая собою личную волю обоихъ договаривающихся сторонъ, находятъ себѣ коррективъ въ остальныхъ двухъ условіяхъ рынка, которыя и созидаютъ все отличіе мѣновой цѣнности отъ внутренней, именно число соискателей и обиліе товаровъ.

Мы здѣсь, какъ видитъ читатель, для упрощенія задачи, представляемъ себѣ такой рынокъ, гдѣ производитель встрѣчается лицомъ къ лицу съ потребителемъ и товаръ на пути своемъ не проходитъ черезъ руки посредниковъ. На самомъ дѣлѣ оно такъ и бываетъ для большаго числа товаровъ преимущественно сырыхъ, ежедневно привозимыхъ на сельскіе и городскіе базары. Биржи, не смотря на громадность своихъ оборотовъ, тоже въ сущности рынки этого рода, хотя происходящія на нихъ сдѣлки далеко не всегда совершаются съ товарами изъ первыхъ рукъ. Но какъ скоро товаръ доставляется на рынокъ съ цѣлью немедленной реализаціи, хотя бы онъ

уже нѣсколько разъ перемѣнялъ владѣльца, съ нимъ происходитъ тотъ же самый процессъ, который мы только что описали. Нѣсколько инымъ представляется дѣло тогда лишь, когда товаръ перешелъ къ торговцу, занимающемуся сбытомъ опредѣленнаго числа товаровъ въ опредѣленномъ районѣ и положившему въ это дѣло извѣстный капиталъ. Такою представляется вся розничная продажа въ городахъ. Здѣсь торговецъ, пріобрѣвшій товаръ, заранѣе знаетъ, какое его количество онъ сбудетъ и потому ни въ какія сдѣлки со своими покупателями не вступаетъ. Вотъ почему какъ бы вопреки сказанному нами выше, при розничной продажѣ покупатель встрѣчается какъ бы уже съ готовыми цѣнами и подчиняется этому, не пытаясь вступить въ состязаніе съ продавцемъ. Но и здѣсь твердость цѣнъ только кажущаяся. Содержатель магазиновъ въ городѣ при своей розничной продажѣ только реализуетъ по частямъ операцію, совершенную заранѣе. Онъ давно знаетъ, сколько ему нужно товара и сколько надо ему прибавить къ заплоченной цѣнѣ, чтобы вознаградить себя за проценты съ затраченнаго капитала. Но и у него борьба происходитъ, только не съ покупателемъ, а съ продавцемъ-фабрикантомъ; а когда товаръ поступаетъ въ лавку онъ представляетъ собою уже законченную, какъ бы застывшую цѣнность. Вотъ почему такъ часто наблюдается странное съ виду явленіе, что, при сильномъ колебаніи оптовыхъ цѣнъ, въ розничной торговлѣ цѣны не мѣняются. Но застой это только временный,—пока сбытъ наличный товаръ. А затѣмъ измѣнившіяся условія рынка немедленно отражаются и на розничной торговлѣ.

Рикардо, какъ извѣстно, опредѣляетъ мѣновую цѣнность совершенно иначе. Онъ видитъ въ ней не равнодѣйствующую трехъ различныхъ силъ, а простой результатъ количества работы, употребленной на производство товара. Если мы имѣемъ два предмета, говоритъ онъ, изъ которыхъ одинъ потребовалъ для своего производства вдвое больше работы, чѣмъ другой, цѣна перваго будетъ по необходимости вдвое больше цѣны втораго, т. е. другими словами при обмѣнѣ ихъ другъ на друга за каждую единицу одного придется заплатить двумя едини-

цами другого. Тоже самое произойдетъ, если вмѣсто непосредственнаго обмѣна каждый изъ двухъ товаровъ будетъ обмѣниваться на третій, служащій общимъ мѣриломъ цѣнности т. е. на деньги. Опредѣлителемъ цѣнности является здѣсь лишь само количество работы, а не выданная за нее плата. Цѣнности всѣхъ товаровъ должны соразмѣряться лишь съ первымъ, между тѣмъ какъ измѣненіе въ рабочей платѣ окажетъ воздѣйствіе не на цѣнность, а лишь на распредѣленіе барышей. Если напримѣръ вздорожаніе пищи рабочаго вызоветъ увеличеніе платы за его трудъ, цѣнность произведеннаго товара отъ этого нисколько не измѣнится, потому что товара этаго на рынкѣ будетъ вслѣдствіе того ни больше, ни меньше, и онъ попрежнему будетъ сравниваться съ прочими товарами сообразно количеству труда, пошедшаго на каждаго изъ нихъ.

Рикардо впрочемъ считаетъ нужнымъ въ своей теоріи сдѣлать двѣ существенныя оговорки. Во первыхъ онъ признаетъ трудъ мѣриломъ цѣнности лишь по отношенію къ товарамъ, производство которыхъ ничѣмъ не ограничено. Тѣ предметы, говоритъ онъ, которые встрѣчаются лишь въ очень небольшомъ числѣ и сталобыть не могутъ быть воспроизведены трудомъ по мѣрѣ надобности и тѣ, которые являются продуктомъ человѣческаго творчества, т. е. всѣ произведенія искусства, общему закону не подчиняются. Цѣнность тѣхъ и другихъ исключительно зависитъ отъ числа покупателей и отъ степени ихъ желанія пріобрѣсти такіе предметы *). Вторая оговорка знаменитаго англійскаго экономиста относится къ самому характеру труда. Рикардо признаетъ, что производительность даннаго количества работы можетъ быть весьма различна смотря по усердію и ловкости рабочаго. Но такъ такъ принятіе въ расчетъ этихъ колебаній лишило бы опредѣленіе мѣновой цѣнности всякаго твердаго основанія, Рикардо предлагаетъ считать за мѣрило не качество работы, а лишь ея продолжительность и притомъ такую, которая для производства каждаго даннаго товара является нормальною. **)

*) Ricardo. Principes de l'economie politique стр. 7.

**) Ricardo, Principes de l'economie politique, стр. 8.

Какъ видно, ученіе Рикардо значительно расходится съ теоріею цѣнности Маркса. Англійскій экономистъ видитъ въ трудѣ лишь регулятора цѣнности, находящагося съ ней лишь въ постоянномъ соотношеніи, но вовсе не отрицаетъ, чтобы помимо труда въ составъ цѣнности входили иные коэффиціенты. Это совершенно явствуетъ изъ того, что онъ говоритъ о не-воздѣйствіи на цѣнность измѣненія въ рабочей платѣ. Если такое измѣненіе показываетъ вліяніе лишь на барышъ предпринимателя, то стало быть существованіе этого барыша онъ отрицать не думаетъ. Марксъ напротивъ видитъ въ трудѣ не только регулятора, но и единственнаго законнаго обладателя произведеннаго товара, такъ какъ помимо труда онъ не признаетъ никакихъ факторовъ производства, совершенно отрицая это значеніе за капиталомъ и землей. Мы тотчасъ увидимъ, какимъ косвеннымъ путемъ, Марксъ всетаки приходитъ къ фактическому признанію участія капиталиста и землевладѣльца въ распредѣленіи цѣнностей, такъ какъ отрицать не одну только законность, но и самое существованіе такого дѣлежа значило бы впасть въ самое явное несогласіе съ дѣйствительностью.

Но мы должны пока нѣсколько остановиться на ученіи Рикардо, что облегчитъ намъ дальнѣйшую нашу задачу при разсмотрѣніи теоріи Маркса. Въ отвлеченномъ смыслѣ конечно не подлежитъ сомнѣнію, что при равныхъ прочихъ условіяхъ два товара, изъ которыхъ одинъ требуетъ для своего производства вдвое больше времени, чѣмъ другой, будетъ стоить вдвое больше послѣдняго. Но во первыхъ это будетъ такъ именно при равныхъ прочихъ условіяхъ, а во вторыхъ для осуществленія на практикѣ этой отвлеченной мысли намъ придется сдѣлать цѣлый рядъ мало вѣроятныхъ предположеній. Мы должны будемъ допустить существованіе вполнѣ замкнутой области, гдѣ обмѣнъ происходитъ исключительно внутри нея самой и притомъ натурою и гдѣ производство ограничивается очень небольшимъ числомъ товаровъ. При такихъ условіяхъ, употребивъ на свою работу вдвое больше времени жители этой области потребуютъ въ обмѣнъ за свой продуктъ двойное количество другаго. Но почему будетъ такъ? Потому

что производители каждаго изъ этихъ двухъ товаровъ, дѣлая оцѣнку своему продукту, сравниваютъ его съ другимъ, и что вдобавокъ одного товара имѣется на рынкѣ по необходимости вдвое меньше, чѣмъ этого другаго, а привезти его не откуда. Развивая далѣе эту экономическую картину, мы найдемъ, что всякое измѣненіе въ производствѣ этихъ товаровъ, при которомъ одинъ изъ нихъ сталъ бы напримѣръ производиться въ большемъ количествѣ при томъ же напряженіи труда, потому ли что усовершенствовалась техника или земля стала обильнѣе родить, тотчасъ отзовется на мѣновой цѣнности. Но все это будетъ такъ лишь, пока означенные товары обращаются на одномъ и томъ же замкнутомъ рынкѣ, хотя и при этомъ условіи мы вполнѣ можемъ объяснить соотношеніе между цѣнностью и количествомъ труда наличностью двухъ факторовъ которыми выше мы опредѣлили мѣновую цѣнность именно самооцѣнки производителя и количества продукта. Не достаетъ лишь третьяго фактора, присутствія соискателей, благодаря замкнутости рынка. Предположимъ теперь, какъ сдѣлалъ это Рикардо, что одинъ изъ обмѣниваемыхъ товаровъ зерновой хлѣбъ и что онъ привозится не на внутренній замкнутый рынокъ, а служитъ для отпускной торговли. Если теперь на иностранномъ рынкѣ, куда его доставляютъ, съ нимъ будетъ конкуррировать хлѣбъ изъ другой страны, болѣе плодородной, т. е. производящей зерно въ большемъ количествѣ при той же интензивности въ работѣ, эта конкурренція неминуемо вызоветъ пониженіе цѣны. Конечно и здѣсь мы найдемъ примѣненіе закона Рикардо, такъ какъ меньшее количество работы, употребленное на производство той же массы зерна, обусловитъ его сравнительное удешевленіе. Но въ нашемъ примѣрѣ размѣръ труда потребнаго на производство даннаго товара вліяетъ на цѣнность другаго товара, произведеннаго при другихъ условіяхъ; другими словами нормальное количество труда обусловливаетъ собою не мѣновую цѣнность, а лишь самооцѣнку производителя; мѣновая же цѣнность является лишь результатомъ воздѣйствія на эту самооцѣнку прочихъ условій рынка, т. е. числа соискателей и обилія то-

вара. Такимъ образомъ какъ только мы покидаемъ замкнутый рынокъ, теорія Рикардо сливается съ нашей.

Но пойдемъ далѣе. Почему количество труда обусловливаетъ самооцѣнку, низшимъ предѣломъ которой мы признали стоимость производства? Рикардо говоритъ намъ, что существенную роль играетъ здѣсь не плата за работу, а только ея количество, и доказываетъ это положеніе тѣмъ, что измѣненіе въ рабочей платѣ далеко не всегда отражается на цѣнѣ товара. Доказательство это однако не совсѣмъ убѣдительно. Во первыхъ въ составъ издержекъ производства входитъ не одна рабочая плата, а также стоимость сыраго продукта и процентъ на затраченный капиталъ. Во вторыхъ самооцѣнка производителя, основанная на его затратахъ, должна считаться съ прочими условіями рынка и потому онъ часто бываетъ вынужденъ сокращать свой барышъ, но въ общей сложности различіе въ рабочемъ времени, потребномъ на производство двухъ товаровъ, потому именно оказываетъ вліяніе на ихъ рыночную цѣнность, что это различіе обусловливаетъ и неодинаковыя затраты. Это видно изъ того, что цѣны товаровъ, при производствѣ которыхъ рабочая плата невысока—сюда относятся напр. каменный уголь и всѣ земледѣльческіе продукты,—сравнительно ниже другихъ, если мы редуцируемъ тѣ и другіе на единицы рабочаго времени.

Но все это относится лишь къ такъ называемому капиталистическому производству, требующему распредѣленія барышей между тремя своими коэффиціентами, землей, капиталомъ и трудомъ. Если мы представимъ себѣ, что этого распредѣленія нѣтъ и что работникъ въ тоже время и обладатель земли и капитала—а таковъ именно характеръ производства первобытныхъ обществъ, мало знакомыхъ съ раздѣленіемъ труда,—то само собою разумѣется, что въ самооцѣнкѣ производителя значеніе будетъ имѣть лишь затраченный трудъ; а такъ какъ эта форма производства въ тоже время и простѣйшая, то при чисто отвлеченномъ построеніи формулы цѣнности она и кажется наиболѣе логичной.

Во всемъ, что мы говорили до сихъ поръ, мы исходили

изъ предположенія, что помимо труда всѣ условія производства одинаковы. Но такое предположеніе очевидно не соотвѣтствуетъ истинѣ; принявъ его за основаніе слѣдовало бы сравнивать между собою лишь такіе товары, которые производятся изъ одинаковаго матеріала, напр. двѣ различныя ткани сдѣланныя изъ того же волокна. Не стоитъ доказывать, что коль скоро матеріалъ будетъ неодинаковый, цѣна товара помимо количества работы будетъ зависѣть и отъ цѣны сыраго продукта. Тоже самое мы должны будемъ признать и относительно стоимости затраченнаго капитала. Если напримѣръ одинъ и тотъ же товаръ производится въ двухъ мѣстностяхъ, гдѣ учетъ процента неодинаковъ, или если въ одномъ случаѣ на устройство фабрики положено больше основнаго капитала, то цѣна товара будетъ тѣмъ выше, чѣмъ значительнѣе процентъ и больше количество затраченнаго капитала. Это впрочемъ признаетъ самъ Рикардо, утверждающій, какъ мы уже замѣтили, что употребленная работа лишь пропорціональна, а не равна мѣновой цѣнности, признающій затѣмъ, что удовлетвореніе капитала вліяетъ до извѣстной степени на окончательную цѣнность *). Къ сожалѣнію онъ не сдѣлалъ того же и для сыраго продукта и не сдѣлалъ по очень простой причинѣ. По мнѣнію Рикардо цѣнность сыраго продукта въ свою очередь зависитъ отъ количества работы, пошедшей на его производство, и вслѣдствіе того поглощается общею цѣнностью товара. Здѣсь Рикардо упускаетъ изъ виду одно обстоятельство, способность почвы и климата данной мѣстности производить не только одинъ и тотъ же продуктъ въ большемъ или меньшемъ количествѣ, что по его ученію является источникомъ земельной ренты, но и продукты различные по качеству. Въ первомъ случаѣ, когда производительность силъ природы измѣряется лишь количествомъ продукта, т. е. большимъ или меньшимъ плодородіемъ страны, одно и тоже количество работы даетъ неодинаковое количество произведеній и привезенные на тотъ же рынокъ продукты разныхъ мѣстностей въ своей мѣновой цѣнности должны отражать на себѣ соотвѣт-

*) Ricardo, ibid стр. 22—28.

ственную затрату труда. Другими словами продукты, сравнительно болѣе дорогіе, т. е. потребовавшіе на свое производство большее количество этого труда понижаются въ своей мѣновой цѣнности благодаря конкурренціи продуктовъ, болѣе дешевыхъ. Это явленіе до такой степени общеизвѣстное, что на немъ здѣсь настаивать не зачѣмъ. Оно можетъ пожалуй найти себѣ объясненіе въ ученіи Рикардо о цѣнности, если за основаніе послѣдней будетъ принято не конкретная сумма работы, употребленной на производство даннаго продукта, а среднее количество труда, выведенное изъ сопоставленія производительности работы въ разныхъ мѣстностяхъ. Не то будетъ однако при сравненіи между собою продуктовъ, различныхъ не по одному количеству, а также и по внутреннимъ качествамъ. Примѣровъ здѣсь можно привести сколько угодно. Климатъ и почва, т. е. совершенно даровыя свойства природы обусловливаютъ собою не только различіе въ культурѣ, но и появленіе тѣхъ или другихъ необработанныхъ, такъ сказать, дикихъ продуктовъ, не требующихъ для своего производства никакого труда, но обладающихъ тѣмъ не менѣе высокою внутреннею цѣнностью. Если мы возьмемъ за единицу почвы, могущія производить лишь сѣрые хлѣба, какъ рожь и овесъ, мы получимъ цѣлую экономическую лѣстницу дифференціаціи продуктовъ, восходящую въ умѣренномъ климатѣ постепенно къ производству пшеницы, масленныхъ и красильныхъ растеній, винограда, наконецъ къ произведеніямъ тропическихъ странъ,—рису, хлопчатнику, кофейному и чайному деревамъ и сахарному тростнику. На самомъ высокомъ концѣ этой лѣстницы окажутся тѣ продукты жаркаго пояса, которые уже въ необработанномъ, дикомъ видѣ имѣютъ высокую цѣнность, какъ пряности, лекарственныя растенія, каучукъ и дерево, идущее на мебель, черное, красное, палисандровое и пальмовое. Не стоитъ доказывать, что сравнительно большая мѣновая цѣнность всѣхъ этихъ продуктовъ, цѣнность, прогрессивно восходящая, нисколько не пропорціональна количеству затраченнаго труда. Можно конечно утверждать, какъ дѣлаетъ это Марксъ, что болѣе высокая цѣнность нѣкоторыхъ продуктовъ добытыхъ съ одного и того же про-

странства земли, и при той же единицѣ нормальной работы зависитъ отъ большей рѣдкости этихъ продуктовъ вслѣдствіе ограниченности района ихъ производства и что стало быть при опредѣленіи стоимости ихъ производства должно быть принято въ расчетъ во первыхъ трудъ на отысканіе этихъ мѣстностей, а во вторыхъ, вся масса работы, употребленной на производство, менѣе цѣнныхъ продуктовъ, такъ что затрата на производство выраженная въ количествѣ труда, должна быть распредѣлена, какъ дѣлитель, на всю сумму продуктовъ почвы. Но доводъ этотъ не выдерживаетъ и самой поверхностной критики. Если въ самомъ дѣлѣ большая цѣнность нѣкоторыхъ естественныхъ произведеній,—пшеницы, хлопка, винограда и т. д. зависитъ отъ ихъ сравнительной рѣдкости, то количество затраченной работы тутъ очевидно не причемъ, а самая эта рѣдкость является лишь результатомъ исключительныхъ условій климата и почвы нѣкоторыхъ мѣстностей, т. е. даровыхъ силъ природы, вовсе не обусловленныхъ трудомъ. Но самое возрастаніе мѣновой цѣнности благодаря рѣдкости продукта на рынкѣ ничто иное, какъ результатъ невозможности удовлетворить спросъ въ достаточномъ размѣрѣ, т. е. опять таки вызвано не затратою труда, а воздѣйствіемъ на внутреннюю цѣнность двухъ внѣшнихъ факторовъ,—числа соискателей и количества продукта. Въ свою очередь эта внутренняя цѣнность, какъ мы замѣтили выше, ничто иное, какъ результатъ самооцѣнки, вызванной какъ объективнымъ достоинствомъ продукта, такъ и соотвѣтствіемъ вкусамъ потребителя. Эта самооцѣнка между тѣмъ вовсе не зависитъ отъ большаго или меньшаго обилія продуктовъ. Производство пшеницы напр. гораздо обширнѣе производства ржи, а первая тѣмъ не менѣе вдвое дороже послѣдней. Дубъ очень распространенное дерево, а между тѣмъ онъ цѣнится въ нѣсколько разъ выше ели или сосны. То и другое можетъ объясняться лишь внутренними качествами пшеницы и дуба, питательностью первой и прочностью втораго, а также конечно соотвѣтствіемъ ихъ вкусамъ потребителей.

Любопытное экономическое явленіе представляетъ собою культура риса. Изъ всѣхъ хлѣбныхъ растеній, какъ извѣстно,

рисъ наиболѣе продуктивный и благодаря этому валовая доходность полей, занятыхъ рисомъ, чрезвычайно высока, несмотря на то, что его мѣновая цѣнность сравнительно очень невелика. Такимъ образомъ исключительныя природныя условія мѣстностей, производящихъ рисъ, вызываютъ очень высокую ренту не вслѣдствіе цѣнности продукта, а вслѣдствіе его изобилія. Здѣсь опять стало быть общая стоимость продукта на рынкѣ обусловливается не количествомъ затраченнаго труда, а лишь благопріятными условіями климата и почвы. Тоже самое мы должны будемъ признать и по отношенію къ нѣкоторымъ продуктамъ тропическихъ странъ, собираемымъ въ дикомъ видѣ и не требующимъ никакой культуры. Можно въ самомъ дѣлѣ лишь съ большою натяжкою утверждать, что высокая мѣновая цѣнность такихъ произведеній, какъ ваниль, хина, перецъ, черное и красное дерево, обусловлены трудностью ихъ добыванія и стоимостью ихъ доставки. Это могло быть вѣрнымъ въ такое время, когда мѣстности, откуда добываются эти колоніальные товары, оставались неизвѣстными и собираніе ихъ и доставка на европейскіе рынки обставлялись большими опасностями. Но теперь это уже далеко не такъ. Районы добыванія этихъ продуктовъ разслѣдованы давно и добыча ихъ совершается правильно, а мѣновая ихъ цѣнность всетаки далеко превосходитъ затраты. Не даетъ понизиться этой цѣнности лишь сравнительная рѣдкость этихъ продуктовъ, т. е. невозможность удовлетворить спросъ безъ истощенія естественнаго ихъ запаса, стало быть опять таки условія, зависящія не отъ количества необходимой работы, а отъ дѣйствія природныхъ силъ.

XII.

Въ извѣстной книгѣ Карла Маркса «Das Kapital»*) ученіе Рикардо о цѣнности потерпѣло значительныя измѣненія. Марксъ не ограничивается подобно Рикардо утвержденіемъ,

*) K. Marx, das Kapital, Kritik der politischen Oekonomie, zweite verbesserte Auflage, Hamburg 1872.

что мѣновая цѣнность болѣе или менѣе пропорціональна затраченному труду. Онъ прямо говоритъ, что эта цѣнность представляетъ собою лишь кристаллизованный трудъ, что другими словами цѣнность вполнѣ исчерпывается нормальнымъ количествомъ употребленной работы и что въ трудѣ единственный источникъ всего народнаго богатства. Если два товара обмѣниваются одинъ на другой въ неодинаковомъ количествѣ, то это значитъ, что на производство той же единицы каждаго изъ этихъ товаровъ потребно не одинаковое количество рабочаго времени. Взаимная ихъ цѣнность въ каждомъ данномъ случаѣ безусловно соотвѣтствуетъ различію въ затраченномъ трудѣ. Если напр. 10 арш. полотна обмѣниваются на пару сапогъ, то можетъ это происходитъ оттого лишь, что на производство того или другаго употреблено столько же рабочаго времени или что на одинъ аршинъ полотна требуется въ десять разъ меньше этого времени, чѣмъ на изготовленіе пары сапогъ. При современной развитости экономическаго строя обмѣнъ производится не между двумя какими нибудь товарами, а среди безконечнаго ряда самыхъ разнообразныхъ продуктовъ, при чемъ каждый изъ нихъ обмѣнивается на равноцѣнное количество денегъ, служащихъ такимъ образомъ мѣриломъ всѣхъ торговыхъ цѣнностей и средствомъ для сравненія ихъ между собой. Благодаря деньгамъ получается длинная цѣпь уравненій, въ которой отдѣльные товары стоятъ съ различными коэффиціентами, т. е. не въ одинаковомъ количествѣ. Колебанія въ мѣновой цѣнности, т. е. непостоянство въ количествѣ товаровъ обмѣниваемыхъ одинъ на другой зависитъ исключительно оттого, что въ разное время на производство каждаго изъ нихъ требуется неодинаковое количество работы. Золото, обращенное въ деньги, пригодно, какъ орудіе для сравненія между собою прочихъ цѣнностей, потому что изъ всѣхъ товаровъ оно всего менѣе подвергается колебаніямъ по отношенію къ труду, затраченному на его производство. Вся торговля ничто иное, какъ постоянный обмѣнъ между различными продуктами той же единицы работы, такъ какъ при каждой торговой сдѣлкѣ обмѣниваемые товары безу-

словно равноцѣнны. Обычная, наиболѣе простая форма этихъ сдѣлокъ та, при которой товаръ обмѣнивается на деньги съ цѣлію пріобрѣтенія другаго товара равноцѣннаго первому, но имѣющаго въ глазахъ его покупателя большую потребительную цѣнность. Единственной цѣлью такого обмѣна является такимъ образомъ потребленіе. Но, учитъ насъ Марксъ, такъ бываетъ далеко не всегда. Зачастую товаръ пріобрѣтается не ради потребленія, а для новаго его обмѣна на деньги, притомъ же на большее количество денегъ. Въ самомъ дѣлѣ у денегъ по мимо ихъ значенія, какъ орудія для обмѣна, есть иная экономическая функція: онѣ являются средствомъ для накопленія капитала. Но какимъ образомъ объяснить, что рядъ обмѣновъ, при которыхъ обмѣниваемые предметы по необходимости равноцѣнны, приводитъ къ появленію излишка т. е. къ накопленію капитала? Это кажущееся противорѣчіе Марксъ объясняетъ тѣмъ, что въ числѣ покупаемыхъ товаровъ есть одинъ который обладаетъ способностью накоплять цѣнности, т. е. производить такую цѣнность въ большемъ количествѣ, чѣмъ содержится ея въ немъ самомъ. Этотъ товаръ ничто иное какъ человѣческій трудъ.

Два условія необходимы, чтобы превратить простой трудъ въ одинъ изъ рыночныхъ товаровъ. Необходимо чтобы рабочій могъ располагать своимъ временемъ, т. е. чтобы этотъ рабочій былъ свободенъ и чтобы въ теченіе дня онъ могъ бы своими руками произвести болѣе продуктовъ, чѣмъ нужно для его пропитанія. Несвободнаго рабочаго нанять нельзя, а такого, который производитъ лишь только, сколько потребляетъ самъ, нанимать не стоитъ. Эти два условія имѣются на лицо благодаря исчезновенію рабства и крѣпостнаго состоянія и въ виду присущей человѣческому труду способности производить въ теченіе дня болѣе, чѣмъ необходимо для удовлетворенія личныхъ нуждъ работника. Допуская напр., что шести рабочихъ часовъ въ день достаточно для удовлетворенія этихъ нуждъ, всѣ лишніе часы, проведенные на работѣ, идутъ уже на созданіе избытка, которымъ пользуется наниматель, покупающій за извѣстную плату цѣлый рабочій день. Отсюда естествен-

нымъ образомъ возникаетъ борьба между нанимателемъ и работникомъ изъ-за продолжительности этого дня. Становясь предметомъ обмѣна, трудъ подчиняется общему закону всѣхъ цѣнностей и стоимость его на рынкѣ опредѣляется сообразно тому количеству рабочаго времени, которое необходимо для созданія этой цѣнности, т. е. для обезпеченія жизни рабочаго. Другими словами наниматель старается уплатить рабочему лишь ту часть рабочаго дня, которая соотвѣтствуетъ производству необходимыхъ для его существованія предметовъ. Эта плата и составляетъ неизбѣжный минимумъ заработка, но такой минимумъ, выше котораго заработокъ надолго подняться не можетъ благодаря конкурренціи между нанимающимися рабочими. Въ этомъ заключается второй изъ экономическихъ законовъ, позаимствованный Марксомъ у Рикардо, такъ называемый желѣзный законъ рабочей платы (das eherne Lohngesetz). Пріобрѣтая за такой минимумъ платы весь рабочій день и стараясь этотъ день продлить какъ можно больше до 12, 14 и даже 16 часовъ, наниматель получаетъ въ свою пользу весь барышъ отъ этого излишка труда. Вотъ почему онъ въ состояніи продать на рынкѣ продукты этого труда по болѣе высокой цѣнѣ, чѣмъ заплатилъ за нихъ самъ, и почему также формула капиталистическаго производства: деньги—товаръ—деньги превращается въ новую формулу: деньги—товаръ—больше денегъ. Полученный избытокъ, постепенно накопляясь, и составляетъ то, что принято называть капиталомъ. Этой формѣ накопляющагося капитала Марксъ присвоилъ названіе абсолютной добавочной стоимости.

Но помимо этого процесса образовавшійся капиталъ обладаетъ способностью увеличиваться еще инымъ путемъ. Онъ можетъ не только обращать въ свою пользу излишекъ производительности рабочаго дня, но и еще усиливать этотъ излишекъ посредствомъ увеличенія интензивности самой работы. Это можетъ быть достигнуто во первыхъ употребленіемъ въ дѣло машинъ, благодаря которымъ тоже число рабочихъ въ данное время производятъ большее количество товаровъ, во вторыхъ посредствомъ сбереженія труда, происходящаго отъ его

раздѣленія и отъ совмѣстнаго участія въ каждой отдѣльной работѣ большаго числа людей. Машины, замѣняя собою живыя существа, позволяютъ такимъ образомъ увеличивать продуктивность рабочаго дня безъ соотвѣтственнаго возвышенія платы, а экономія времени, проистекающая изъ организаціи работъ, отъ раздѣленія труда съ одной стороны, отъ группировки рабочихъ большими массами съ другой, еще усиливаетъ производительность рабочей единицы или, что тоже самое, позволяетъ обходиться меньшимъ числомъ такихъ единицъ.

Въ общей сложности весь излишекъ получаемый нанимателемъ отъ увеличенной интензивности труда, названъ Марксомъ «относительной добавочною стоимостью.» Въ концѣ концевъ, покупая трудъ рабочаго и платя за него лишь то количество продуктовъ, которые необходимы на поддержаніе жизни этого рабочаго, капиталъ не только присвоиваетъ себѣ незаконнымъ образомъ весь излишекъ производительности труда, но еще постепенно уменьшаетъ долю вознагражденія, получаемаго рабочимъ, сокращая количество времени, потребнаго для созданія того же количества товаровъ.

Таково въ своей сущности знаменитое ученіе Маркса. Въ ученіи этомъ съ перваго взгляда поражаютъ двѣ особенности— отрицаніе субъективнаго элемента цѣнности и преувеличенное значеніе, присвоенное деньгамъ. Марксъ правда говоритъ, что цѣль простаго, некапиталистическаго обмѣна есть потребленіе, но онъ въ тоже время утверждаетъ, что на мѣновую цѣнность потребительная годность товара не оказываетъ никакого вліянія *). Другими словами въ глазахъ Маркса ни внутреннее достоинство продукта, ни личныя отношенія къ нему потребителя не играютъ никакой роли въ колебаніяхъ его рыночной цѣны. Признавая такимъ образомъ общественное значеніе за одною только мѣновою цѣнностью, Марксъ не только сосредоточиваетъ на ней все свое вниманіе, онъ упускаетъ въ своей формулѣ тѣ оговорки, которыми счелъ нужнымъ обставить ее Рикардо. Марксъ даже не упоминаетъ о характерѣ и о при-

*) Marx des Kapital, Erster Abschnitt p. 21.

чинахъ высокой рыночной цѣнности нѣкоторыхъ предметовъ, имѣющихся въ ограниченномъ количествѣ и содержащихъ въ себѣ элементъ художественнаго творчества. Говорить о нихъ было бы въ самомъ дѣлѣ неудобно, такъ какъ цѣнность въ произведеніяхъ творчества нельзя редуцировать къ единицѣ работы. Но помимо этого упущенія, игнорированіе внутренней цѣнности товара дѣлаетъ совершенно необъяснимыми два очень крупныхъ экономическихъ явленія, встрѣчающихся сплошь и рядомъ. Первое изъ нихъ—это, способность предметовъ первой необходимости безгранично возрастать въ цѣнѣ, способность, которая другимъ товарамъ не присуща. Если бы мы попытались непомѣрное возрастаніе хлѣбныхъ цѣнъ въ моменты недорода объяснить тѣмъ, что на производство того же количества зерна въ данный годъ потребовалось двойное или даже тройное количество работы, для насъ останется совершенно непонятнымъ, почему тоже явленіе не повторяется съ прочими товарами потребленіе которыхъ можетъ быть ограничено. Извѣстно напр. что неурожаи кофе, свекловицы или хлопка хотя и вызываютъ нѣкоторые возвышеніе рыночныхъ цѣнъ, но далеко не въ томъ размѣрѣ, какъ это бываетъ съ зерновымъ хлѣбомъ. Достигнувъ извѣстной высоты, цѣны на сахаръ, на хлопокъ и кофе далѣе не идутъ, встрѣчая себѣ противодѣйствіе въ ограниченіи потребленія. Съ нашей точки зрѣнія это объясняется очень просто,—ослабленіемъ покупательной энергіи, то есть воздѣйствіемъ самооцѣнки на мѣновую цѣнность, но съ точки зрѣнія Маркса это явленіе остается совершенною загадкой. Другое, еще болѣе яркое проявленіе субъективнаго элемента по мѣновой цѣнности представляетъ намъ торговля съ полудикими народами Азіи и Африки. Чѣмъ объяснить, въ самомъ дѣлѣ, что дешевые манчестерскіе ситцы, мало стоящія украшенія изъ стекляруса, или какія нибудь стальныя издѣлія англійскихъ или нѣмецкихъ фабрикъ обмѣниваются съ огромнымъ барышомъ для европейца на слоновую кость или на сахарный песокъ. Развѣ здѣсь сколько нибудь принимается въ разсчетъ количество употребленной работы и весь смыслъ такого обмѣна не сводится къ причудливости вкуса дикаря, прель-

щеннаго блескомъ стеклянныхъ бусъ или яркою пестротою хлопчато-бумажныхъ тканей?

Говоря объ экономической роли денегъ, Марксъ признаетъ за ними не только значеніе орудія обмѣна и мѣрила цѣнности, но и средства къ накопленію капитала *). Это явствуетъ изъ того, что вся цѣль капиталистическаго обмѣна заключается по Марксу въ добываніи большаго количества денегъ. Марксъ какъ будто самъ не замѣчаетъ, что отводя деньгамъ такую широкую роль въ процессѣ производства, онъ тѣмъ самымъ приписываетъ имъ небывалую заслугу быть главнымъ орудіемъ накопленія богатства. Нѣмецкій экономистъ возвращается такимъ образомъ къ старому заблужденію меркантильной школы. Если бы всѣ цѣнности въ самомъ дѣлѣ измѣрялись однимъ трудомъ и самый этотъ трудъ производилъ бы лишь столько, сколько нужно рабочему, то никакого экономическаго прогресса не существовало бы. И если весь этотъ прогрессъ, т. е. излишекъ производства надъ потребленіемъ вызванъ лишь благодаря деньгамъ, этой главной формѣ капитала, то меркантилисты были правы, находя въ деньгахъ первенствующій источникъ народнаго богатства. Но къ сожалѣнію меркантильная теорія опровергнута давно. Истинною цѣлью производства и обмѣна служитъ не накопленіе денегъ, а увеличеніе массы накопляющихся товаровъ, и наличность денежныхъ знаковъ у даннаго лица означаетъ лишь то, что лицо это временно ограничило свое потребленіе, сохранивъ на него право въ будущемъ. Что это именно такъ, несомнѣнно доказывается двумя фактами, тѣмъ во первыхъ, что одно и тоже количество денежныхъ знаковъ служитъ для большаго или меньшаго числа сдѣлокъ смотря по быстротѣ обращенія, и во вторыхъ, тѣмъ что роль денегъ въ каждомъ данномъ случаѣ могутъ удобно играть разные суррогаты, имѣющія лишь «фидуціарную», а не реальную цѣнность, т. е. кредитные билеты, векселя, чеки, акціи, паи и т. подобное. Если бы общественная нравственность находилась бы на достаточ-

*) K. Marx, ibid. стр. 72—124.

ной высотѣ, право на будущее потребленіе т. е. активный кредитъ могъ бы обезпечиваться однимъ честнымъ словомъ, а за такимъ словомъ довольно трудно признавать какую либо мѣновую цѣнность, основанную на количествѣ затраченнаго труда.

Марксъ признаетъ за одно со всѣми экономистами, что источникъ всякой цѣнности заключается въ полезности даннаго предмета для человѣка. Безъ этого, говоритъ онъ прямо, никакой цѣнности быть не можетъ и трудъ, потраченный на производство такихъ предметовъ, пропадаетъ безслѣдно *). Припомнимъ это признаніе какъ весьма драгоцѣнное. Но повторяя эту давно извѣстную истину, Марксъ въ тоже время утверждаетъ, что степень полезности даннаго продукта не только не можетъ служить мѣриломъ цѣнности, но что даже въ своемъ конкретномъ значеніи, какъ предметъ потребленія, любой продуктъ никакою цѣнностью не обладаетъ и не можетъ считаться товаромъ. Такъ напр. если на производство извѣстнаго продукта почему либо пошло вдвое меньше рабочаго времени и вслѣдствіе того этотъ продуктъ оказывается на лицо въ двойномъ количествѣ, пригодность его не уменьшается нисколько, хотя цѣнность его сократилась вдвое. Характеръ товара, т. е. объекта торговаго обмѣна, продукты получаютъ лишь съ той минуты, когда они обмѣниваются одинъ на другой, и потому цѣнность ихъ въ каждомъ данномъ случаѣ опредѣляется не степенью пользы, какую они приносятъ, а лишь тѣмъ количествомъ иного продукта, который за нихъ получается при обмѣнѣ. Что потребительная и мѣновая цѣнность далеко не совпадаютъ и что колебанія той и другой зависятъ отъ совершенно различныхъ причинъ, это мы знаемъ давно. Первое обусловливается измѣняющеюся самооцѣнкой, на размѣръ второй обнаруживаютъ вліяніе два другихъ условія,— число соискателей и обиліе продукта. Въ одномъ только случаѣ эти величины совпадаютъ, именно при недостаточности

*) Вотъ подлинныя слова Маркса: Kein Ding kann Werth sein, ohne Gebrauchsgegenstand zu sein. Ist es nutzlos, so ist auch die in ihm enthaltene Arbeit nutzlos, zählt nicht als Arbeit und bildet daher keinen Werth (Seite 15—16).

предметовъ первой необходимости, потому что здѣсь потребленіе является вынужденнымъ. Но изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ, что потребительная цѣнность, основанная на внутреннемъ достоинствѣ предмета, остается безъ всякаго воздѣйствія на цѣнность мѣновую. Если источникомъ всякой цѣнности служитъ пригодность для потребленія, все равно вызвана ли эта пригодность объективною нуждою или субъективнымъ вкусомъ, то цѣна, какую потребитель согласится дать за пріобрѣтаемый имъ товаръ при равныхъ прочихъ обстоятельствахъ, будетъ въ прямой зависимости отъ этой ихъ пригодности, дѣйствительной или мнимой. Если благодаря слабой наличности зернового хлѣба, покупатель соглашается уплатить за этотъ хлѣбъ небывалую цѣну, то поступаетъ онъ такъ вовсе не изъ уваженія къ затраченному труду, а потому лишь, что иначе онъ умеръ бы съ голоду. Допустимъ, напримѣръ, что вслѣдствіе неурожая удвоилось количество труда, затраченнаго на производство четверти пшеницы. Но вдругъ появилась на рынкѣ пшеница изъ другой страны, гдѣ производство ея обходится болѣе дешево. Развѣ цѣна первой изъ этихъ пшеницъ удержится на той высотѣ, какую обусловливаетъ мѣстный неурожай, и покупатель, имѣя возможность пріобрѣсти чужое зерно дешевле, станетъ платить дороже за хлѣбъ, на производство котораго пошло большее количество работы? Такимъ образомъ для продукта каждой отдѣльной страны мѣриломъ цѣнности служитъ не то количество труда, которое понадобилось на его производство, а среднее, идеальное, заключающееся въ опредѣленной единицѣ этого продукта въ міровомъ производствѣ. Если напр. конкурренція американской пшеницы понижаетъ цѣну русской на лондонскомъ рынкѣ, потому что каждая четверть этого хлѣба требуетъ меньшаго количества работы въ Америкѣ, чѣмъ въ Россіи, то въ концѣ концовъ для каждой изъ этихъ двухъ пшеницъ установится цѣна, несоотвѣтствующая затраченной на нее работѣ. Допустимъ, что въ какой нибудь странѣ, положимъ въ Америкѣ, два года сряду приблизительно одинаковый урожай и вслѣдствіе этого хлѣбныя цѣны на мѣстѣ остаются оба года неизмѣнными, что по теоріи Маркса

вполнѣ объясняется одинаковостью затраченнаго каждый разъ количества работы. Но, поступая затѣмъ на всемірный рынокъ, американскій хлѣбъ встрѣчается съ какимъ нибудь инымъ, хотя бы съ русскимъ, который за эти же два года прошелъ черезъ сильныя колебанія урожайности: въ первомъ году оказался въ Россіи обильный урожай, во второмъ недородъ. Совершенно ясно, что изобиліе русскаго хлѣба въ первомъ году вызоветъ пониженіе цѣнъ, а во второмъ его недостатокъ подниметъ ихъ въ гору, и что эти колебанія неминуемо отразятся и на американскомъ хлѣбѣ. Это воздѣйствіе не ограничится даже тою частью послѣдняго, которая была вывезена на европейскіе рынки, но коснется и остальной его массы, оставшейся внутри страны. Но если такимъ образомъ для мѣновой цѣнности продукта рѣшителемъ является не трудъ, затраченный на его производство, а какая то средняя всемірная единица труда, мы утрачиваемъ уже всякую твердую почву, такъ какъ признавать мѣриломъ такую единицу значитъ въ сущности, не сказать ничего опредѣленнаго. Это кажется доказательствъ не требуетъ. Марксъ утверждаетъ однако, что при сравненіи между собою равноцѣнныхъ товаровъ, эта равноцѣнность опредѣляется путемъ редуцированія каждаго изъ нихъ къ числу затраченныхъ единицъ труда. Такъ, если въ данный моментъ различные товары сложатся въ длинную цѣпь уравненій, при которыхъ a пудовъ сахара=b аршинамъ полотна=c четвертямъ пшеницы=d тоннамъ каменнаго угля и т. д., то это значитъ, что каждый изъ этихъ товаровъ измѣряется одной общей имъ всѣмъ отвлеченной величиной, которая есть ничто иное, какъ одинаковое для всѣхъ число затраченныхъ рабочихъ часовъ. Но такъ какъ данное количество рабочаго времени не можетъ очевидно служить орудіемъ обмѣна, то вмѣсто этого отвлеченнаго мѣрила является другое, конкретное, именно деньги. И такъ количество денегъ, уплачиваемое на рынкѣ за разные товары, должно быть въ силу теоріи Маркса безусловно равноцѣнно количеству труда, затраченнаго на каждый изъ этихъ товаровъ. Но мы знаемъ въ тоже время—и Марксъ этого не отрицаетъ,—что цѣна то-

заровъ или, что тоже, количество уплачиваемыхъ за нихъ денегъ—величина очень измѣнчивая. Стало быть, если только что высказанное положеніе вѣрно, причина колебаній въ рыночныхъ цѣнахъ должна исключительно состоять въ соотвѣтствующихъ измѣненіяхъ въ продуктивности работы. Марксъ это и признаетъ необинуясь. Если на производство того же количества товаровъ вслѣдствіе измѣнившихся условій техники пошло больше или меньше времени, чѣмъ прежде, сокращеніе продуктивности труда вызоветъ повышеніе, а увеличеніе этой продуктивности пониженіе въ цѣнѣ. Такимъ образомъ единица рабочаго времени, производительность которой Марксъ признаетъ измѣнчивой, тѣмъ не менѣе остается всегда равноцѣнною, т. е. соотвѣтствующею всегда одному и тому же количеству денежныхъ знаковъ.

Такой выводъ мы не можемъ не признать въ высшей степени страннымъ. Какую цѣну, какую пригодность можетъ имѣть въ самомъ дѣлѣ работа помимо своей продуктивности? Развѣ человѣкъ тратитъ свои усилія или вознаграждаетъ другаго за такую трату въ его пользу лишь ради самаго процесса работы, а не въ виду тѣхъ плодовъ, которые эта работа можетъ ему дать? Чтобы ярче выяснить нашу мысль, сравнимъ человѣческій трудъ съ другимъ производителемъ цѣнностей, съ землей. Если напр. тоже количество хлѣба требуетъ для своего произрастанія въ одной мѣстности большаго пространства земли, чѣмъ въ другой, развѣ цѣна этого хлѣба на рынкѣ отъ того возвысится, и наоборотъ, развѣ не увеличивается рента, а вслѣдствіе того и стоимость земли сообразно большей ея продуктивности? Постулатъ Маркса о безусловной равноцѣнности единицы рабочаго времени мы должны такимъ образомъ отнести къ числу недоказанныхъ гипотезъ и признать, что нѣмецкій экономистъ придумалъ эту гипотезу лишь для того, чтобы найти въ трудѣ постоянное мѣрило цѣнности. Впрочемъ помимо всякихъ теоретическихъ доводовъ совершенно достаточно будетъ указать на одно общеизвѣстное явленіе, на то именно, что въ разныя времена и въ разныхъ мѣстностяхъ трудъ оплачивается далеко не одинаково, а этого очевидно не

могло бы быть, если бы онъ былъ подобно деньгамъ всеобщимъ мѣриломъ цѣнности, такъ какъ деньги въ свою очередь цѣнность, наименѣе колеблющаяся. Ежедневный опытъ показываетъ намъ вдобавокъ, что трудъ далеко не всегда въ одинаковой мѣрѣ продуктивенъ и притомъ не только по отношенію къ количеству произведенныхъ имъ товаровъ, но и по отношенію къ ихъ цѣнности. Выше, говоря о теоріи Рикардо, мы уже сослались на различіе продуктивности труда при культурѣ пшеницы и сѣрыхъ хлѣбовъ, гдѣ почти одинаковое количество работы создаетъ цѣнности, далеко не равныя. Но есть у насъ примѣръ, еще болѣе разительный, именно добыча благородныхъ металловъ. Всѣмъ памятно, какой сильный наплывъ искателей быстраго обогащенія вызвало открытіе золотыхъ рудниковъ въ Южной Австраліи и въ Калифорніи. Чѣмъ однако была вызвана такая горячка? Убѣжденіемъ, что разработка золотоноснаго песка видъ—труда, дающій гораздо большее вознагражденіе, чѣмъ всякій иной. И въ самомъ дѣлѣ металлическая руда, содержащая высокій процентъ золота или серебра оплачиваетъ трудъ несравненно сильнѣе всякаго промысла, потому что незначительное увеличеніе этого процента можетъ удвоить или утроить добычу работника, вызывая самое ничтожное, пониженіе въ цѣнности металла, такъ какъ продуктивность рудника за извѣстный короткій промежутокъ времени всетаки очень ничтожна въ сравненіи съ обращающеюся на земномъ шарѣ массой золота и серебра. Но помимо этого исключительнаго и, такъ сказать, остраго случая неравноцѣнности продуктовъ труда, существуетъ очень распространенное явленіе, котораго мы не замѣчаемъ какъ разъ вслѣдствіе его повседневности. Въ чемъ заключается источникъ крупныхъ барышей отдѣльныхъ промышленныхъ предпріятій въ сравненіи съ остальными и почему капиталисты, задумавшіе одно изъ такихъ удачныхъ предпріятій, обогащаются такъ быстро? Объяснить это можно лишь тѣмъ, что одинаковая цифра затратъ, а потому и одинаковое количество труда создаетъ въ одномъ случаѣ больше цѣнностей, чѣмъ въ другомъ; а это несомнѣнно доказываетъ, что мѣновая цѣнность

помимо затраченной работы опредѣляется и другими условіями.

На теорію Маркса можно сдѣлать еще одно возраженіе. Нѣмецкій экономистъ полагаетъ, что при обмѣнѣ одного товара на другой, самый фактъ обмѣна доказываетъ ихъ безусловную равноцѣнность. Въ этомъ мы не можемъ не признать явнаго слѣда того діалектическаго метода разсужденія, который Марксъ вообще такъ охотно примѣняетъ къ вопросамъ экономической жизни. Діалектическій методъ, въ которомъ Марксъ обнаруживаетъ несомнѣнную силу, прекрасный способъ уясненія истины въ вопросахъ чисто отвлеченныхъ, метафизическихъ, гдѣ искомая истина заключается не въ тождествѣ даннаго положенія съ дѣйствительнымъ фактомъ, а лишь въ его абстрактно-логическомъ соотношеніи съ прежде сдѣланною посылкою. Но примѣненный къ явленіямъ жизни, этотъ методъ можетъ привести къ очень крупнымъ ошибкамъ. Въ данномъ случаѣ напр., абстрактная логика совершенно удовлетворена тѣмъ выводомъ, что взаимный обмѣнъ двухъ товаровъ доказываетъ ихъ равноцѣнность; на самомъ же дѣлѣ, примѣняясь къ живымъ людямъ, а не къ абстрактнымъ величинамъ, этотъ фактъ будетъ доказывать лишь то, что въ данный моментъ лица, производившія обмѣнъ, считали эти товары равноцѣнными. А субъективное ихъ мнѣніе и дѣйствительная, объективная равноцѣнность далеко не тоже самое. Но если такъ и если существованіе одинаковой цѣны на нѣсколько товаровъ въ данный моментъ не обусловливаетъ внутренней равноцѣнности этихъ товаровъ, то вся аргументація Маркса о признаніи работы за мѣрило цѣнности оказывается сильно поколебленной.

Но пойдемъ далѣе. Читатель конечно помнитъ, какимъ сложнымъ путемъ Марксъ приходитъ къ объясненію того, что въ продуктѣ труда содержится добавочная цѣнность, превышающая заработокъ и составляющая барышъ предпринимателя. Для насъ это явленіе не представляло бы никакой загадочности, такъ какъ въ нашихъ глазахъ обмѣнъ товаровъ вовсе еще не обусловливаетъ ихъ равноцѣнности, и стало быть при-

дуктъ работы можетъ быть цѣннѣе заработка безъ всякаго ущерба логикѣ. Мы помнимъ вдобавокъ, что есть цѣлая категорія товаровъ, въ которыхъ приращеніе цѣны происходитъ безъ приложенія труда. Это всѣ виды домашнихъ животныхъ, цѣнность которыхъ наростаетъ путемъ естественнаго приплода. Но Марксу понадобились усилія, дабы устранить созданное имъ самимъ небывалое противорѣчіе. Ему нужно было твердо держаться абсолютной равноцѣнности обмѣниваемыхъ товаровъ, потому что только этимъ путемъ онъ могъ доказать, что цѣнность измѣряется количествомъ затраченнаго труда и что стало быть трудъ имѣетъ право на обладаніе всѣми созданными имъ продуктами. Необходимо было также признать работу однимъ изъ обмѣниваемыхъ на рынкѣ товаровъ, чтобы съ помощью этого неблаговиднаго термина сильнѣе заклеймить процессъ обсчитыванія рабочихъ капиталистами. Достигаетъ онъ этого, какъ намъ уже извѣстно, слѣдующимъ путемъ. Какъ мѣновая цѣнность, трудъ долженъ измѣряться затратами на свое производство, но, въ качествѣ живаго существа, человѣкъ можетъ удовлетворять свои нужды въ большей или меньшей степени; вслѣдствіе чего количество времени необходимаго для удовлетворенія этихъ нуждъ величина очень растяжимая. Если бы всякій работалъ бы только на себя или вся масса продуктовъ дѣлилась бы поголовно, то рабочій день и продукты, сработанные въ теченіе этого дня, были бы величинами вполнѣ равноцѣнными. Но способность человѣка удовлетворяться меньшимъ количествомъ продуктовъ влечетъ за собою урѣзываніе заработка или что тоже самое, плату работы, несоразмѣрную дѣйствительной цѣнности. Такимъ образомъ работа является единственнымъ товаромъ, у котораго какъ бы двѣ цѣнности,—идеальная, равняющаяся всѣмъ продуктамъ этой работы, и дѣйствительная, ограниченная потребностями работника въ самомъ тѣсномъ ихъ смыслѣ. Въ этомъ контрастѣ и заключается источникъ всего зла, неразлучнаго съ капиталистическимъ строемъ.

Но только что изложенное нами мы имѣемъ возразить слѣдующее.

Объемистый трудъ Маркса оставляетъ насъ въ недоумѣніи, что собственно должна выразить собою его теорія цѣнности, извѣстный постулатъ, къ осуществленію котораго необходимо стремиться, или разъясненіе дѣйствительнаго экономическаго факта. Онъ говоритъ, правда, очень категорически, что цѣнность товара не болѣе, какъ результатъ опредѣленнаго количества труда: «Als Werthe sind alle Waaren nur bestimmte Masse festgeronnener Arbeitszeit (Seite 14)». Но ежедневный опытъ насъ убѣждаетъ что въ цѣнность товара сверхъ вознагражденія рабочаго входитъ стоимость сырья и процентъ съ капитала, и какъ разъ это присвоеніе себѣ доли барыша не рабочими классами и вызываетъ всю негодующую критику Маркса противъ существующаго порядка. Мы стало быть вынуждены признать, что его опредѣленіе цѣнности отражаетъ въ себѣ не реальный фактъ, а лишь отвлеченное право рабочаго на весь продуктъ безъ остатка. Въ этомъ еще болѣе убѣждаетъ насъ та часть ученія Маркса, гдѣ онъ говоритъ, что человѣческій трудъ, какъ товаръ, оплачивается ниже его производительности. Такимъ образомъ та самая единица работы, которая опредѣляетъ собою цѣнность продукта, становясь товаромъ въ свою очередь оцѣнивается ниже этого продукта. Мы имѣли бы здѣсь любопытный примѣръ научной формулы, при которой часть равнялась бы цѣлому, если бы въ этой формулѣ не скрывалось нѣкотораго смѣшенія понятій, именно смѣшенія платы за трудъ съ самымъ этимъ трудомъ, какъ извѣстнымъ числомъ рабочихъ часовъ. Рикардо, какъ мы видѣли, выпелъ изъ этого затрудненія, открыто признавъ, что на цѣнность товара оказываетъ воздѣйствіе не рабочая плата, а лишь количество затраченнаго труда; но Рикардо за одно съ этимъ признавалъ нѣчто другое, что трудъ, ушедшій на извѣстный продуктъ, только соразмѣренъ, а не равносиленъ цѣнности этого продукта. Марксъ, очевидно, не могъ признать ни того, ни другаго, такъ какъ онъ тѣмъ самымъ устранилъ бы всякую ненормальность въ фактѣ несоотвѣтствія рабочей платы съ стоимостью товара. Ему нужно было нѣсколько запутать читателя въ терминахъ, которыми онъ играетъ такъ искусно, чтобы

поразить его страннымъ контрастомъ между равноцѣнностью труда и товара съ одной стороны и неполною оплатою этого труда съ другой. Но въ такомъ случаѣ становится яснымъ, что все его ученіе не болѣе, какъ постулатъ, т. е. какъ требованіе, обращеное къ современному экономическому строю и повторяющее извѣстную формулу Лассаля «der Arbeit ihr voller Ertrag». И не выразилъ Марксъ своего ученія такимъ образомъ лишь потому, что подобное требованіе, вполнѣ пригодное для горячаго памфлета, недостаточно для ученой книги, авторъ которой задался цѣлью не только протестовать противъ существующей несправедливости, но еще и обнаружить ея научную несостоятельность. Для этого то и понадобилась длинная цѣпь доказательствъ въ пользу теоріи, объясняющей возникновеніе цѣнности однимъ только трудомъ.

Во вторыхъ, допуская правильность ученія Маркса, мы тогда только могли бы его осуществить, если бы каждый потреблялъ лишь то, что произвелъ самъ, другими словами если бы онъ былъ и землевладѣльцемъ и промышленникомъ и рабочимъ. Тогда конечно никакого явнаго дѣлежа продуктовъ не происходило бы, хотя бы на самомъ дѣлѣ въ выручкѣ каждой семьи и заключались всѣ три формы прибыли. Но дѣлежъ этотъ былъ бы скрытымъ, такъ какъ въ одномъ лицѣ совпадали бы всѣ три экономическія функціи. Можно конечно рисовать себѣ такой порядокъ вещей, какъ осуществленіе золотаго вѣка. Бѣда лишь въ томъ, что этотъ порядокъ встрѣчается какъ разъ въ дикомъ состояніи общества, т. е. при крайне низкомъ уровнѣ потребностей и ничтожной производительности труда. Какъ скоро число людей размножается и они начинаютъ сознавать, что неудобно каждому имѣть столько разныхъ дѣлъ, возникаетъ первая форма раздѣленія труда и первобытное общество раскалывается сообразно двумъ отраслямъ занятій, земледѣльческому и ремесленному. Одни преимущественно заняты производствомъ сырья, другіе его переработкой. Всѣ они, положимъ, остаются самостоятельными хозяевами, но полную выручку за свои произведенія они уже не сохраняютъ, такъ какъ первый долженъ купить у втораго нужный

ему выдѣланный товаръ, а второй у перваго необходимое ему сырье. Конечно въ накладѣ они отъ этого не остаются, такъ какъ количество продуктовъ въ общемъ итогѣ возросло. Но, спрашивается, не все ли равно, въ концѣ концевъ, отдавать часть своихъ произведеній для пріобрѣтенія необходимыхъ чужихъ товаровъ или, какъ это дѣлается теперь, до реализаціи продукта дѣлиться его стоимостью съ соучастниками въ производствѣ.

Въ третьихъ, способность человѣческаго труда производить больше, чѣмъ работникъ потребляетъ самъ, вовсе не является результатомъ гнета со стороны капиталиста, гнета, ограничивающаго до минимума потребленіе рабочаго. Эта способность коренится въ самой натурѣ труда и является главнымъ источникомъ постепеннаго обогащенія человѣчества. Если бы производительность труда стояла въ уровень съ потребленіемъ, то образованіе капитала сдѣлалось бы невозможнымъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ не было бы никакого экономическаго прогресса. Въ самомъ дѣлѣ процессъ наростанія капитала вовсе не связанъ съ наличностью особаго класса капиталистовъ. Представимъ себѣ работника, пользующагося всѣми продуктами своего труда, т. е. владѣющаго извѣстнымъ участкомъ земли и нѣкоторымъ капиталомъ. Подобный работникъ, кстати сказать, вовсе не воображаемое лицо, такъ какъ въ этомъ положеніи находится каждый крестьянинъ собственникъ. Если у него окажется нѣкоторая энергія и достаточная бережливость, у него къ концу года неизбѣжно останется избытокъ, т. е. за вычетомъ изъ суммы продуктовъ уже не платы за наемный трудъ, а необходимой доли на жизненныя потребности, его основной капиталъ увеличится. Съ каждымъ новымъ годомъ при наличности благопріятныхъ обстоятельствъ наростаніе этого капитала будетъ идти прогрессивно; другими словами образованіе добавочной цѣнности будетъ имѣть мѣсто и тамъ, гдѣ всѣ продукты труда идутъ на пользу работника, по той простой причинѣ, что процессъ этотъ вовсе не результатъ наемнаго труда, а лишь прямое послѣдствіе способности человѣка производить больше, чѣмъ необходимо на удовлетво-

реніе его нуждъ. Здѣсь уже не безсердечный наниматель принуждаетъ батрака работать до истощенія силъ, а собственная выгода побуждаетъ крестьянина извлекать изъ напряженія своихъ мускуловъ и изъ производительныхъ силъ почвы все что можетъ дать то и другое. Конечно при небольшомъ хозяйствѣ наростаніе капитала пойдетъ медленнѣе и образуется по всей вѣроятности лишь то, что Марксъ называетъ абсолютною добавочною цѣнностью: ни дорого стоющихъ машинъ, ни раздѣленія труда, ни комбинированія рабочихъ массъ при такомъ хозяйствѣ очевидно быть не можетъ, но если благодаря капиталу и крупной производительности возможно усилить продуктивность человѣческаго труда, создавая, по терминологіи Маркса, относительную добавочную цѣнность, то въ этомъ заключается лишь заслуга капитала; въ этомъ обнаруживается какъ разъ та его плодотворная сила, которая даетъ ему право на вознагражденіе. Нельзя же признавать убыточнымъ для рабочаго то обстоятельство, что результатомъ его труда является увеличенное число продуктовъ, такъ какъ въ концѣ концовъ эти продукты становясь болѣе дешевыми идутъ на его же пользу, возвышая размѣръ и качество его потребленія? Правда, усиленная продуктивность труда, позволяющая обходиться меньшимъ числомъ рабочихъ, можетъ на время понизить заработокъ. Но такое пониженіе никогда не бываетъ продолжительнымъ вслѣдствіе того, что накопившіеся капиталы стремятся къ расширенію производства. Въ концѣ концевъ число людей, занятыхъ на фабрикахъ и заводахъ, растетъ быстрѣе, чѣмъ вся масса населенія страны, а рабочая плата тѣмъ не менѣе возрастаетъ, а не понижается. Такимъ образомъ, если и относительная доля наемнаго рабочаго въ барышахъ предпріятія нѣсколько уменьшается при крупномъ производствѣ, то общая сумма всѣхъ заработковъ тѣмъ не менѣе растетъ, и при этомъ не только абсолютно, но и относительно. Несмотря на всѣ насмѣшки, которыми въ соціалистической литературѣ принято отвѣчать на этотъ доводъ, обзывая его измышленіемъ шарлатанства или тупоумія, его убѣдительность тѣмъ не менѣе остается внѣ спора, такъ какъ

она возникаетъ изъ простаго сопоставленія трехъ цифръ: прироста населенія, сравнительнаго числа наемныхъ рабочихъ и высоты заработной платы. Говоря это, мы ничуть не думаемъ отрицать тѣ несомнѣнныя страданія, которымъ временно подвергался рабочій классъ въ моменты крупныхъ поворотовъ въ фабричномъ дѣлѣ. Мы вообще ничуть не задаемся мыслью скрадывать у читателя грустныя явленія современной экономической жизни. Но изъ признанія наличности болѣзни еще не слѣдуетъ, что всякое лекарство для нея пригодно. А въ цѣлой соціалистической литературѣ, въ томъ числѣ и въ книгѣ Маркса, несомнѣнно просвѣчиваетъ нѣсколько враждебное отношеніе къ самому факту усиленной производительности труда. Пусть лучше рабочій ограничивается невысокой степенью благосостоянія, пусть не будетъ техническихъ усовершенствованій, лишь бы только человѣку не приходилось уступать въ пользу другого части продуктовъ своего труда. Эта ненависть къ капиталу, это непризнаніе за нимъ правъ на вознагражденіе въ сущности ничто иное, какъ борьба противъ экономическаго прогресса, какъ нежеланіе видѣть трудъ возможно болѣе плодотворнымъ. Борьба противъ капитала ничто иное, какъ борьба труда противъ самого себя, по крайней мѣрѣ борьба его противъ того, что онъ создалъ въ прошломъ. Можно сколько угодно утверждать, что при образованіи и распредѣленіи собственности значительную роль играло насиліе. Но помимо того, что далеко не вся собственность пріобрѣтена этимъ путемъ, нельзя отрицать, что, не будь вовсе такого насилія, едва ли отъ этого во многомъ измѣнилось бы современное положеніе дѣлъ. Какъ скоро не подлежитъ сомнѣнію, что продуктивность труда въ каждый данный моментъ превышаетъ потребности рабочаго, но въ тоже время размѣры этого избытка—величина очень измѣнчивая, равенства сбереженій не могло бы быть при какомъ угодно порядкѣ распредѣленія земли. Преимущество богатой почвы передъ болѣе тощей, усерднаго работника передъ лѣнивымъ, благопріятнаго семейнаго состава предъ невыгоднымъ, наконецъ всѣ тѣ поводы къ неравенству, которыя приноситъ случай, должны были неми-

нуемо вызвать, хотя бы въ зародышѣ, накопленіе капитала у однихъ и задолженность у другихъ. А капиталъ, когда онъ народился, ростетъ уже самъ собою, обезпечивая за своимъ обладателемъ все болѣе выгодные шансы въ имущественномъ соревнованіи. Трудно себѣ объяснить вдобавокъ, какимъ образомъ Марксъ въ состояніи отрицать права капитала на участіе въ дѣлежѣ продуктовъ, когда его собственная теорія объ относительной добавочной цѣнности прямо указываетъ на могущество этого капитала. Если одно и тоже количество работы въ состояніи благодаря капиталу создать большее количество товаровъ, то нельзя въ тоже время утверждать, что заслуга эта принадлежитъ исключительно труду. Марксъ, правда, говоритъ, что мѣновая цѣнность товаровъ, произведенныхъ въ большемъ количествѣ остается прежняя, хотя это имъ далеко не доказано, но съ точки зрѣнія блага человѣчества въ совокупности, гораздо важнѣе количество потребляемыхъ товаровъ, чѣмъ получаемая за нихъ цѣна. А такъ какъ развитіе промышленности приводитъ къ однимъ и тѣмъ же результатамъ во всѣхъ отрасляхъ, то въ концѣ концовъ при обмѣнѣ одного товара на другой, даже въ силу ученія Маркса, должно получиться и большое количество этого другого товара.

Сравнительно большая прибыльность капиталистическаго производства не ограничивается впрочемъ тѣми матеріальными преимуществами, какія придаютъ ему раздѣленіе труда, машинное производство и сосредоточеніе большихъ массъ рабочихъ. Помимо этихъ осязательныхъ выгодъ, существуетъ еще иная, почти неуловимая, но столь же несомнѣнная,—то преимущество, какое приноситъ съ собою организація, какимъ обладаетъ дисциплинованная армія передъ нестройнымъ скопищемъ. Недостаточно въ самомъ дѣлѣ, чтобы имѣлась подъ рукой механическая сила машинъ и мускульная сила рабочихъ. Вся выгода отъ этого сосредоточенія двигателей зависитъ не отъ нихъ самихъ, а отъ умѣнія ими воспользоваться, отъ умственной силы, управляющей ими. Въ этомъ заключается все основаніе правъ на предпринимательскій барышъ. Капиталъ не только приходитъ на помощь труду, оплодотворяя его и давая ему занятія,

онъ вноситъ еще осмысленное руководство въ его дѣятельность. И эта роль присуща капиталу не въ одномъ только промышленномъ, но и въ земледѣльческомъ производствѣ. То и другое различается между собою лишь тѣмъ, что сельскохозяйственное производство имѣетъ дѣло непосредственно съ силами природы, а второе лишь съ необработанными продуктами. Это двѣ стадіи одного и того же процесса, и съ точки зрѣнія труда въ тѣсномъ смыслѣ земледѣліе и промышленность, коль скоро они работаютъ наемнымъ трудомъ, являются представителями одного и того же капитала. Скажемъ болѣе. Въ культурныхъ странахъ нѣтъ уже клочка земли, въ который не было бы вложено капитала въ томъ или другомъ видѣ. Простая, дѣвственная сила природы встрѣчается въ нихъ лишь тамъ, гдѣ она не обладаетъ способностью къ производству, на обнаженныхъ вершинахъ горъ; на всей остальной поверхности почвы надъ ними уже наслоилась работа поколѣній, вложившихъ въ землю и трудъ свой и сбереженія. Возрастаніе цѣнности земли совершенно также, какъ возрастаніе продуктивности труда и есть ничто иное, какъ результатъ оплодотворенія ея капиталомъ. Замѣтимъ мимоходомъ, что въ своей теоріи цѣнности Марксъ совершенно упустилъ изъ виду цѣнность земли, которую никакимъ образомъ уже нельзя редуцировать къ суммѣ вложеннаго въ нее труда. Различная стоимость земель въ зависимости отъ неодинаковыхъ условій почвы и климата слишкомъ общеизвѣстный фактъ, чтобы намъ приходилось на этомъ настаивать. А возрастаніе земельныхъ цѣнъ въ зависимости отъ густоты населенія опять таки объясняется не вложеннымъ въ землю трудомъ, а лишь размноженіемъ числа потребителей.

Итакъ три фактора производства представляютъ собою какъ бы три послѣдовательныхъ надстройки. Въ основѣ всего зданія лежитъ земля со своими природными силами, сама по себѣ не обладающая цѣнностью, и производящая ихъ лишь безсознательно и безцѣльно, пока не явится человѣкъ, чтобы воспользоваться ея производительною способностью. Вторымъ созидателемъ является трудъ, и воздѣйствіе его на природныя

силы образуетъ капиталъ, не имѣющій самостоятельнаго независимаго происхожденія, но тѣмъ не менѣе обладающій способностью усиливать производительность своихъ творцовъ, земли и труда.

Таково взаимное соотношеніе трехъ факторовъ производства. Но въ настоящее время не въ одной изъ его отраслей нельзя встрѣтить одинъ изъ этихъ факторовъ независимо отъ прочихъ. Вопросъ распредѣленія между ними продуктовъ является такимъ образомъ съ научной точки зрѣнія вопросомъ чисто отвлеченнымъ. Между тѣмъ всѣ экономисты, хотя нѣсколько склонные къ соціализму, всегда представляютъ ихъ какъ три вполнѣ конкретныя величины, подразумѣвая подъ терминами «земля», «капиталъ и «трудъ» три общественныхъ класса: дворянство, буржуазію и рабочее сословіе. Такая подтасовка вноситъ значительную сбивчивость въ научную разработку вопроса, заражая ее всею страстностью, присущею борьбѣ классовъ. На самомъ дѣлѣ вражда, существующая между тремя главными общественными группами, вовсе не тождественна съ экономическимъ соотношеніемъ между тремя вышеупомянутыми факторами. Когда Марксъ говоритъ, что трудъ, единственный создатель всѣхъ цѣнностей, обобранъ капиталомъ, онъ имѣетъ въ виду не отвлеченный трудъ, какъ факторъ производства, а рабочій классъ въ его противоположности къ капиталистической производительности. Въ экономической наукѣ между тѣмъ такого явленія нѣтъ и быть не можетъ. Трудъ, капиталъ и земля такъ тѣсно между собою переплетены, что нѣтъ положительно ни одного производства, въ которомъ бы они всѣ трое не участвовали. Фабрика помимо заработка наемныхъ служащихъ должна уплатить за сырой земледѣльческій продуктъ, всегда лежащій въ основѣ всякаго производства. Имѣніе или ферма тоже кромѣ содержанія рабочихъ, должна разсчитаться съ капиталистомъ за его машины или взятыя у него въ ссуду деньги. Наконецъ даже ремесленникъ-кустарь вынужденъ уступить часть своей выручки землевладѣльцу за его сырой продуктъ и фабриканту за купленное у него нехитрое орудіе. Въ одномъ только случаѣ, тамъ, гдѣ

крестьянская семья работаетъ на собственной землѣ, вознагражденіе земледѣльца и работника совпадаютъ и остается одна лишь уплата, разсчетъ съ промышленникомъ за разныя земледѣльческія орудія. Но и крестьянинъ-земледѣлецъ можетъ хозяйничать не на своей, а на чужой землѣ и ремесленникъ работать не на свой, а на занятой капиталъ, какъ могутъ впрочемъ это дѣлать и крупные производители, арендаторы большихъ земельныхъ участковъ, и фабриканты, которымъ ссудили чужія деньги.

Изъ только что сказаннаго нами мы вправѣ сдѣлать два вывода. Ту черту, которую экономисты обыкновенно проводятъ между батракомъ рабочимъ и капиталистомъ, слѣдуетъ искать въ иномъ мѣстѣ, именно въ различіи семейнаго производства безъ нанятыхъ рабочихъ отъ капиталистическаго съ наемнымъ трудомъ, все равно, будетъ ли это производство, земледѣльческое или ремесленное. Рабочіе имѣютъ такимъ образомъ возможность быть самостоятельнымъ производителемъ, совмѣщая въ себѣ, но только въ рамкахъ мелкаго производства, роль капиталиста или землевладѣльца съ характеромъ работника, но дѣлая это на свой счетъ и страхъ. Если же онъ не пожелаетъ себя подвергнуть риску, онъ можетъ уступить свою работу со всѣми ея продуктами фабриканту или капиталисту за опредѣленное вознагражденіе. Таковъ истинный характеръ рабочей платы. Она ничто иное, какъ предпочтеніе, оказанное рабочимъ опредѣленному заработку передъ шансами невѣрнаго, хоть и самостоятельнаго производства, но въ этомъ смыслѣ она совершенно параллельное явленіе ссудѣ капитала подъ процентъ и отдачѣ земли въ аренду. Всѣ онѣ заключаютъ въ себѣ отказъ отъ возможныхъ барышей предпріятія въ виду опредѣленнаго вознагражденія. Странно такимъ образомъ жаловаться на то, что рабочій не получаетъ всѣхъ продуктовъ своего труда, какъ странно было бы, если бы помѣщикъ, сдавъ имѣніе въ аренду, посѣтовалъ на то, что онъ не воспользовался случайнымъ урожаемъ.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о такъ называемомъ желѣзномъ законѣ рабочей платы. Мнимый этотъ законъ одинъ изъ результатовъ примѣненія къ политической

экономіи того діалектическаго отвлеченнаго метода, о несостоятельности котораго мы уже упомянули выше. Съ чисто логической точки зрѣнія онъ не подлежитъ спору. Возвышеніе рабочей платы надъ уровнемъ потребностей въ которой нибудь изъ отраслей труда неминуемо должно повлечь за собою во первыхъ притокъ рабочихъ изъ другихъ промысловъ, а во вторыхъ размноженіе браковъ, ведущее къ усиленному приросту населенія. Пониженіе заработка ниже этого уровня, напротивъ, должно повести за собою увеличеніе смертности и сокращеніе браковъ. Въ томъ и другомъ случаѣ, такимъ образомъ, нарушенное равновѣсіе возстановляется. Но говорящіе такъ совершенно забываютъ, что человѣкъ—живое существо, не повинующееся слѣпо условіямъ необходимости, и что экономическая жизнь богата самыми странными аномаліями. Такъ напр. сплошь да рядомъ извѣстный родъ занятій, дающій большіе заработки, замыкается въ кругу рабочихъ, пришлыхъ изъ какой нибудь опредѣленной мѣстности. У насъ въ Россіи эта локализація промысловъ—явленіе даже преобладающее. Въ тоже время измѣненіе въ численности рабочихъ, зависящее отъ цифры заключаемыхъ браковъ, обнаруживается лишь по прошествіи довольно продожительнаго времени и стало быть никоимъ образомъ не можетъ оказать немедленнаго воздѣйствія на высоту заработка. Но главный укоръ, который можно сдѣлать знаменитому положенію Рикардо, такъ усердно подхваченному Лассалемъ, это полное отсутствіе фактическихъ данныхъ, могущихъ служить ему опорой, между тѣмъ какъ имѣется обиліе такихъ данныхъ, говорящихъ совершенно противоположное. Такъ неподлежитъ сомнѣнію, что въ томъ же самомъ мѣстѣ, т. е. при одинаковыхъ условіяхъ стоимости содержанія высота рабочей платы очень сильно колеблется смотря по промыслу. Нигдѣ напр. эта плата не достигаетъ такого уровня, какъ въ Лондонѣ, и нигдѣ между тѣмъ нѣтъ такой вопіющей нищеты. Въ столицѣ Англіи рабочая плата на фабрикахъ для взрослаго рабочаго колеблется между 25 и 35 шиллингами въ недѣлю. Мастеровые какъ столяры, обойщики, слесари и т. д. получаютъ обыкновенно по

шиллингу въ часъ. Даже мальчики отъ 12 до 15 лѣтъ, занимающіеся на перекресткахъ улицъ чисткою обуви прохожихъ (shoe-blacks) зарабатываютъ отъ 3 – 5 шиллинговъ въ день, а между тѣмъ размѣръ недѣльнаго заработка на лондонскихъ докахъ понижается до 15—16 шиллинговъ въ недѣлю. Маркъ приводитъ цѣлый рядъ поистинѣ ужасающихъ цифръ, почерпнутыхъ изъ самыхъ вѣрныхъ источниковъ и говорящихъ о страшной нищетѣ нѣкоторыхъ изъ отраслей Лондонскихъ промысловъ. *) Въ тоже время мы имѣемъ самыя положительныя и свѣжія данныя о высотѣ рабочей платы для цѣлаго ряда отдѣловъ англійской промышленности, данныя, несомнѣнно свидѣтельствующія о достаточной высотѣ этой платы. Онѣ заключаются въ оффиціальныхъ отчетахъ, представленныхъ въ 1889—1891 гг. въ особую парламентскую коммиссію, образованную для изслѣдованія рабочей платы въ Соединенномъ Королевствѣ. Выписываемъ изъ этихъ отчетовъ слѣдующую таблицу, содержащую свѣдѣнія о среднемъ размѣрѣ недѣльнаго заработка рабочихъ разнаго пола и возраста въ шести изъ наиболѣе крупныхъ отраслей промышленности. **)

	Бумагопрядильное производство.		Шерстяное.		Суконное.		Полотняное.		Каменноугольное.		Металлургическое.	
	ш.	п.	ш.	п.	ш.	п.	ш.	п.	ш.	п.	ш.	п.
Мужчины . . .	25	3	23	2	23	4	19	9	22	11	16	6
Подростки (lads) / Мальчики . . .	9	4	8	6	6	6	6	3	10	9	7	—
Женщины . .	15	3	11	11	11	11	8	11	8	2	5	10
Дѣвочки . . .	6	10	7	5	6	2	4	11	5	7	4	9

*) См. Marx, Das Kapital, seite 222 und ff. 411 ff.

**) Return of rates of wages. I) Textile trades 1889. II) Mines and Quarries 1891.

Въ Парижѣ мы видимъ тоже и притомъ еще въ большихъ размѣрахъ. Ежедневный заработокъ людей, занимающихся чисткою улицъ (balayeurs), большею частью пришлыхъ изъ Піемонта, составляетъ отъ 2 до 3½ франковъ. Для ломовыхъ извозчиковъ онъ повышается до 4—5 фр.; для землекоповъ, каменщиковъ (terrassiers et maçons) онъ достигаетъ 7—11 фр., а для высшихъ рабочихъ профессій, для типографщиковъ, бриллянтщиковъ и золотыхъ дѣлъ мастеровъ онъ доходитъ до 12—15 фр., а въ исключительныхъ случаяхъ иногда 25—30 въ день. *) Въ Бельгіи поразительный контрастъ существуетъ между работающими бокъ-о-бокъ землекопами и рабочими на желѣзодѣлательныхъ и машинныхъ заводахъ. Въ умѣ каждаго долженъ неминуемо возникнутъ вопросъ, почему же не происходитъ усиленный наплывъ рабочихъ въ тѣ профессіи, которыя даютъ наиболѣе выгодный заработокъ, что привело бы къ уравненію рабочей платы между всѣми отраслями труда? Есть два обстоятельства, нѣсколько его разъясняющія. Можно допустить, какъ общее правило, что заработокъ тѣмъ выше, чѣмъ работа продуктивнѣе, т. е. чѣмъ для хозяина прибыльнѣе сбытъ товара, хотя и это правило не допускаетъ точнаго примѣненія. Оно во всякомъ случаѣ показываетъ, что стоимость продукта скорѣе вліяетъ на высоту заработка, чѣмъ наоборотъ. Другое обстоятельство—это неодинаковая умѣлость рабочаго. Нѣкоторыя профессіи, какъ слесарное ремесло, работа въ типографіи, токарный промыслъ, выдѣлка галантерейныхъ издѣлій, полировка стекла и т. п. требуютъ то большаго вкуса, то большей ловкости, то даже нѣкотораго образованія. Среди рабочихъ происходитъ такимъ образомъ нѣкоторый подборъ, и позволительно утверждать, опять таки чисто теоретически, что за основаніе расчета надо принимать не дѣйствительную плату, получаемую въ отдѣльномъ случаѣ рабочимъ, а средній заработокъ, происходящій отъ приведенія всѣхъ отдѣльныхъ профессій къ одному знаменателю. Подобной аргументаціей можно конечно устранить каждое недоразумѣніе, но

*) D'Haussonville, Misère et Remèdes pag. 216 ss.

тѣмъ не менѣе въ любомъ конкретномъ случаѣ высота заработка опредѣлится не потребностями, а качествами рабочаго, т. е. въ концѣ концевъ всетаки продуктивностью его труда.

XIII.

Несостоятельность законовъ, на которые опирается соціалистическая теорія, еще не позволяетъ намъ однако считать эту теорію вполнѣ опровергнутой. Критическіе доводы, направляемые противъ современнаго капиталистическаго строя, не теряютъ своей силы оттого, что новое идеальное общество нѣтъ возможности основывать на строго научныхъ положеніяхъ. Мы видѣли правда, что значительная часть самыхъ этихъ доводовъ не подтверждается фактическими данными, но то, что отъ нихъ остается, тотъ вопіющій контрастъ между крайнею роскошью однихъ и крайнею шаткостью положенія другихъ, представляетъ собою вполнѣ достаточный матеріалъ для справедливыхъ обвиненій противъ современнаго имущественнаго строя. Повторяемъ еще разъ, что законность этихъ обвиненій мы отрицать не можемъ. Трудъ нашъ исключительно направленъ противъ скороспѣлыхъ сужденій о возможности переустройства общества сверху до низу. Мы глубоко убѣждены, что экономическое зло, тяжко отзывающееся на судьбѣ рабочихъ классовъ, болѣзнь, не подлежащая радикальному леченію, что борьба съ нимъ конечно возможна, но устранить его вполнѣ и къ тому же однимъ разомъ едва ли не свыше человѣческихъ силъ.

Чтобы въ этомъ убѣдиться окончательно, намъ осталось отдать себѣ отчетъ въ различныхъ возможныхъ формахъ, какія могло бы принять преобразованное общество. Мы знаемъ уже, что формы эти сводятся къ тремъ основнымъ типамъ. Главный изъ нихъ, занимающій центральное мѣсто, мы уже подвергли оцѣнкѣ. Разобранная нами книга Беллэми представляетъ возможно болѣе полную картину общества, построеннаго на коллективизмѣ. Но помимо этого способа разрѣшенія соціальнаго вопроса существуютъ еще два:—тотъ, который на ряду съ личною собственностью отрицаетъ и государство, и

тотъ, который въ нѣкоторой степени наряду съ государствомъ сохраняетъ и экономическую самостоятельность личности. Послѣдняя система, образующая собою правое крыло соціализма, по необходимости должна распадаться на нѣсколько самостоятельныхъ доктринъ, пытающихся достигнуть рѣшенія вопроса не въ цѣломъ его составѣ, а лишь посредствомъ выставленія на первый планъ одной изъ его сторонъ. Къ обзору этихъ отдѣльныхъ системъ мы теперь и обратимся.

Анархисты займутъ насъ недолго. Правда, роль ихъ въ современной исторіи соціализма была видная. На Гаагскомъ конгрессѣ въ 1875 г. они были причиною распаденія интернаціоналки, руководимой Марксомъ и Энгельсомъ. Вдобавокъ это самая шумная соціалистическая партія, всегда готовая взывать къ мятежу и производить демонстраціи на улицѣ. Но внутреннее содержаніе ея доктрины не стоитъ на уровнѣ ея заносчивости. У анархистовъ нѣтъ ни одного сколько нибудь выдающагося мыслителя. Правда, они выдаютъ за своего единомышленника одного изъ самыхъ оригинальныхъ французскихъ писателей сороковыхъ годовъ, Прудона, который по силѣ діалектики не только не уступаетъ крупнѣйшему изъ нѣмецкихъ соціалистовъ, Карлу Марксу, но едва ли не превосходитъ послѣдняго необыкновеннымъ умѣніемъ сбивать читателя съ толку ловко подобранными софизмами. Въ этомъ отношеніи Прудонъ вѣрный ученикъ Гегеля, и стоитъ замѣтить, что знаменитый нѣмецкій философъ, хотя его ученіе принято теперь считать похороненнымъ, оставилъ послѣ себя очень видный слѣдъ во всѣхъ отрасляхъ политическихъ наукъ, снабдивъ своихъ послѣдователей могучимъ орудіемъ отвлеченной діалектики. По странной ироніи судьбы такой горячій поклонникъ прусскаго государства, какъ Гегель, сдѣлался умственнымъ руководителемъ цѣлой фаланги писателей, направившихъ свои выдающіяся способности къ ниспроверженію современнаго соціальнаго строя. Таковы, и Марксъ, и Лассаль, и Прудонъ, и Чернышевскій. Но каково бы ни было значеніе Прудона, какъ мыслителя, его крупный талантъ не придаетъ никакой силы анархической теоріи по двумъ причинамъ. Во первыхъ счи-

гать Прудона анархистомъ въ строгомъ смыслѣ нѣтъ никакой возможности. Онъ правда самъ придаетъ себѣ эту кличку, но въ тоже время его произведенія богаты такими афоризмами, которые не только отмѣчены самымъ практическимъ здравымъ смысломъ, но вполнѣ годились бы для писателя консервативнаго лагеря. Такъ напр. Прудонъ очень зло насмѣхается надъ женскою эманципаціей и надъ поклоненіемъ всеобщей подачѣ голосовъ, какъ лучшему средству обезпечить политическую самостоятельность народныхъ массъ. Во вторыхъ Прудонъ, не смотря на всю поразительную силу своей аргументаціи писатель совершенно безплодный въ положительномъ смыслѣ. Онъ исключительно задается цѣлью доказать полную несостоятельность экономической науки, противопоставляя одни ея законы другимъ и какъ бы на жерновѣ перемалывая ихъ вмѣстѣ. Это умъ вполнѣ отрицательный, «ein Geist, der stets verneint», находящій какое то удовольствіе въ томъ, чтобы убѣдить и себя и другихъ въ безсиліи человѣческой мысли. Ни одна партія, въ томъ числѣ и анархистская, не можетъ опереться на высказанныя имъ положенія, за то каждая найдетъ въ нихъ доводы въ свою пользу. Такой писатель очевидно въ главы школы не годится.

Въ своей критикѣ существующаго порядка, какъ мы уже замѣтили выше, анархисты очень близко сходятся съ прочими соціалистическими школами. Вся ихъ оригинальность заключается въ отрицаніи государственнаго порядка. Ихъ исходная точка—полное неограниченное удовлетвореніе личныхъ потребностей и полная самостоятельность личной воли. Въ основѣ ихъ ученія лежитъ такимъ образомъ начало эгоизма, и логическій выводъ изъ этого положенія долженъ бы заключаться въ неограниченномъ проявленіи борьбы за существованіе, т. е. въ возвращеніи къ первобытному состоянію дикарей и къ господству кулачнаго права. Но такъ какъ въ то же время они отстаиваютъ и безусловную равноправность всѣхъ и каждаго, они ставятъ себя въ невозможность выпутаться изъ взаимнаго противорѣчія этихъ двухъ началъ. Полная необузданность личной воли совершенно не примирима съ признаніемъ непри-

косновенности чужихъ правъ. Выйти изъ этого затрудненія они пытаются двумя путями. Они полагаютъ, что прогрессъ въ умственномъ развитіи долженъ привести въ концѣ концевъ къ полному совпаденію эгоизма и альтруизма, т. е. къ такому положенію общества, при которомъ высшее удовлетвореніе личнаго счастія заключалось бы въ счастіи прочихъ людей. Такимъ образомъ соціальной реформѣ въ духѣ анархистовъ должно по необходимости предшествовать нравственное перерожденіе человѣчества, а такъ какъ на такое перерожденіе довольно трудно расчитывать въ ближайшемъ будущемъ, остается пока лишь выборъ между двумя діаметрально противоположными исходами—между полнымъ разложеніемъ общества, постоянною войною всѣхъ противъ каждаго и примѣненіемъ матеріальной силы къ принужденію строптивыхъ. Ни то, ни другое нельзя очевидно признать за серьезное рѣшеніе задачи; несомнѣнно однакожъ, что въ рѣчахъ анархистовъ, на сходкахъ и на конгрессахъ, а также въ газетахъ этого направленія встрѣчаются намеки на оба эти исхода. Есть впрочемъ и другой болѣе спокойный, хоть и столь же фантастическій путь, которымъ анархисты думаютъ вывести общество изъ его теперешняго несовершеннаго состоянія. Путь этотъ заключается въ замѣнѣ государства свободными союзами самостоятельныхъ общинъ; при этомъ функціи современнаго государства либо совершенно отпадаютъ—не будетъ уже ни арміи, ни флота, ни центральнаго управленія,—либо всецѣло переносятся на общину, какъ на простѣйшую соціальную ячейку, организованную разумѣется въ строго демократическомъ духѣ. Но если такъ, община становится въ свою очередь государствомъ и узелъ вопроса только перемѣщается. Всѣ затрудненія, съ которыми мы встрѣчались въ книгѣ Беллэми, неизбѣжно повторятся хотя и въ микроскопическихъ размѣрахъ. Къ нимъ присоединится вдобавокъ еще одно, притомъ крайне существенное. Каковы будутъ взаимныя отношенія будущихъ общинъ и кто сдѣлается рѣшителемъ ихъ споровъ? Надъ этимъ впрочемъ анархисты не задумываются и опять таки прибѣгаютъ либо къ утѣшительной мечтѣ о водвореніи вѣчнаго мира на землѣ, либо

къ предоставленію дѣла своему естественному ходу, т. е. къ перспективѣ нескончаемыхъ междоусобій. Мы не станемъ утруждать читателя подробнымъ разборомъ всѣхъ недоумѣній, возникающихъ на каждомъ шагу изъ такого состоянія всеобщей раздробленности. Какъ будутъ устроены пути сообщенія, международная торговля, денежное обращеніе? Каковы будутъ гражданскіе и уголовные законы и какъ станутъ жить люди, коль скоро черезъ каждыя двѣ—три версты всѣ эти условія жизни окажутся неодинаковыми? Задумываться надъ этими вопросами не стоитъ. Анархисты не дошли еще, да и врядъ ли когда нибудь дойдутъ до какого нибудь самостоятельнаго ученія. Переходя изъ области мечтаній къ дѣйствительности, они вынуждены заимствовать свои идеи у которой либо изъ прочихъ отраслей соціализма. Чего либо самостоятельнаго, чего либо похожаго на цѣлостное міросозерцаніе они пока еще не выработали.

XIV.

Обратимся теперь къ болѣе умѣреннымъ соціалистическимъ ученіямъ. Всѣ, кто сколько нибудь внимательно слѣдилъ за рабочимъ движеніемъ, не разъ, вѣроятно, были поражены довольно страннымъ противорѣчіемъ. Изъ всѣхъ видовъ собственности наиболѣе антипатичнымъ для соціалистовъ несомнѣнно должно быть землевладѣніе, во первыхъ потому что всякая форма частной собственности имѣетъ своимъ первымъ источникомъ владѣніе землею и потому во вторыхъ, что будучи ограничены въ своемъ размѣрѣ недвижимыя имущества всего менѣе доступны массамъ и вслѣдствіе того особенно ярко носятъ на себѣ характеръ монополіи. Въ дѣйствительности однако выходитъ какъ разъ наоборотъ. Правда, на всѣхъ соціалистическихъ конгрессахъ въ числѣ провозглашенныхъ резолюцій постоянно встрѣчалось признаніе земли всенародною собственностью. Тоже самое много разъ повторялось на всевозможныхъ революціонныхъ митингахъ. Но въ научныхъ трудахъ наиболѣе выдающихся изъ новѣйшихъ соціалистовъ, Маркса, Энгель-

са, Лассаля, Бухера, Родбертуса, при крайне желчномъ и враждебномъ настроеніи къ представителямъ движимаго капитала, почти совершенно отсутствуетъ вражда къ поземельной собственности.

И это еще не все. Не въ однихъ только ученыхъ трактатахъ, даже въ агитаціонныхъ рѣчахъ всѣхъ вождей нѣмецкаго соціализма, начиная Лассалемъ и кончая Бебелемъ и Либкнехтомъ, замѣтно такое же отсутствіе нападокъ на землевладѣніе. Происходитъ это вѣроятно отъ слѣдующихъ причинъ. Изъ двухъ главныхъ категорій рабочаго класса наиболѣе отзывчивыми на революціонную агитацію оказываются фабричные рабочіе, почему на нихъ и сосредоточиваются всѣ усилія коноводовъ движенія. Въ тоже время землевладѣльцы, какъ общественный классъ, находятся подъ гнетомъ капитализма почти въ одинаковой мѣрѣ съ рабочими. Страшная задолженность нѣмецкаго землевладѣнія дѣлаетъ изъ него не только данника, но и добычу капитала, а при извѣстной наклонности къ землѣ городскихъ богачей позволительно думать, что поземельный кредитъ, такъ сильно опутавшій сельскіе классы въ Германіи, не только финансовое, но и политическое орудіе въ рукахъ буржуазіи. Отсюда возникаетъ нѣкоторая, хотя и очень незначительная, солидарность между интересами землевладѣльцевъ и рабочихъ. Этой точки соприкосновенія оказалось впрочемъ достаточно для созданія цѣлой литературной, а потомъ и политической партіи, программа которой сводится къ союзу консерваторовъ съ соціалистами. Партія эта имѣетъ представителей во всѣхъ странахъ. Такіе видные дѣятели, какъ лордъ Рандольфъ Чёрчилль, графъ де Мёнъ, князь Алоисъ Лихтенштейнъ явно свидѣтельствуютъ о томъ что въ рядахъ самой высшей аристократіи имѣется наклонность кокетничать съ соціализмомъ, хотя быть можетъ и не совсѣмъ искренно. Нѣчто подобное можно пожалуй отыскать и у насъ, даже безъ особеннаго труда. Такимъ образомъ нѣкоторая сравнительная мягкость, выказанная соціалистами по отношенію къ землевладѣльцамъ, не осталась безъ результата и вызвала попытку отыскать почву для соглашенія между двумя классами, стоящими на проти-

воположныхъ концахъ общественной лѣстницы. Здѣсь однако мы на этомъ любопытномъ явленіи не остановимся, такъ какъ оно имѣетъ чисто политическую подкладку и потому къ разбираемому нами вопросу прямо не относится.

Соціалисты, которыхъ мы назвали умѣренными, отличаются отъ прочихъ двумя существенными признаками. Во первыхъ, они не взываютъ къ насильственнымъ мѣрамъ, надѣясь на осуществленіе своей программы мирнымъ путемъ литературной пропаганды и законодательныхъ реформъ. Въ этомъ заключается ихъ такъ сказать практическая умѣренность. Во вторыхъ, они не требуютъ полнаго упраздненія частной собственности, признавая необходимымъ лишь ограниченіе ея въ большей или меньшей степени. Затѣмъ смотря по тому, направляютъ ли они свою аргументацію главнымъ образомъ противъ капитала или противъ землевладѣнія или наконецъ одновременно противъ того и другаго, они распадаются на три группы. Главнымъ представителемъ первой былъ Лассаль. Ученіе второй всего ярче выразилось въ произведеніяхъ Генри Джорджа. Наконецъ третье имѣетъ своимъ наиболѣе типическимъ представителемъ Родбертуса. Аграрный соціализмъ мы пока оставимъ въ сторонѣ и займемся сперва ученіями Лассаля и Родбертуса, при чемъ и послѣдній изъ этихъ мыслителей, хотя онъ подвергаетъ такой же критикѣ поземельную ренту какъ и доходъ съ капитала, все таки не лишенъ нѣкотораго чувства снисхожденія, почти нѣжности къ классу землевладѣльцевъ.

О Лассалѣ мы здѣсь скажемъ всего нѣсколько словъ, во первыхъ потому, что онъ русскому читателю достаточно извѣстенъ, и потому во вторыхъ, что онъ былъ несомнѣнно болѣе агитаторомъ, чѣмъ теоретическимъ мыслителемъ. Какъ всѣ соціалисты безъ исключенія, онъ формулируетъ требованія, чтобы рабочему классу, какъ создателю всѣхъ цѣнностей, былъ предоставленъ весь продуктъ его труда. Но выражаетъ онъ это требованіе не какъ научную доктрину, а какъ постулатъ, основанный на справедливости. Онъ не пытается доказать подобно Марксу, что вся цѣнность сводится къ труду. Онъ ограничивается признаніемъ, что единственный источникъ накоп-

ленія богатствъ—физическій и умственный трудъ и что потому представители этого труда имѣютъ право на полное вознагражденіе («Der Arbeit ihr voller Ertrag»). Лассаль видитъ главнаго врага рабочаго не въ землевладѣльцѣ, а въ капиталистѣ вслѣдствіе того, что движимое богатство значительно превышаетъ въ настоящее время цѣнность и значеніе поземельной собственности. Онъ не видитъ подобно Марксу, въ капиталѣ и трудѣ отвлеченныхъ экономическихъ категорій. Онъ облекаетъ эти понятія въ плоть и кровь, олицетворяя ихъ въ поземельномъ дворянствѣ и въ промышленной буржуазіи. Побѣда второй надъ первымъ осуществлена давно—она была дѣломъ французской революціи—и потому съ нимъ, какъ съ умирающимъ, уже нечего бороться. Но захвативъ въ свои руки политическую власть, какъ средство обезпечить за собою имущественное превосходство, денежная буржуазія, этотъ отпрыскъ рабочаго класса, разорвала съ нимъ и обдѣлила его, забывъ о томъ, что онъ единственный создатель всѣхъ ея богатствъ и что ему же она обязана своею политическою побѣдою. Она обрекла его, разсматривая трудъ лишь какъ товаръ, подчиняться неумолимому закону предложенія и спроса, который по отношенію къ труду выражается такъ называемымъ желѣзнымъ закономъ рабочей платы (das eherne Lohngesetz). На признаніи этого закона безусловною нормою для рабочей платы, нормою, отъ которыхъ никакія старанія, никакая бережливость не могутъ освободить рабочаго, Лассаль и основываетъ все свое ученіе. Если дознано, говоритъ онъ, что естественная борьба противоположныхъ интересовъ не можетъ дать рабочему ничего кромѣ дневнаго пропитанія и нѣтъ у него средствъ подняться выше этого жалкаго и шаткаго уровня, то къ нему должна придти на помощь государственная власть. Она должна путемъ обширнаго примѣненія кредита снабдить рабочихъ капиталами и помочь имъ въ конкурренціи съ фабрикантами. Рабочія ассоціаціи, поддержанныя казеннымъ кредитомъ, всегда будутъ въ состояніи производить дешевле капиталистовъ и потому въ концѣ концовъ принудятъ частное производство сдаться на капитуляцію. Такимъ образомъ исходъ изъ соціаль-

ной борьбы Лассаль видитъ въ замѣнѣ частнаго производства ассоціаціоннымъ съ дѣлежемъ барышей между членами ассоціацій, сообразно качеству и количеству произведенной работы.

Какъ всѣ соціалистическія ученія, основанныя на началѣ пропорціональнаго дѣлежа продукта, теорія Лассаля при своемъ осуществленіи неминуемо должна привести къ возстановленію среди рабочаго класса того самаго имущественнаго неравенства, противъ котораго она направлена. Это мы уже говорили не разъ и настаивать на этомъ пока не станемъ, такъ какъ принципъ соразмѣрнаго дѣлежа не особенность одного только Лассаля, а характеристическая черта всѣхъ умѣренныхъ соціалистовъ. Мы къ этому принципу вернемся въ концѣ слѣдующей главы. Что же касается идей, отмѣтившихъ собою дѣятельность Лассаля и давшихъ исходный толчокъ современному рабочему движенію въ Германіи, то оцѣнка ихъ должна преимущественно касаться не теоретической ихъ подкладки, а ихъ примѣнимости на практикѣ. Хотя Лассаль обладалъ обширными научными познаніями и былъ авторомъ крупнаго ученаго изслѣдованія о вещномъ правѣ (System der erworbenen Rechte) его значеніе въ исторіи соціализма преимущественно активное. Онъ не оставилъ послѣ себя такого глубокаго слѣда въ литературѣ, какъ Марксъ и Родбертусъ, и свой громадный ораторскій талантъ главнымъ образомъ посвятилъ образованію политической рабочей партіи, которая, въ Германіи по крайней мѣрѣ, ему обязана своимъ возникновеніемъ. Въ наиболѣе выдающихся изъ своихъ рѣчей, среди которыхъ безспорно первое мѣсто занимаетъ его знаменитая рѣчь Берлинскимъ рабочимъ, сказанная въ 1862 г., онъ не имѣлъ ни возможности ни пожалуй охоты подвергать научныя основы своего ученія подробному анализу. Два своихъ главныхъ положенія, что трудъ производитель всѣхъ цѣнностей и что вознагражденіе этого труда ограничивается размѣрами содержанія рабочаго, ничего не оставляя ему въ видѣ избытка, онъ скорѣе обосновываетъ риторическими пріемами, чѣмъ научными доказательствами, ссылаясь при этомъ на авторитетныя имена Смита и Рикардо. Вотъ почему намъ здѣсь и не приходится подвер-

гать эти положенія критическому разбору. Что же касается главнаго политическаго постулата Лассаля,—оказанія помощи рабочимъ ассоціаціямъ средствами государственнаго кредита, то оспаривать эту мысль по существу едва ли приходится. Кредитъ вообще говоря чуждъ всякой партійности и въ каждомъ данномъ случаѣ примѣнимость его опредѣляется чисто финансовыми соображеніями. Но изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы государство не имѣло права и возможности помимо выгодности данной кредитной операціи принимать въ соображеніе политическія или соціальныя цѣли. Во первыхъ оно сплошь и рядомъ такъ бывало въ дѣйствительности. Въ каждомъ изъ европейскихъ государствъ казна не разъ приходила на помощь частнымъ кредитнымъ учрежденіямъ, близкимъ къ банкротству, и очевидно руководствовалась при этомъ не спекулятивными выгодами, а желаніемъ спасти отъ раззоренія частныхъ лицъ. Поземельный кредитъ, тамъ гдѣ онъ былъ организованъ не частными товариществами, а казною, всегда и вездѣ носилъ политическій характеръ, стремясь прійти на помощь тому или другому классу землевладѣльцевъ. Стоитъ припомнить въ этомъ отношеніи учрежденные у насъ крестьянскій и дворянскій банки, участіе государства въ выкупной операціи крестьянскихъ земель, наконецъ мораторіи т. е. пріостановки взысканій по поземельнымъ долгамъ, не разъ производившіяся въ Пруссіи и Австріи и т. д. Объясняется это двумя причинами. Во первыхъ государственный кредитъ настолько могущественнѣе частнаго, что въ состояніи вынести несравненно большее напряженіе, т. е. временно приносить въ жертву строго финансовый разсчетъ для достиженія крупныхъ соціальныхъ результатовъ. Во вторыхъ область государственнаго права тѣмъ и отличается отъ сферы чисто гражданскаго, что въ послѣдней исключительно проявляется соревнованіе частныхъ интересовъ, между тѣмъ какъ въ первой надъ этими интересами господствуетъ начало альтруизма т. е. забота о нуждахъ той или другой части населенія. Такимъ образомъ съ принципіальной точки зрѣнія противъ мысли Лассаля возражать нельзя. Пригодность ея можетъ въ каждомъ данномъ случаѣ

опредѣляться лишь практическими соображеніями, съ одной стороны выполнимостью операціи, такъ какъ нельзя навязывать имущественныя жертвы цѣлой массѣ плательщиковъ ради выгодъ одной какой нибудь ассоціаціи, съ другой большею или меньшею плодотворностью оказанной помощи для самихъ рабочихъ. И въ этихъ двухъ отношеніяхъ идея Лассаля наталкивается на возраженія очень серьезнаго свойства. Способность равноправныхъ ассоціацій съ выборными начальниками организовать и вести крупныя промышленныя предпріятія подвержена большому сомнѣнію. На практикѣ такія ассоціаціи возникали не часто, что впрочемъ при теперешнемъ экономическомъ строѣ вполнѣ естественно и въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ онѣ ликвидировали свои дѣла съ убыткомъ послѣ немногихъ лѣтъ. Въ то же время тѣ немногія изъ ассоціацій, которыя обнаружили устойчивость, тотчасъ преобразовывались въ обыкновенныя товарищества, нанимавшія вмѣсто себя простыхъ рабочихъ, коль скоро у нихъ появлялись сбереженія. Такимъ образомъ выборные руководители, не обладающіе достаточнымъ авторитетомъ, оказывались большею частію неумѣлыми въ веденіи дѣла. А естественная наклонность къ пріобрѣтенію барышей побуждало немногія ассоціаціи, достигшія успѣха, переходить къ обычному капиталистическому устройству. При такихъ условіяхъ, насколько по крайней мѣрѣ намъ можетъ служить указаніемъ опытъ, идея Лассаля едва ли имѣетъ будущность.

XV.

Нѣсколько подробнѣе мы остановимся на Родбертусѣ.

Какъ писатель, Родбертусъ представляетъ очень оригинальное явленіе. Оригиналенъ въ немъ и его умственный складъ, и судьба его произведеній. Мало замѣченный публикой въ первую эпоху своей дѣятельности несмотря даже на свое высокое общественное положеніе,—Родбертусъ былъ назначенъ въ 1849 г. прусскимъ министромъ земледѣлія—онъ за послѣднія 15 лѣтъ, т. е. почти наканунѣ своей смерти, пріобрѣлъ и

популярность и вліяніе. Замѣчательно въ немъ то въ особенности, что въ складѣ его мысли замѣтны два противоположныхъ теченія. По темпераменту онъ прежде всего консерваторъ и въ качествѣ государственнаго человѣка и сельскаго хозяина обладаетъ несомнѣнною тонкостью наблюденія и практическимъ чутьемъ. Какъ теоретическій мыслитель, онъ въ то же время рѣшительный соціалистъ. Эта двойственность вноситъ въ его ученіе скрытый внутренній разладъ и дѣлаетъ это ученіе чрезвычайно сложнымъ и затруднительнымъ для разбора. Такъ напр. въ одномъ изъ своихъ произведеній въ брошюрѣ о поземельномъ кредитѣ *) онъ выказываетъ большую заботливость объ интересахъ землевладѣнія. Напротивъ въ наиболѣе выдающейся изъ своихъ экономическихъ работъ, въ третьемъ письмѣ къ Кирхману, вошедшемъ въ составъ его книги «Zur Beleuchtung der sozialen Frage» онъ рѣшительный сторонникъ ученія Маркса, хотя оба они развивались совершенно независимо другъ отъ друга. Но и въ этой книгѣ, въ которой Родбертусъ высказывается за націонализацію земли и капитала, не разъ просвѣчиваетъ симпатія къ интересамъ землевладѣнія и на ряду съ отвлеченною логикою теоретика попадаются взгляды, почерпнутые не изъ теоріи, а изъ опыта трезваго, практическаго дѣятеля **).

Основное положеніе Родбертуса заключается въ томъ, что по мѣрѣ возвышенія продуктивности труда, доля продукта, идущая на удовлетвореніе рабочаго, постепенно сокращается (zweiter Brief an Kirchmann, стр. 37). Отсюда и возникаютъ два главныхъ болѣзненныхъ явленія современнаго экономическаго строя, пролетаріатъ съ одной стороны, промышленные кри-

*) См. Rodbertus, Zur Erklärung und Abhülfe der heutigen Kreditnoth des Grundbesitzes.

**) Особенно обращаемъ вниманіе читателя на два мѣста въ третьемъ письмѣ къ Кирхману (стр. 129 и стр. 160) гдѣ Родбертусъ прямо говоритъ, что неполное вознагражденіе рабочаго класса имѣетъ какъ бы фатальный характеръ и что въ этомъ явленіи поземельная собственность менѣе виновата, чѣмъ капиталъ. Крайне любопытно также его изложеніе хода развитія земледѣлія въ связи съ наростаніемъ ренты (стр. 252—269).

зисы съ другой. Понятно, говоритъ Родбертусъ, что рабочіе, доля участія которыхъ въ барышахъ становится все меньше, постепенно утрачиваютъ способность къ пріобрѣтенію созданныхъ ими товаровъ и что вслѣдствіе этого каждое усиленіе производства рискуетъ оставить значительную массу товаровъ вовсе безъ покупателей. Перепроизводство, на которое такъ часто слышатся жалобы, такимъ образомъ совершенно мнимое зло, объясняемое лишь ненормальнымъ распредѣленіемъ выручки. Въ сущности усиленіе продуктивности труда прямой выигрышъ и лишь благодаря систематическому обдѣленію рабочаго класса получается такое по истинѣ нелѣпое положеніе дѣлъ, что рынокъ отягощенъ излишнимъ товаромъ, а масса народа лишена возможности этимъ товаромъ пользоваться. Отрицать вѣрность этого положенія нельзя. Совершенно очевидно въ самомъ дѣлѣ, что рабочая плата, составляющая лишь часть рыночной цѣны продукта, не можетъ дать рабочимъ возможности явиться покупателями всей обращающейся въ странѣ совокупности товаровъ. И восполнить этотъ недочетъ не могутъ достаточные классы, потому что ихъ потребленіе не растяжимо до безконечности. Но уже здѣсь Родбертусъ упустилъ изъ виду одно очень существенное обстоятельство. Его мысль была бы вѣрна лишь въ томъ случаѣ, если бы всѣ продукты предназначались для одного рабочаго класса или, что все равно, если бы потребности всего населенія были одинаковы. Но въ томъ то и дѣло, что при существующей дифференціаціи имущественнаго положенія есть очень много фабрикатовъ, въ потребленіи которыхъ низшіе классы не участвуютъ. Все производство каждой страны можно представить себѣ какъ пирамиду, въ которой различные продукты возвышаются одинъ надъ другимъ въ постепенной градаціи, сокращаясь по размѣрамъ своего потребленія, хотя далеко не всегда по своей цѣнности. Каждому изъ этихъ разрядовъ продуктовъ соотвѣтствуетъ и опредѣленный классъ потребителей, причемъ самую вершину пирамиды занимаетъ тотъ классъ, который является покупателемъ всѣхъ безъ исключенія произведенныхъ цѣнностей, и затѣмъ каждый слѣдующій классъ, болѣе много-

численный по личному составу, менѣе разнообразитъ свое потребленіе, чѣмъ предыдущій. Низшіе классы, участвующіе съ цѣломъ производствѣ страны, могутъ такимъ образомъ использовать заработокъ, полученный за продукты, которыхъ они не потребляютъ, для пріобрѣтенія тѣхъ, которые имъ нужны. Естественный процессъ накопленія капиталовъ, увеличивая число достаточныхъ людей, постепенно расширяетъ потребленіе каждаго изъ отдѣльныхъ товаровъ, прежде доступныхъ лишь небольшому числу покупателей. Если производство растетъ равномѣрно съ этимъ процессомъ, оно находитъ для своихъ размножившихся продуктовъ и увеличившійся сбытъ. Въ этомъ и заключается здоровый экономическій прогрессъ. Промышленные кризисы, т. е. переполненіе рынка товаромъ, возникаетъ лишь оттого, что производство не всегда идетъ равнымъ шагомъ съ возростающею покупной силой. Оно зачастую опережаетъ послѣднюю, потому что въ производствѣ помѣщено больше капитала, чѣмъ сколько оставлено его для потребленія. Вотъ необходимая оговорка, которой Родбертусъ не сдѣлалъ и которая значительно ослабляетъ силу его основнаго положенія.

Существенное значеніе, говоритъ далѣе Рудбертусъ *), имѣетъ не то обстоятельство, сколько получаетъ рабочій мяса, хлѣба и т. д. въ вознагражденіе за свой трудъ, а какую долю изъ общей массы продукта это вознагражденіе составляетъ. Если стало быть продуктивность работы возросла, а заработокъ остался неизмѣннымъ, то нечего доказывать, что въ процентномъ отношеніи онъ понизился. Вся совокупность продуктовъ страны ничто иное, какъ результатъ потраченнаго на нихъ труда. Это тоже не подлежитъ сомнѣнію **). Родбертусъ не пытается даже этого доказать, принимаетъ это просто за аксіому: Da es kein Einkommen, говоритъ онъ, wenn nicht durch Arbeit hervorgebracht geben kann, so beruht die Rente auf zwei unumgänglichen Vorbedingungen. Erstens: es kann keine Rente geben, wenn nicht die Arbeit mehr hervorbringt, als wenigstens

*) Ibidem стр. 38.
**) Ibidem стр. 50.

zúr Fortsetzung der Arbeit für die Arbeiter erforderlich ist..... Zweitens: es kann keine Rente geben, wenn nicht Einrichtungen bestehen, die dies Plus ganz oder zum Theil den Arbeitern entziehen».

И такъ два условія вызываютъ образованіе ренты, т. е. дохода землевладѣльцевъ и капиталистовъ. Во первыхъ свойство человѣческаго труда производитъ больше, чѣмъ нужно для содержанія рабочаго, и во вторыхъ присвоеніе отдѣльными лицами въ собственность земли и капитала. Не будь перваго условія, не существовало бы никакой ренты, а при отсутствіи втораго весь продуктъ принадлежалъ бы производителю.

Говоря это, Родбертусъ вовсе не присоединяется къ ученію Рикардо и Лассаля, будто вознагражденіе за трудъ непремѣнно должно ограничиваться крайними потребностями рабочаго. Онъ прямо даже называетъ это ученіе унизительнымъ для труда (entehrender Begriff), видитъ въ немъ какъ бы отголосокъ эпохи рабства, когда на рабочаго смотрѣли какъ на машину, которую слѣдуетъ поддерживать съ возможно меньшими издержками. Каковъ бы ни былъ размѣръ его содержанія, рабочій не можетъ получить всего, что ему слѣдуетъ, какъ скоро изъ продуктовъ его труда удѣляютъ себѣ часть владѣльцы земли и капитала. Въ этомъ соціальномъ фактѣ заключается вся разгадка неправильнаго распредѣленія. Незачѣмъ, говоритъ Родбертусъ (стр. 50), отдѣльно разсматривать участниковъ въ этомъ распредѣленіи и старательно выводить законы образованія земельной ренты, процента съ капитала и рабочей платы изъ частныхъ отношеній отдѣльныхъ лицъ, какъ дѣлало это большинство экономистовъ. Все производство страны общій и нераздѣльный соціальный процессъ и весь его продуктъ надо разсматривать какъ нѣчто цѣлое, принадлежащее всему обществу въ совокупности. Распредѣленія этого продукта совершается не по волѣ частныхъ лицъ, не въ силу какихъ либо сдѣлокъ между землевладѣльцами и капиталистами съ одной стороны и рабочими съ другой, а благодаря общимъ законамъ, вытекающимъ изъ продуктивности труда и

изъ наличности владѣльцевъ капитала и земли. Законы эти и обусловливаютъ долю каждаго изъ участниковъ въ этомъ распредѣленіи.

И вотъ Родбертусъ пытается на основаніи этого начала цѣльности экономическаго процесса набросать цѣлую новую схему науки о народномъ хозяйствѣ.

Двумя исходными точками этой науки должны быть понятія о національномъ трудѣ и національномъ богатствѣ. То и другое должно представлять организованное цѣлое, отдѣльныя части котораго должны сообразоваться съ потребностями производства, мѣны и потребленія. При раціональномъ устройства общества земля и капиталъ принадлежали бы всей совокупности его членовъ, т. е. всему народу, и только ежегодная прибыль разверстывалась бы между отдѣльными лицами сообразно произведенной ими работѣ, *такъ что въ концѣ концовъ весь доходъ страны принадлежалъ бы тѣмъ, кто создалъ его своимъ трудомъ* *).

Вотъ до чего договаривается Родбертусъ. Какъ видитъ читатель, его ученіе сводится къ полной національзаціи земли и капитала, и въ этомъ смыслѣ онъ идетъ гораздо дальше Лассаля и Маркса. Конечно, онъ выражается сдержаннѣе ихъ; у него нѣтъ запальчиваго краснорѣчія перваго и ѣдкой злобы втораго: не даромъ же онъ былъ крупный землевладѣлецъ и прусскій министръ. Но все-таки Марксъ, хоть и признаетъ, что вся предпринимательская прибыль результатъ насилія надъ рабочимъ, извлеченіе выгодъ изъ неоплаченнаго труда, нигдѣ не высказывается прямо въ смыслѣ національзаціи собственности. А Лассаль не только не высказывается въ этомъ смыслѣ, онъ ограничиваетъ свои требованія помощью государства рабочимъ ассоціаціямъ.

Можно было бы такимъ образомъ необинуясь причислить Родбертуса къ коллективистамъ, видѣть въ немъ по крайней мѣрѣ явнаго приверженца ученія Маркса. Пусть однако читатель не спѣшитъ такимъ заключеніемъ. Оригинальнный умъ

*) Ibidem стр. 45.

Родбертуса не даетъ уловить себя въ какую нибудь опредѣленную рамку. Въ отношеніи ко всѣмъ тремъ основнымъ положеніямъ нѣмецкаго соціализма онъ совершенно расходится и съ Марксомъ и съ Лассалемъ. Его теорія цѣнностей ничего не имѣетъ общаго съ основнымъ положеніемъ «книги о капиталѣ». Мотивомъ каждой торговой сдѣлки, говоритъ Родбертусъ, служитъ то обстоятельство, что товары имѣютъ для разныхъ лицъ не одинаковую потребительную цѣнность. Другими словами каждый обмѣниваетъ свой товаръ на другой, потому что онъ предпочитаетъ послѣдній первому. Два эти различныя представленія о двухъ обмѣниваемыхъ товарахъ и приводятъ къ установленію мѣновой цѣнности, которая ничто иное, какъ результатъ уравновѣшенія различной оцѣнки потребительной цѣнности одного и того же товара. Если напр. продавецъ А. находитъ для себя выгоднымъ или удобнымъ пріобрѣсть вмѣсто своего товара иной, которымъ владѣетъ Б., соглашеніе между ними можетъ быть достигнуто, если у послѣдняго явится обратное представленіе *). При этомъ вовсе не требуется, чтобы затраты на каждый изъ обмѣниваемыхъ товаровъ были одинаковы. Конечно, въ объективномъ смыслѣ каждый обмѣнъ двухъ товаровъ будетъ соотвѣтствовать справедливости лишь въ случаѣ равноцѣнности этихъ затратъ. Стоитъ замѣтить мимоходомъ, что Родбертусъ постоянно говоритъ о затратахъ (Kosten), а не о количествѣ рабочаго времени, какъ это дѣлаетъ Марксъ. И онъ добавляетъ тутъ же, что на самомъ дѣлѣ такого равенства нѣтъ. Оно могло бы быть достигнуто лишь тогда, если бы каждый производилъ какъ разъ количество товаровъ, нужное тому лицу, которому онъ ихъ впослѣдствіи сбываетъ. На самомъ дѣлѣ такого полнаго равновѣсія въ производствѣ нѣтъ и быть не можетъ. Существуетъ конечно постоянное стремленіе къ такому равновѣсію, такъ какъ никто не желаетъ пріобрѣтать за свой товаръ продуктъ, стоившій его производителю меньшей затраты производительныхъ силъ. Но все-таки это не болѣе какъ стрем-

*) Ibidem стр. 64.

леніе, и жизнь отъ него постоянно уклоняется въ ту или другую сторону. Рикардо и его школа, правда, утверждаетъ, что цѣнность измѣряется количествомъ затраченной работы. Но это не болѣе какъ постулатъ, какъ идея высшей экономической справедливости, и Рикардо ошибается, утверждая, что идея эта уже осуществлена *).

Болѣе кореннаго разногласія кажется быть не можетъ. Но это еще не все. Мы видѣли уже, съ какимъ негодованіемъ Родбертусъ отвергаетъ такъ называемый желѣзный законъ рабочей платы, эту вторую изъ главныхъ основъ соціализма. Не менѣе рѣшительно отрицаетъ онъ и третій изъ главныхъ законовъ научнаго соціализма,—образованіе добавочной цѣнности. Совершенно также, какъ рыночная цѣнность является у него простымъ результатомъ состязаній между людьми, у которыхъ самооцѣнка одного и того же товара не одинакова, такъ у него рента не менѣе естественное послѣдствіе историческаго факта, вынуждающаго рабочаго отдавать часть продукта своимъ двумъ конкуррентамъ или, что все равно, уступать имъ за опредѣленную плату свой трудъ. Большая продуктивность работы, вызванная примѣненіемъ капитала и лучшей организаціей труда не только не побуждаетъ Родбертуса ополчаться противъ этого явленія, какъ дѣлаетъ это Марксъ, но признается имъ чѣмъ то совершенно естественнымъ и законнымъ, какъ необходимое условіе экономическаго прогресса. Не въ растущей продуктивности труда онъ видитъ корень существующаго зла; напротивъ онъ вполнѣ допускаетъ, что этотъ процессъ идетъ на пользу массы населенія и возстаетъ лишь противъ несоразмѣрной доли рабочаго въ барышахъ производства. Наконецъ онъ дѣлаетъ еще одно, чрезвычайно значительное признаніе. Онъ говоритъ, необинуясь, что умственный трудъ предпринимателя, руководящаго производствомъ, имѣетъ полное право на вознагражденіе**). Такимъ образомъ Родбертусъ въ концѣ концовъ въ своемъ опредѣленіи цѣнности

*) Ibidem стр. 68—69.
**) Ibidem стр. 219.

является рѣшительнымъ сторонникомъ доктрины такъ называемой правовѣрной экономической науки, главное положеніе которой и заключается въ томъ, что цѣнность зависитъ не отъ производства, а отъ мѣны, т. е. отъ взаимнаго соотвѣтствія предложенія и спроса. Но едва ли не самое коренное отличіе Родбертуса отъ Маркса и Лассаля заключается въ томъ, что, въ концѣ концевъ, пересозданіе общества, въ смыслѣ большей справедливости распредѣленія, онъ считаетъ лишь идеаломъ отдаленнаго будущаго. На самой послѣдней страницѣ своей книги онъ рѣшительно признаетъ, что въ настоящее время для коренной реформы соціальнаго устройства время еще не приспѣло и что надо пока ограничиться частичными мѣрами, направленными къ улучшенію быта рабочаго класса (стр. 330).

Вернемся однако къ дальнѣйшему изложенію взглядовъ нѣмецкаго экономиста. Родбертусъ придаетъ слову «рента» не тотъ смыслъ, который ему обыкновенно присваивается въ наукѣ, а подразумѣваетъ подъ этимъ терминомъ всю сумму барышей, идущихъ на пользу землевладѣльца и капиталиста. Рикардо уже сказалъ, что на обыденномъ языкѣ рентою называется безразлично и прибыль съ капитала, и арендная плата за землю *). Но въ своемъ ученіи онъ не придерживается этой терминологіи, опредѣляя ренту въ тѣсномъ смыслѣ какъ «ту долю произведеній земли, которая вознаграждаетъ землевладѣльца за право использованія его земли и заключающихся въ ней производительныхъ силъ». Можно было бы пожалуй не останавливаться на болѣе широкомъ значеніи, какое рентѣ придаетъ Родбертусъ, такъ какъ онъ затѣмъ тотчасъ подраздѣляетъ ее на ренту поземельную и на доходъ съ капитала, вполнѣ сознавая коренное различіе этихъ двухъ видовъ прибыли. Но дѣло въ томъ, что опредѣленіе Родбертуса находится въ тѣсной связи съ его представленіемъ о производствѣ какъ о нераздѣльномъ процессѣ, въ которомъ размѣры долей соучастниковъ зависятъ не отъ степени продуктивности, а лишь

*) D. Ricardo, Principes de l'économie politique стр. 39.

отъ способа распредѣленія *). Родбертусъ утверждаетъ неоднократно, что на рынокъ поступаютъ лишь товары въ обработанномъ видѣ, т. е. прошедшіе черезъ двѣ стадіи производства—земледѣльческую, доставляющую сырой продуктъ, и промышленную—дѣлающую его годнымъ на потребленіе. Сообразно съ этимъ въ мѣновой цѣнности всегда содержится и доходъ землевладѣльца и барышъ фабриканта, другими словами поземельная рента и процентъ съ затраченнаго капитала. Существенное различіе между этими двумя видами дохода заключается, по его мнѣнію въ томъ, что промышленникъ всегда долженъ оплачивать сырой продуктъ. т. е. земельную ренту, между тѣмъ какъ поземельный собственникъ дѣлится только съ рабочимъ, ничего не уступая капиталисту, такъ какъ земля сама по себѣ капитала не представляетъ, если только она не была пріобрѣтена кѣмъ либо за опредѣленную сумму. Но и въ этомъ случаѣ цѣнность земли не есть нѣчто данное, а является лишь капитализованною рентою, т. е. переложеніемъ на пониженную собственность существующаго въ данный моментъ размѣра процента съ капитала, или что тоже банковаго учета **) Это положеніе Родбертуса, въ которомъ совершенно правильные взгляды страннымъ образомъ переплетаются съ ошибочными представленіями, служитъ ему главнымъ основаніемъ для опроверженія знаменитаго ученія о рентѣ Рикардо. Родбертусъ очевидно вполнѣ отождествляетъ производство сырья съ земледѣліемъ, обработку этого сырья съ промышленностью и экономическія понятія о землѣ и капиталѣ съ двумя общественными классами землевладѣльцевъ и промышленниковъ. На самомъ дѣлѣ это далеко не такъ. Во первыхъ совершенно несправедливо, будто на рынокъ никогда не поступаютъ сырые продукты въ необработанномъ видѣ. Плоды, овощи, мясо, яйца и молоко—продукты необработанные и тѣмъ не менѣе потребляемые непосредственно и стало быть обладающіе мѣновою цѣнностью. Во вторыхъ, въ производствѣ сырья не только по-

*) Rodbertus, Zur Beleuchtung der Sozialen Frage. стр. 112.
**) Ibid. стр. 182.

стоянно участвуетъ капиталъ, даже при самой низкой степени обработки, такъ какъ рабочій инвентарь и постройки несомнѣнно представляютъ собою капиталъ, но самъ землевладѣлецъ является зачастую и промышленникомъ, подвергающимъ свое сырье переработкѣ, какъ это мы видимъ при сыроваренiи, при мукомольномъ, свеклосахарномъ, винокуренномъ производствѣ и т. д. Наконецъ, въ поземельную собственность вложено сверхъ того очень много капитала въ формѣ земельнаго кредита. Такимъ образомъ при реализацiи сырья всегда заключается въ большей или меньшей степени процентъ съ капитала.

Ученiе Родбертуса въ сущности сводится къ теорiи распредѣленiя. Въ этомъ вся его оригинальность, все его отличiе отъ другихъ ученiй, правовѣрныхъ или соцiалистическихъ, полагающихъ всю суть дѣла въ процессахъ мѣны или производства. Доля каждаго изъ соучастниковъ въ дѣлежѣ продукта, говоритъ Родбертусъ, можетъ возрастать только на счетъ долей другихъ участниковъ *). Если возрастаетъ поземельная рента и одновременно съ нею доходъ съ капитала или хотя бы только одинъ изъ двухъ этихъ видовъ дохода, но безъ соотвѣтствующаго уменьшенiя другаго, такое повышенiе можетъ происходить лишь на счетъ рабочей платы**). Первоначальный дѣлежъ всегда происходитъ между заработкомъ съ одной стороны и всею совокупностью ренты съ другой. Очевидно, что въ процентномъ отношенiи каждая изъ этихъ долей можетъ возрастать только при соотвѣтствующемъ уменьшенiи другой. Отсюда ясно, что всякое увеличенiе продуктивности труда либо относительно сыраго продукта, либо относительно фабричнаго равносильно пониженiю уровня рабочей платы, хотя бы въ абсолютномъ смыслѣ она осталась безъ измѣненiя. Но какъ происходитъ затѣмъ вторичный дѣлежъ ренты между двумя ея участниками, землевладѣльцемъ и капиталистомъ, производителемъ сырья и фабрикантомъ—мы уже

*) Ibid. стр. 56—57.

**) Ibidem стр. 58—59.

знаемъ, что по мнѣнію Родбертуса, эти двѣ категоріи понятій совпадаютъ—каковъ законъ колебаній поземельной ренты и процента съ капитала?

Отвѣчая на этотъ вопросъ, Родбертусъ вполнѣ вѣрно оцѣнилъ различіе поземельной ренты вообще отъ арендной платы за землю и параллельно этому предпринимательскаго барыша отъ процента съ капитала. И арендная плата и процентъ ничто иное, какъ то вознагражденіе, какое землевладѣлецъ и капиталистъ получаютъ, одинъ за свою землю, другой за свой капиталъ, уступивъ пользованіе ими иному лицу. Вотъ почему нечего задаваться вопросомъ о законности того и другого, какъ скоро признана законность ренты вообще. Настоящій узелъ вопроса не въ отношеніяхъ арендатора къ землевладѣльцу и заемщика къ капиталисту, а въ отношеніи тѣхъ и другихъ, къ рабочему *). Какъ же стало быть отразится на заработкѣ послѣдняго возрастаніе продуктивности земель съ одной стороны, промышленнаго производства съ другой и каково взаимное соотношеніе обоихъ этихъ процессовъ?

Увеличеніе продуктивности труда можетъ происходить отъ двухъ причинъ — отъ размноженія числа рабочихъ вслѣдствіе прироста населенія и отъ усиленія производительности каждой единицы рабочаго времени. Если въ первомъ случаѣ продуктивность работы и плата за нее останутся прежними, то въ капиталистическомъ производствѣ никакого измѣненія не произойдетъ. Получится большая масса продуктовъ, но потребуется и большая затрата капитала и большій расходъ на содержаніе рабочихъ. Барышъ капиталиста останется безъ измѣненія. Не то произойдетъ съ земледѣліемъ. Здѣсь, благодаря неизмѣнности обработываемой площади, избытокъ рабочихъ рукъ не найдетъ себѣ примѣненія, но за то возросшее число потребителей погонитъ въ гору цѣны на сырье, и барышъ землевладѣльца очевидно возрастетъ. Если наоборотъ возросло не число рабочихъ, а только продуктивность труда или то и другое вмѣстѣ, то въ обоихъ видахъ производства заработокъ обра-

*) Ibid. стр. 174.

зуетъ меньшую долю прибыли и одновременно возрастетъ и доходъ землевладѣльца и капиталиста. Но такъ какъ и въ этомъ случаѣ затраченный капиталъ возрастетъ, а земельная площадь не измѣнится, землевладѣлецъ окажется въ большемъ выигрышѣ, чѣмъ капиталистъ. Въ концѣ концовъ, такъ какъ всякое усиленіе продуктивности обработывающаго производства не можетъ произойти безъ увеличенія капитала, доходъ капиталиста можетъ возрастать только въ валовыхъ цифрахъ общей выручки, но въ процентномъ отношеніи къ суммѣ капитала онъ постепенно понижается. Наоборотъ, благодаря неподвижности земельной площади и болѣе слабому возрастанію производительности почвы въ сравненіи съ успѣхами фабричнаго производства, поземельная рента должна расти быстрѣе процента съ капитала и въ особенности быстрѣе продуктивности земледѣлія *). Если возрастаютъ и земельныя цѣны, то это вовсе не можетъ быть приравнено къ росту капитала, такъ какъ послѣдній увеличивается реально въ самой своей массѣ, между тѣмъ какъ болѣе высокая цѣна на землю вызывается лишь капитализаціей увеличенной ренты **). Притомъ эта капитализація расчитывается изъ процента постоянно уменьшающагося. Такимъ образомъ сравнительному, хотя и не абсолютному пониженію доходности капитала соотвѣтствуетъ такое же сравнительное возрастаніе ренты, какъ разъ благодаря тому, что масса промышленныхъ продуктовъ увеличивается быстрѣе массы продуктовъ земледѣлія. Приростъ населенія въ концѣ концевъ является главною причиною повышенія земельной ренты и соотвѣтственно тому пониженія сравнительнаго уровня рабочей платы ***).

Въ своемъ изложеніи закона о возрастаніи поземельной ренты Родбертусъ пришелъ къ отрицанію знаменитаго ученія Рикардо. Напомнимъ вкратцѣ главныя черты этого ученія ****).

---

*) Ibid. стр. 201, стр. 207—209.

**) Ibidem. стр. 182, 185.

***) Ibid. стр. 224—225.

****) См. Рикардо, стр. 38 ss.

При первоначальной распашкѣ никѣмъ незанятыхъ земель, говоритъ Рикардо, никакой ренты быть не можетъ, такъ какъ земля находится въ избыткѣ, и никто не заплатитъ ея владѣльцу чего либо за пользованіе ею, какъ не платитъ никто за пользованіе воздухомъ и водою. По мѣрѣ заселенія страны разработываются всѣ плодородныя земли, но ренты все еще нѣтъ, а есть лишь доходъ съ затраченнаго капитала. Тогда только возникаетъ рента, когда возрастаніе хлѣбныхъ цѣнъ побуждаетъ обратиться къ распашкѣ менѣе производительныхъ земель, т. е. когда эти земли начинаютъ оплачивать расходы на производство и процентъ съ капитала. Весь тотъ избытокъ дохода, который даютъ при этомъ болѣе плодородныя земли, и составляетъ ренту. По мѣрѣ того, какъ плугъ захватываетъ земли все худшаго качества, рента возрастаетъ. Тоже происходитъ и при усиленіи продуктивности различныхъ земельныхъ участковъ благодаря затраченному на нихъ капиталу, такъ какъ никто не станетъ помѣщать своего капитала въ земледѣліе, получая съ него меньшій процентъ, чѣмъ существующій на рынкѣ. Рента получится лишь при тѣхъ затратахъ, которыя возвысятъ доходность въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ высота процента въ данный моментъ. А такъ какъ всякое новое улучшеніе въ сельскомъ хозяйствѣ, т. е. всякая новая затрата капитала на этотъ предметъ, обыкновенно возвышаетъ доходность въ меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ то было съ первыми затратами, то здѣсь повторится тоже, что происходитъ благодаря распашкѣ земель худшаго качества: рента съ участковъ, на которые были произведены первые затраты, будетъ постепенно расти *).

Родбертусъ въ своей критикѣ теоріи Рикардо совершенно отрицаетъ самый фактъ постепеннаго перехода отъ лучшихъ земель къ землямъ низшаго качества. Исторія развитія земледѣлія, говоритъ онъ, показываетъ, что сплошь и рядомъ самыя плодородныя земли очень долго остаются внѣ культуры.

*) Въ экономической литературѣ почему то утвердилось мнѣніе, будто Рикардо приравниваетъ къ землямъ худшаго качества мѣстности, болѣе удаленныя отъ рынковъ. Но высказалъ это въ самомъ дѣлѣ не Рикардо, а нѣмецкій экономистъ Тюненъ.

Да и по настоящее время такихъ земель очень много не только въ Америкѣ и Россіи, но и въ самой Германіи. Постепенное расширеніе запашекъ сообразуется не съ качествами почвы, а съ большими или меньшими удобствами для производства сельскохозяйственныхъ работъ, т. е. степенью отдаленности отъ населенныхъ мѣстъ и съ сравнительною легкостью обработки. Совершенно невѣрно, по его мнѣнію, будто производительность новыхъ почвъ идетъ, постоянно понижаясь, и стало быть, что рента возникаетъ благодаря различію въ производительности старыхъ и новыхъ земель *). При возникновеніи ренты, не можетъ быть и рѣчи о какомъ либо вознагражденіи за помѣщенный въ землю капиталъ. Во первыхъ въ странахъ, гдѣ земледѣльческая культура началась недавно, никакой затраты капитала при обработкѣ земли нѣтъ вовсе: капиталъ не можетъ затрачиваться тамъ гдѣ онъ не успѣлъ еще накопиться. Во вторыхъ какъ скоро производительность страны оплачиваетъ произведенныя затраты эта земля приноситъ уже ренту**). На этой послѣдней мысли Родбертусъ особенно настаиваетъ, повторяя ее нѣсколько разъ въ своей книгѣ. Здѣсь однако мы имѣемъ дѣло съ очевиднымъ недоразумѣніемъ. Если въ самомъ дѣлѣ доходъ съ даннаго участка земли только покрываетъ всѣ затраты владѣльцу его не остается никакой чистой прибыли, нѣтъ стало быть и ренты. Зато такъ какъ затраты обнимаютъ собою сверхъ платы рабочимъ и погашеніе капитала, содержащагося въ постройкахъ и въ инвентарѣ, а то и другое необходимо при самомъ первобытномъ хозяйствѣ, валовой доходъ долженъ по необходимости содержать въ себѣ нѣкоторую часть, идущую на такое погашеніе. Отрицать это нѣтъ возможности, если только мы станемъ придавать экономическимъ терминамъ ихъ общепринятый, а не какой нибудь условный необычайный смыслъ.

Помимо этого возраженія мы не можемъ не присоединиться къ критикѣ нѣмецкаго экономиста. Мы ее допол-

*) Rodbertus, Zur Beleuchtung etc. стр. 101.

**) Ibidem стр. 56—57, 156—157 и 210.

нимъ даже еще однимъ лишнимъ доводомъ. Говоря, что переходъ къ землямъ менѣе плодороднымъ создаетъ ренту, потому что въ каждый данный моментъ возможна культура лишь тѣхъ земель, которыя оплачиваютъ всѣ произведенные расходы и стало быть тѣ земли, гдѣ сверхъ этихъ расходовъ получается еще избытокъ, тѣмъ самымъ приносятъ ренту,—говоря это, Рикардо едва ли не принимаетъ послѣдствіе за причину. Отчего въ самомъ дѣлѣ ренты нѣтъ вовсе при избыткѣ свободныхъ земель, какова бы ни была ихъ производительность? Потому, что нѣтъ достаточнаго числа потребителей и земледѣльцы вынуждены работать только на себя. Какъ скоро размножается населеніе, не производящее сельскихъ продуктовъ, земля уже можетъ разработываться съ цѣлью сбыта и чѣмъ болѣе растетъ населенность, тѣмъ выгоднѣе земледѣліе, потому что тѣмъ выше хлѣбныя цѣны. Этотъ подъемъ цѣнъ, вызванный приростомъ населенія, и даетъ возможность обращаться къ культурѣ земель менѣе производительныхъ, или болѣе отдаленныхъ, и стало быть не распашка этихъ земель создаетъ ренту, какъ утверждаетъ Рикардо, а наоборотъ, имѣющаяся уже рента вызываетъ ихъ распашку. Примѣръ, какъ расширяется обработываемая площадь подъ вліяніемъ роста хлѣбныхъ цѣнъ, мы недавно имѣли у себя въ черноземной полосѣ, когда стали проникать туда желѣзныя дороги.

Но обратимся теперь къ оцѣнкѣ теоріи самаго Родбертуса. Утверждая, что при распредѣленіи продукта доля ренты можетъ возрастать лишь на счетъ заработка и наоборотъ, Родбертусъ отчасти впадаетъ въ ошибку свойственную всѣмъ почти соціалистамъ, ошибку, состоящую въ томъ, что вся масса продуктовъ страны представляется имъ какъ величина неизмѣнная и что потому всякое возвышеніе барыша одного изъ участниковъ, можетъ происходить лишь въ ущербъ остальнымъ. Родбертусъ былъ однако умомъ слишкомъ трезвымъ и честнымъ, чтобы допустить такое грубое и тенденціозное искаженіе истины. Онъ допускаетъ, что продуктъ можетъ возрастать и что поэтому барышъ землевладѣльца и капиталиста и даже рабочая плата могутъ одновременно увеличиваться абсолютно

и несправедливость по отношенію къ рабочему онъ усматриваетъ въ томъ лишь, что заработокъ понижается относительно, т. е. въ процентной долѣ къ общей цѣнности продукта. Но и въ этой смягченной формѣ его критика существующихъ порядковъ упускаетъ изъ виду два очень существенныхъ обстоятельства. Вопервыхъ, если одна и таже единица рабочаго времени въ одномъ случаѣ даетъ большее количество продуктовъ, чѣмъ въ другомъ, а заработокъ при этомъ остается неизмѣннымъ, никакого ущерба для рабочихъ отсюда всетаки не вытекаетъ. Рабочій не можетъ жаловаться на то, что при усиленіи производительности его труда возвысился барышъ капиталиста или землевладѣльца, такъ какъ интензивность этого труда нисколько не измѣнилась, а неизбѣжное удешевленіе продуктовъ идетъ прямо ему на пользу, усиливая покупную способность его заработка. Увеличеніе урожайности земли съ одной стороны, мануфактурнаго производства съ другой, при равныхъ прочихъ обстоятельствахъ, неизбѣжно удешевляетъ всѣ товары, и сырые и обработанные, и увеличенный барышъ землевладѣльца и капиталиста зависитъ лишь отъ возрастанія продуктивности земли и фабричнаго производства, а не отъ большой дороговизны каждой единицы произведеннаго товара. Мы знаемъ уже, что въ обрабатывающей промышленности не только понижаются поштучныя цѣны, но и самый процентъ съ капитала; и если общая выручка цѣлаго фабричнаго производства всетаки растетъ, то происходитъ это потому лишь, что накопленіе капитала идетъ быстрѣе пониженія процента. Въ земледѣліи это явленіе, правда, повторяется далеко не всегда: продукты его могутъ рости не только въ своей массѣ, но и въ своей цѣнѣ, если только этотъ ростъ отстаетъ отъ увеличенія числа потребителей. Но здѣсь мы имѣемъ очевидно дѣло уже не съ вопросами производства и распредѣленія, а съ процессомъ мѣны, регулируемымъ возвышеніемъ спроса, благодаря приросту населенія. Что заработокъ тутъ не причемъ, т. е. что онъ ничуть не зависитъ отъ продуктивности труда и въ тоже время нисколько не вліяетъ на цѣну продукта, мы видимъ изъ одного общеизвѣстнаго факта. Въ странахъ мало

населенныхъ, гдѣ стало быть хлѣбныя цѣны сравнительно низки, заработная плата обыкновенно очень высока, потому что рабочія руки берутся землевладѣльцами на расхватъ. Не говоря уже объ Америкѣ, гдѣ земледѣльческій трудъ сильно оплаченъ, въ нашихъ степныхъ губерніяхъ мало мальски хорошій урожай вызываетъ подъемъ рабочей платы на уборку полей. Несправедливо также будто продуктивность земледѣлія можетъ возрастать при одинаковой затратѣ труда. Не стоитъ доказывать, что при болѣе сильномъ урожаѣ требуется и большее число рукъ на его уборку.

Во вторыхъ, Родбертусъ совершенно напрасно приписываетъ труду возрастаніе продуктивности. Въ большинствѣ случаевъ трудъ здѣсь рѣшительно не при чемъ. При одинаковой затратѣ силъ заурядными рабочими увеличеніе продуктивности и въ земледѣліи и въ промышленности вызывается либо тѣмъ, что примѣнены болѣе удачные способы обработки, лучшія машины, усовершенствованный инвентарь, живой и мертвый, большее количество удобренія, либо тѣмъ, что организація дѣла стала раціональнѣе, другимъ словами, что затрачено больше капитала, денежнаго или умственнаго. А вознаграждать за это рабочаго нѣтъ, казалось бы, основанія. Тамъ, гдѣ увеличенная продуктивность въ самомъ дѣлѣ зависитъ отъ большей умѣлости рабочаго (skilld labour), т. е. при квалифицированномъ трудѣ, и заработокъ всегда значительно выше.

Мы сдѣлаемъ Родбертусу еще одно возраженіе. Въ своей книгѣ онъ постоянно смѣшиваетъ двѣ стороны продуктивности, количество произведенныхъ товаровъ и ихъ рыночную цѣнность. Въ самомъ дѣлѣ барышъ и землевладѣльца и промышленника вовсе не измѣряются одною массою полученныхъ продуктовъ. Такъ было бы въ томъ случаѣ, если бы вся масса продуктовъ шла на личное потребленіе. Но такъ какъ въ настоящее время цѣлью всякаго производства есть мѣна, то барышъ опредѣляется лишь количествомъ товаровъ, полученныхъ въ обмѣнъ за свои. А это въ свою очередь зависитъ отъ рыночной цѣнности тѣхъ и другихъ, т. е. отъ соотношенія ихъ съ опредѣленною денежною единицей.

Такимъ образомъ одинъ и тотъ же заработокъ можетъ съ точки зрѣнія потребленія рабочаго, которое и есть конечная цѣль труда, обладать совершенно различною покупною способностью. Мы видѣли уже, что положительная сторона ученія Родбертуса сводится къ націонализаціи земли и капитала и что личную собственность онъ допускаетъ лишь въ формѣ выручки за трудъ, притомъ сообразно продуктивности этого труда. Нечего и говорить, что Родбертусъ, какъ и всѣ прочіе соціалисты, оставляетъ насъ въ неизвѣстности относительно способа осуществленія этой программы. Такимъ образомъ въ этой части своего ученія онъ ускользаетъ отъ нашей критики. Намъ остается одно лишь—это спросить у себя насколько такая націонализація совмѣстима съ пропорціональнымъ вознагражденіемъ рабочаго. Вспомнимъ, что Родбертусъ во первыхъ допускаетъ право умственнаго труда на соразмѣрную долю въ барышахъ и что онъ нигдѣ не высказывается, какъ дѣлаетъ это Марксъ, въ пользу такого первобытнаго экономическаго строя, при которомъ всякій потреблялъ бы лишь то, что производитъ самъ. Онъ заходитъ въ этомъ даже такъ далеко, что совершенно игнорируетъ существованіе многочисленнаго класса земледѣльцевъ, работающихъ на себя и потому не подчиняющихся распредѣленію, такъ какъ они совмѣщаютъ въ себѣ землевладѣльца, капиталиста и рабочаго. При такихъ условіяхъ задача будущаго преобразованія становится особенно трудною. Въ самомъ дѣлѣ крупное производство, веденное государствомъ, еще болѣе неустойчиво при началѣ пропорціональнаго вознагражденія, чѣмъ при равномѣрномъ дѣлежѣ выручки. Открывая такой клапанъ для развитія имущественнаго неравенства, соціалисты умѣренной школы не могутъ помѣшать возстановленію порядковъ, очень близкихъ къ современнымъ. Нельзя тѣшиться мыслью, будто организація, установленная закономъ, сама по себѣ незыблема,хотя бы она не соотвѣтствовала естественнымъ наклонностямъ людей. А ко всѣмъ поводамъ къ ниспроверженію соціалистическаго государства, ко всѣмъ способамъ достигнуть такого ниспроверженія, какія мы подмѣтили въ государствѣ Белльэми, прибавится въ государствѣ Родбертуса еще одинъ—иму-

щественное неравенство, дающее средства и для борьбы и для подкупа. И такъ соціалисты всѣхъ оттѣнковъ осуждены вращаться въ роковой диллеммѣ и выбирать они могутъ лишь между деспотизмомъ съ одной стороны и неустойчивостью съ другой.

XVI.

Несмотря на то, что соціалисты гораздо менѣе ожесточены противъ землевладѣнія, чѣмъ противъ капитала, опасность грозитъ первому въ большей степени, чѣмъ второму. Это кажущееся противорѣчіе объясняется цѣлымъ рядомъ причинъ, довольно сложныхъ по своему характеру. Уже одно то обстоятельство, что землею, строго говоря, овладѣть нельзя, что невозможно ее держать механически въ рукахъ какъ любую движимость, придаетъ исключительному праву на владѣніе ею что то не вполнѣ осязательное и реальное. Въ основаніи всякаго права лежитъ личная воля человѣка, находящая себѣ границы въ волѣ прочихъ людей и въ естественныхъ условіяхъ природы. Это давно выяснилъ Іерингъ въ своемъ знаменитомъ введеніи къ «Духу римскаго права». Понятно, что, чѣмъ легче осуществить такую волю, т. е. чѣмъ опредѣленнѣе и конкретнѣе объектъ даннаго права и чѣмъ удобнѣе его защитить отъ посторонняго посягательства, тѣмъ быстрѣе устанавливается и понятіе о такомъ правѣ. Для того, чтобы распространить такое понятіе на фактѣ исключительнаго владѣнія участкомъ земной поверхности, понадобился довольно сложный и притомъ отвлеченный умственный процессъ, а, главное, понадобилось много усилій для защиты отъ постороннихъ нападеній. Въ самомъ дѣлѣ недвижимая собственность, несмотря на всю свою кажущуюся прочность, наименѣе устойчивая изъ всѣхъ, потому что ее оградить всего труднѣе. Голый фактъ владѣнія, фактъ при томъ безсознательный, могъ просуществовать многія столѣтія, не превратившись въ право, т. е. не будучи ни ясно формулированъ обладателемъ земли, ни признанъ его сосѣдями. На то и на другое потребовалась вопервыхъ значительная густота

населенія, при которой земля получила цѣнность и стало необходимымъ опредѣлить границы каждому ея участку, и во вторыхъ цѣлый рядъ споровъ между семьями и племенами, расположившимися въ сосѣдствѣ другъ съ другомъ.

Какъ видно, при своемъ появленіи на свѣтъ право поземельной собственности прошло черезъ очень тяжелые роды. Но постоянно возобновлявшаяся борьба за обладаніе землей не только усложнила процессъ образованія этого права, она придала ему нѣкоторую незаконность, связавъ его зарожденіе съ цѣлымъ рядомъ послѣдовательныхъ насилій. Все это вмѣстѣ взятое придаетъ недвижимой собственности какой то спорный характеръ, т. е. создаетъ представленіе о ней какъ о той формѣ права, которая всего легче можетъ быть подвергнута сомнѣнію. И эта теоретическая шаткость поземельной собственности вполнѣ подверждается ея фактической исторіей. Ни на одну изъ категорій правъ государственная власть не налагала такъ часто руку и притомъ во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, неограниченная власть восточныхъ деспотовъ не менѣе, чѣмъ муниципальныя власти классическаго Рима, указы государей XVII и XVIII в. въ одинаковой степени съ распоряженіями французскаго Національнаго Конвента. Причина этому двоякая. Съ одной стороны тутъ дѣйствовала меньшая осязательность земельныхъ правъ въ сравненіи съ остальными, съ другой крайняя важность и драгоцѣнность землевладѣнія съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ. Самый контрастъ между неподвижностью земли и постояннымъ ростомъ населенія вызывала у государственныхъ людей всѣхъ временъ особенную заботливость о распредѣленіи земли, этого достоянія не только теперешнихъ ея владѣльцевъ, но и всѣхъ будущихъ поколѣній. Вотъ почему всѣ болѣе или менѣе удачныя попытки установить коллективную собственность постоянно носили аграрный характеръ. Вотъ почему также происходитъ на нашихъ глазахъ крайне любопытное явленіе. Если заправскіе соціалисты нѣсколько сдержаннѣе относятся къ землевладѣнію, чѣмъ къ капиталу, то наоборотъ всѣ реформаторы, выступающіе подъ государственнымъ флагомъ, всѣ публицисты,

ученые, даже просто чиновники, занятые соціальнымъ вопросомъ и болѣе или менѣе носящіе казенное клеймо, обнаруживаютъ сильныя поползновенія къ урѣзыванію поземельныхъ правъ. Наиболѣе опасные враги землевладѣнія насчитываются не среди революціонеровъ, а въ числѣ такихъ дѣятелей, которыхъ прикрываетъ ихъ очевидная благонамѣренность, ихъ вѣрность государственному началу. Въ самомъ дѣлѣ, нерѣдко приходится выслушивать изъ очень чиновныхъ устъ, что цѣлью аграрной политики должна быть націонализація поземельной собственности. Лица, облеченныя властью, съ легкимъ сердцемъ высказываютъ такіе чисто соціалистическіе взгляды, потому что поглощеніе личной собственности государствомъ имъ кажется однимъ изъ пунктовъ той современной намъ политической программы, которая поставила себѣ задачей усиленіе государственнаго вмѣшательства. Мы недавно видѣли любопытный примѣръ такого неуваженія къ поземельной собственности. Съ тѣхъ поръ, какъ у насъ былъ поднятъ вопросъ о вліяніи выкупной операціи на крестьянское землевладѣніе, въ оффиціальныхъ сферахъ неоднократно высказывалось мнѣніе, что выкупные платежи не должны вовсе подлежать погашенію, а что ихъ напротивъ слѣдуетъ обратить въ постоянный налогъ, превращая такимъ образомъ крестьянскіе надѣлы въ государственную собственность. Въ исторіи нашего крестьянскаго землевладѣнія такая мѣра была бы не новостью. Крестьянскія земли въ Новгородской области, составлявшія частную собственность крестьянъ, были, какъ извѣстно, обращены въ казенныя и въ силу того обложены податью, существующею и по нынѣ. Правда, такое безцеремонное обращеніе съ частными землями практиковалось главнымъ образомъ относительно такъ называемыхъ мелкихъ, черныхъ людишекъ, но едва ли оттого оно перестаетъ быть вопіющимъ посягательствомъ, и трудно надѣяться, чтобы при существованіи такого взгляда на поземельныя права крестьянъ, уваженіе къ поземельной собственности въ ихъ средѣ особенно быстро окрѣпло. Впрочемъ въ нашемъ чиновномъ мірѣ едва ли трудно будетъ отыскать людей, расположенныхъ къ распространенію такого рода по-

литики и въ болѣе крупной собственности и сожалѣющихъ о томъ времени, когда въ Московскомъ государствѣ за службу жаловали землею, но за это эту землю и отбирали по усмотрѣнію. На такой почвѣ охотники до уфимскаго чернозема легко сходятся съ борцами за идею національзаціи земли.

Государственное вмѣшательство въ распредѣленіи земель, съ цѣлью обезпечить народное благосостояніе, можетъ выражаться въ двоякой формѣ и при томъ въ совершенно противоположномъ смыслѣ. Оно можетъ вести либо къ возможно большему дробленію поземельной собственности, либо наоборотъ къ полному объединенію всей территоріи государства въ одно огромное казенное имѣніе. То и другое стремится къ демократизаціи землевладѣнія, и въ этомъ отношеніи цѣль у обоихъ направленій одна и таже. Полная національзація земли въ сущности ничто иное какъ результатъ невозможности ею надѣлить всѣхъ и каждаго: «пусть не достается она никому въ особенности, коли не можетъ достаться всѣмъ», какъ бы говорятъ сторонники этой мѣры, отчаяваясь въ возможности отвести каждой семьѣ достаточный семейный участокъ.

Но этимъ и ограничивается сходство. Система дробленія, какъ бы далеко она не заходила, какъ бы ни препятствовала образованію крупныхъ имѣній, всетаки оставляетъ въ полной силѣ принципъ личной собственности; напротивъ, размножая число землевладѣльцевъ, она тѣмъ самымъ увеличиваетъ контингентъ защитниковъ этой собственности. Система сплошной экспропріаціи наоборотъ подрываетъ идею личной собственности въ самомъ ея корнѣ, хотя, какъ мы тотчасъ видимъ, и эта система допускаетъ многія градаціи, доводящія ее почти до голой фикціи. Если бы можно было въ аграрной политикѣ европейскихъ странъ найти хотя бы нѣкоторое отраженіе этихъ двухъ теорій, мы указали бы на Францію, какъ на ту страну, гдѣ нашла себѣ нѣкоторое примѣненіе первая изъ нихъ, между тѣмъ какъ въ Англіи, при всей аристократичности ея строя, происходящая тамъ агитація до извѣстной степени стоитъ на пути ко второй.

За предѣлами Европы имѣется впрочемъ обширная страна, гдѣ система дробленія собственности осуществлена еще полнѣе, чѣмъ во Франціи. Страна эта—Китай. Несмотря на его громадное слишкомъ 400.000.000 населеніе, все оно почти поголовно надѣлено землей, причемъ у каждой семьи есть небольшой клочекъ приблизительно въ 1/4 гектара, составляющій ея нераздѣльную и неотчуждаемую собственность. Китайскіе порядки замѣчательны уже тѣмъ, что они просуществовали очень долго и выдержали пробу систематическаго дробленія земли. Объясняется это, какъ кажется, двумя обстоятельствами,—необыкновеннымъ плодородіемъ Китайской почвы и столь же необыкновенною дешевизною Китайскаго труда. Если бы переложить на деньги, по европейскому счету, тотъ физическій трудъ, который тратится каждою семьею въ Китаѣ на обработку ея участка, то едва ли получаемая жатва окупила бы эту затрату. Но китайцу, при отсутствіи крупной промышленности, помимо домашнихъ его занятій, дѣлать нечего, а, главное, въ немъ такъ силенъ духъ вѣрности заповѣднымъ преданіямъ, что у него совершенно отсутствуетъ стремленіе улучшить свой бытъ, выйти изъ той скромной обезпеченности, которую даетъ ему его крошечное хозяйство. Другими словами устойчивость китайскихъ порядковъ возможно при одномъ лишь условіи,—при совершенной неподвижности китайской цивилизаціи *). Противъ дробленія поземельной собственности можно бы было возразить очень многое, ссылаясь на сравнительную выгодность крупнаго производства передъ мелкимъ. Въ земледѣліи повторяется тотъ же законъ большей производительности сосредоточеннаго труда, дѣйствіе котораго давно всѣми признано въ промышленности. Допустимъ однако, что происходящая отсюда выгода уравновѣшивается достоинствами такого порядка вещей, при которомъ большинство населенія самостоятельно владѣетъ участками земли и домашнимъ очагомъ. Тѣмъ не менѣе, если бы даже вся поземельная собственность была изрѣзана на такіе мелкіе участки, дробимость земли

*) См. Симонъ, Срединное Царство, перев. Ранцова.

всетаки нашла бы свой предѣлъ, далѣе котораго она идти не можетъ безъ явнаго ущерба для земледѣлія. Можно помириться съ нѣкоторою излишнею тратою рабочихъ силъ при мелкомъ производствѣ въ виду тѣхъ нравственныхъ и соціальныхъ преимуществъ, которыми она искупается. Но земледѣліе становится уже прямо убыточнымъ, какъ скоро земельный участокъ, принадлежащій семьѣ, не въ состояніи занять всей ея рабочей силы, либо, что еще хуже, обезпечиваетъ ее менѣе, чѣмъ могъ бы это сдѣлать наемный трудъ. Такимъ образомъ естественнымъ предѣломъ дробимости служитъ тотъ минимумъ, далѣе котораго трудъ самостоятельнаго земледѣльца перестаетъ окупаться. Но существуетъ еще другое условіе, также ограничивающее дробимость. Каждое самостоятельное хозяйство вызываетъ извѣстныя затраты, которыя растутъ далеко не пропорціонально его размѣрамъ. Не стоитъ доказывать, что произведенія земли должны окупать не только трудъ земледѣльца, но и всѣ эти затраты. И такъ экономическій минимумъ, далѣе котораго дробленіе земли становится нераціональнымъ, опредѣляется двумя условіями. Каждое хозяйство должно въ среднемъ выводѣ дать столько продуктовъ, чтобы цѣнность ихъ равнялась по крайней мѣрѣ среднему заработку взрослыхъ членовъ семьи и годовымъ расходамъ на ремонтъ и погашеніе хозяйственныхъ построекъ и инвентаря. Ниже этого уровня земледѣліе становится убыточнымъ, и, какъ неизбѣжное послѣдствіе этого, начинается выселеніе. Такія благопріятныя условія, какъ климатъ, почвы и техническія усовершенствованія могутъ понизить предѣлъ, но устранить его они не въ силахъ. Нормальные размѣры семейнаго участка очень колеблются въ зависимости отъ степени интензивности культуры. Для европейскихъ странъ предѣломъ такихъ колебаній можно признать $1^1/_2$ гектара при садовой виноградной культурѣ и 12 гектаровъ при воздѣлываніи однихъ черныхъ хлѣбовъ. Соотвѣтственно этому и принимая во вниманіе, что земледѣльческая культура нигдѣ не занимаетъ всей площади, что наряду съ ней должны быть такія угодія, какъ естественные луга, пастбища и лѣса, что наконецъ даже въ самыхъ благословенныхъ странахъ

далеко не всѣ земли годятся подъ виноградъ или плодовыя деревья, можно безошибочно признать, что 2.500—5.000 душъ обоего пола на 1 квадр. милю составляетъ для различныхъ мѣстностей тотъ крайній максимумъ населенности, далѣе котораго всѣ остальные жители должны по необходимости оставаться безъ земельнаго надѣла. Отсюда ясно, что даже полная экспропріація крупныхъ собственниковъ и распредѣленіе ихъ земель поровну между рабочими не могли бы удовлетворить, по крайней мѣрѣ въ большей части Европы, потребности народа въ землѣ и что значительная часть населенія осталась бы все таки обдѣленною. А при такихъ условіяхъ едва ли стоитъ задаваться мыслью о такомъ крупномъ посягательствѣ на частныя права, въ концѣ концевъ даже не обезпечивающемъ равноправности при новомъ передѣлѣ земли.

Въ настоящее время, впрочемъ, защитники такой системы дробленія значительно уступаютъ въ численности сторонникамъ коллективнаго владѣнія. Позволительно думать, что популярность всѣхъ формъ такого владѣнія отъ сельской общины до полной націонализаціи земель возникла какъ разъ благодаря тому, что всѣ эти формы либо давно отжили свой вѣкъ, либо никогда не были испробованы, между тѣмъ какъ мелкое землевладѣніе всюду имѣется на лицо, какъ естественный продуктъ имущественныхъ раздѣловъ и потому неудобства его могутъ быть провѣрены на опытѣ.

Коллективное владѣніе, какъ мы уже замѣтили, представляетъ очень много видоизмѣненій. Оно можетъ замыкаться въ тѣсномъ кругу опредѣленной общины, члены которой въ совокупности либо являются полновластными собственниками, либо ограничены въ своемъ правѣ распоряженія государственною властью. Оно можетъ также выразиться въ формѣ непосредственнаго государственнаго владѣнія, при чемъ опять таки мыслимы два существенно-различныхъ вида пользованія землей, аренда ея частными лицами у государства и непосредственное веденіе хозяйства самими органами общественной власти. Какъ мы уже сказали, поземельная община во всѣхъ своихъ разновидностяхъ принадлежитъ прошлому Европы, со-

хранившись на Западѣ лишь въ очень ничтожныхъ обрывкахъ, и только на Востокѣ въ нашемъ отечествѣ доживаетъ свой вѣкъ, обнаруживая несомнѣнные признаки упадка. Наоборотъ идея государственнаго владѣнія, хотя и была осуществлена спорадически, либо въ очень глубокой древности, либо въ странахъ экзотическихъ, для насъ, европейцевъ, представляетъ нѣчто новое, неиспробованное.

Какъ бы то ни было «принудительное возвращеніе къ общинѣ, тамъ гдѣ она перестала существовать, либо столь же принудительная національзація земли могутъ быть лишь актами юридическаго насилія, кореннымъ образомъ измѣняющими весь существующій земельный строй. На мирное осуществленіе того или другаго путемъ естественнаго развитія надѣяться трудно, но публицисты, рекомендующіе подобныя мѣры, имѣютъ наготовѣ оправдывающую ихъ теорію. Эта теорія, очень часто повторявшаяся на всѣ лады, заключается въ томъ, что поземельная собственность явилась на свѣтъ вовсе не въ качествѣ самородка, что она современна государству и что, какъ искусственный продуктъ его вмѣшательства, она всегда можетъ быть устранена законодательнымъ актомъ. Мы постараемся это историческое ученіе разсмотрѣть здѣсь поближе.

Если мы допустимъ, что какой либо правовой институтъ можетъ осуществиться лишь съ той минуты, какъ онъ получилъ санкцію закона, что стало быть установившимъ его закономъ исчерпывается все его содержаніе, мы, конечно, должны будемъ признать, что любое право въ томъ числѣ и право собственности на землю существуетъ лишь въ силу признанія государствомъ, такъ какъ внѣ государства никакое законодательство немыслимо. Но это значило бы имѣть о правовой жизни общества крайне узкое понятіе. Признанію со стороны государственной власти въ развитіи любаго права всегда предшествуетъ длинный періодъ безсознательнаго незамѣтнаго роста, а затѣмъ хотя и сознательнаго, но безмолвнаго признанія со стороны общества. Въ области гражданскихъ отношеній законъ безсиленъ вызвать къ жизни несуществующее право; его роль ограничивается утвержденіемъ того, что давно

возникло помимо его иниціативы. Скажемъ болѣе. Новый законодательный актъ тогда только принимается обществомъ, какъ справедливая норма отношеній, когда онъ отвѣчаетъ этому условію. Если наоборотъ онъ пытается создать что либо новое, для чего нѣтъ почвы въ общественномъ сознаніи, онъ принимается обществомъ, какъ произволъ, даже какъ насиліе. Иначе оно и быть не можетъ. Если бы для законности какого нибудь акта власти достаточно было бы одной формальной санкціи, какъ утвержденія подлежащимъ лицомъ или установленнымъ большинствомъ голосовъ, законодательная власть была бы вполнѣ неограниченной и свободы личности нельзя было бы оградить отъ ея посягательствъ. Но въ томъ то и дѣло, что человѣческое общество никогда не соглашалось подчиняться такому безапеляціонному авторитету. Оно всегда сознавало, что легальность и настоящая законность два понятія очень различныя, что законъ не создаетъ, а лишь подтверждаетъ существующее право. Всякій разъ, когда законодательная власть пыталась опередить общественное сознаніе или обойтись безъ него, это ощущалось цѣлымъ обществомъ, какъ насиліе, какъ вторженіе законодательства въ неподлежащую ему область. И объ эту оппозицію, большею частью пассивную, разбивались попытки самыхъ энергическихъ законодателей. Если этимъ законоподателямъ и удавалось на время доставить торжество своимъ идеямъ, ихъ недолговѣчныя творенія становились мертвою буквою, какъ скора исчезала всесильная воля, ихъ поддерживавшая. Такова была судьба грандіозной организаціи, данной своей Имперіи Карломъ Великимъ; тоже повторилось въ новѣйшее время съ реформами Іосифа II и съ большинствомъ постановленій Національнаго Конвента. Ученіе, отождествляющее право съ формальнымъ закономъ, повторяетъ въ сферѣ чисто юридическихъ понятій ошибку, въ какую впадали публицисты XVIII ст. въ своей извѣстной теоріи общественнаго договора. Точно также, какъ само государство не обязано нигдѣ своимъ возникновеніемъ торжественному акту, какъ нельзя съ точностью опредѣлить моменты его появленія на свѣтъ, также точно нѣтъ и не можетъ быть оффиціальнаго

дня рожденія ни для одного изъ правовыхъ понятій. Чтобы выработать эти понятія, человѣчество не дожидалось, пока разовьются органы власти, могущіе всенародно окрестить такое понятіе.

И право собственности на землю не составляетъ исключенія. Оно явилось на свѣтъ, какъ естественный результатъ, желанія того или тѣхъ, кто воздѣлали участокъ земли, сохранить въ своемъ исключительномъ пользованіи этотъ участокъ и впредь. Никакого теоретическаго представленія о большей или меньшей законности такого исключительнаго права при этомъ не требовалось. Занявшій клочекъ земли, все равно былъ ли то одинъ человѣкъ, или семья, или цѣлый родъ, или группа выходцевъ со стороны, защищалъ этотъ участокъ отъ чужихъ домогательствъ просто въ силу того, что земля не можетъ единовременно принадлежать различнымъ людямъ, что снявшій съ нея одну жатву, естественнымъ образомъ желаетъ обезпечить за собой и слѣдующую. И смотря по тому, во первыхъ, долго ли пользовался владѣлецъ расчищеннымъ участкомъ или бросалъ его черезъ нѣсколько лѣтъ, чтобы занять другой и во вторыхъ потому, въ состояніи ли онъ былъ прочно защитить его отъ сосѣдей, владѣніе оказывалось болѣе или менѣе устойчивымъ и постояннымъ. Само собою разумѣется, что главнымъ моментомъ, вызывавшимъ эту устойчивость, былъ приростъ населенія. Чѣмъ гуще становилось оно, тѣмъ меньше оказывалось свободной земли и тѣмъ сильнѣе конечно дорожилъ каждый своимъ участкомъ. И вотъ когда такой участокъ былъ обагренъ не однимъ только потомъ, но и кровью нѣсколькихъ поколѣній, эта самая кровь, т. е. настойчивая борьба съ оружіемъ въ рукахъ и создавала понемногу представленіе о законности права на землю, которою владѣла каждая семья. Но однѣ собственныя силы, хотя бы это были силы цѣлаго рода, цѣлаго племени, все таки не всегда оказывались надежною защитою отъ врага. Общая шаткость всякаго владѣнія заставила наконецъ людей сплотиться въ такой союзъ, гдѣ была бы на лицо постоянная власть, стоящая выше личныхъ споровъ и могущая одинаково защитить каждаго. Первобыт-

ная форма этой власти, конечно, не была плодомъ формальнаго соглашенія, внушеннаго разумнымъ пониманіемъ обоюдныхъ правъ. Она появилась впервые какъ результатъ побѣды и прочнаго господства одного племени или рода надъ остальными, т. е. какъ результатъ насилія. Но, вызванная къ жизни мотивомъ личной пользы, она въ тоже время носила въ себѣ зародышъ общественнаго начала, призваннаго обезпечить за каждымъ то, что онъ ранѣе пріобрѣлъ; и вотъ почему не государство было творцомъ поземельной собственности, а скорѣе на оборотъ.

Но когда и какъ, возразятъ намъ сторонники ученія нами оспариваемаго, зародилась поземельная собственность не какъ право даже, а какъ голый фактъ? Было время, когда собственности не было и быть не могло, потому что охотничьи и кочевые народы—а таковы были первыя двѣ стадіи человѣческаго развитія—собственности не знаютъ. Мы не только видимъ такіе народы и понынѣ, мы знаемъ также, что на стадіи осѣдлаго земледѣлія собственность не сразу достигла той законченности, какую придала ей извѣстная формула римскаго права, провозглашенное имъ jus utendi et abutendi. Всѣ народы прошли черезъ длинный періодъ собственности, болѣе или менѣе коллективной, родовой или общинно-родовой, и остатки этого порядка вещей мы до сихъ поръ имѣемъ передъ глазами въ великорусскомъ мірѣ и земельномъ устройствѣ Индостана и острова Явы. Такимъ образомъ мнѣніе, будто источникомъ поземельной собственности былъ захватъ свободныхъ земель, ius primi occupantis, слѣдуетъ признать крайне ошибочнымъ. Во первыхъ такихъ свободныхъ земель на самомъ дѣлѣ никогда не было. Арійскія племена, занявшія Европу въ доисторическую эпоху нашли въ ней аборигеновъ, о существованіи которыхъ свидѣтельствуютъ повсюду находимые слѣды пещернаго человѣка и свайныя постройки. Пришельцы къ тому же осѣдались въ завоеванныхъ земляхъ не въ одиночку, а цѣлыми родами. Земля, на которой они селились, становилась владѣніемъ рода или, покрайней мѣрѣ, семьи. Когда мы углубляемся въ древній бытъ земледѣльческихъ народовъ, мы

повсюду находимъ господство коллективнаго общиннаго владѣнія.

Накопляющіеся факты, говоритъ Лавелэ, все болѣе убѣждаютъ насъ, что форма владѣнія, образцемъ которой служитъ русскій міръ, не составляетъ особенности славянской расы, какъ прежде думали, а является опредѣленною стадіею развитія, черезъ которую прошли всѣ народы земнаго шара *). Русскій міръ, германская марка, швейцарскій альмендъ, южнославянская задруга, община на зундскомъ архипелагѣ, земельные порядки средней и южной Америки въ эпоху завоеванія, даже римскій ager publicus,—все это факты одного и того же порядка. Въ нѣкоторыхъ странахъ, какъ въ Россіи и на островѣ Явѣ, община до сихъ поръ находится въ состояніи полнаго расцвѣта. Въ другихъ, какъ во всѣхъ государствахъ Западной Европы, мы встрѣчаемъ лишь слабые ея пережитки, и живое свидѣтельство этихъ уцѣлѣвшихъ остатковъ древней общины мы должны пополнять свидѣтельствами иного рода, старинными памятниками законодательства, народными обычаями и показаніями нѣкоторыхъ классическихъ писателей, каковы Цезарь и Тацитъ. Бытъ дикихъ и полудикихъ народовъ подтверждаетъ выводы, на которые наталкиваетъ насъ исторія соціальнаго развитія тѣхъ странъ, гдѣ культура достигла сравнительно высокой степени. При завоеваніи Америки говоритъ Бюхеръ, ссылающійся главнымъ образомъ на Марціуса, европейцы нашли тамъ повсюду признаки коллективнаго владѣнія въ самыхъ разнообразныхъ его формахъ. Въ одномъ изъ двухъ обширныхъ государствъ, образовавшихся на плоскогоріи Кордильеровъ въ Мексикѣ, общинное владѣніе господствовало среди низшихъ классовъ. Въ другомъ, въ Перу оно охватывало въ формѣ организованной государственной собственности всю территорію. Наконецъ среди народцевъ долинъ р.р. Амазонской и Ореноко, стоящихъ до сихъ поръ на самой низкой степени культуры, общность имущества распространялась не на одну только землю—многіе изъ нихъ вовсе не знаютъ земле-

*) См. Laveleye, de la propriété, глава I.

дѣлія—но даже на жилища и на орудія охоты и рыбной ловли *). Тоже, по увѣренію Летурно, повторяется у всѣхъ наиболѣе дикихъ племенъ Азіи, Африки и Австраліи. Чѣмъ дальше мы углубляемся въ первобытную древность человѣчества или, что все равно, чѣмъ ниже соціальный уровень даннаго племени, тѣмъ полнѣе господство коллективизма.

Таковъ взглядъ, преобладающій у современныхъ экономистовъ и соціологовъ. Общность имущества была первобытною формою гражданскаго быта, сперва распространявшеюся и на движимость и вплоть до нашихъ дней болѣе или менѣе сохранившеюся по отношенію къ землѣ. Подъ вліяніемъ популярной теоріи эволюціи многіе изъ современныхъ ученыхъ, какъ Летурно и Морганъ напр., попытались даже изобразить постепенное развитіе соціальныхъ отношеній въ видѣ стройнаго и прогрессивнаго роста, при которомъ постепенное выдѣленіе частной собственности идетъ параллельно переходу семейной организаціи отъ безпорядочнаго половаго сожитія къ полной моногаміи**). Такой взглядъ проводитъ и профессоръ М. Ковалевскій въ своемъ «Первобытномъ правѣ» ***).

Нельзя не замѣтить, что стараясь опредѣлить характеръ и возникновеніе общины юристы въ строгомъ смыслѣ нѣсколько расходятся съ экономистами-антропологами. Первые какъ Маурерь, Нассе, Фюстель де Куланжъ, Мэнъ, Лоренцъ Штейнъ и наши ученые, профессора Бѣляевъ, Леонтовичъ и Блюменфельдъ останавливаются въ своихъ изслѣдованіяхъ на той общинѣ, о которой имѣются документальныя свѣдѣнія и которая, по крайней мѣрѣ у насъ въ Россіи, налицо и по нынѣ. Вторые, какъ Морганъ, Летурно, Бюхеръ, Леббокъ, Даргунъ стараются проникнуть далѣе исторической эпохи и возсоздать полную картину соціальнаго развитія человѣчества, включая въ нее не только современные намъ дикіе народы, но и самыя племена

*) Ср. Bücher, das Ureigenthum, глава 15, стр. 290—315. Letourneau, L'évolution de la propriété стр. 52—69 и стр. 179—182.

**) См. Morgan, die Urgesellchaft, aus dem Englischen übertragen von W. Eichhoff.

***) М. Ковалевскій, Первобытное Право II, гл. 1.

каменнаго періода. Происходитъ это по очень простой причинѣ: юристы привыкли имѣть дѣло съ готовыми институтами и поле ихъ изслѣдованія по необходимости ограничено тѣми эпохами, въ которыя правовая жизнь народа уже опредѣленно сложилась *). Антропологи, наоборотъ, интересуются правовыми институтами писанными или обычными лишь въ той мѣрѣ, въ какой они входятъ въ общую схему человѣческаго развитія. Вотъ почему, хотя вообще говоря въ литературѣ несомнѣнно преобладаетъ взглядъ на общину, какъ на форму землевладѣнія, повсюду господствовавшую въ болѣе или менѣе отдаленномъ прошломъ, сама эта община всетаки разсматривается юристами и антропологами съ двухъ нѣсколько различныхъ точекъ зрѣнія. Юристы, изучающіе ее въ эпохи сравнительно позднѣйшія, не задаются вопросомъ о доисторическихъ формахъ владѣнія и отыскиваютъ ея начало въ такія эпохи, когда явились уже на лицо зачатки государства. Въ свою очередь, какъ мы тотчасъ увидимъ, они не совсѣмъ согласны между собою относительно способа ея возникновенія. Для антропологовъ, напротивъ, какого бы ученія они не придерживались, община не первичная стадія развитія, а результатъ очень долгаго поступательнаго движенія. Въ числѣ ихъ очень немногіе, именно Леббокъ и Даргунъ, предполагаютъ, что коллективному владѣнію предшествовала эпоха болѣе или менѣе полнаго индивидуализма. Къ этому ученію мы вернемся ниже. Но подавляющее большинство антропологовъ придерживается взглядовъ, діаметрально противоположныхъ. По ихъ понятіямъ община съ передѣлами полей и временнымъ долевымъ владѣніемъ представляетъ собою лишь ограниченіе доисторическаго полнаго коллективизма, переходную ступень къ личной собственности.

Въ одномъ только изслѣдователи той и другой группы сходятся между собою. И юристы и антропологи связываютъ воз-

*) Такъ напр. Лоренцъ Штейнъ говоритъ: «Исторія міра начинается съ исторіи землевладѣнія; кочевой народъ не имѣетъ исторіи (Lorenz Stein, Die drei Fragen des Grundbesitzes p. 14).

никновеніе различныхъ правовыхъ институтовъ, въ томъ числѣ и общины, съ формою общественнаго быта. Но юристы, которыми мы теперь и займемся, большею частью изслѣдуютъ этотъ бытъ, какъ нѣчто конкретное, выразившееся въ судьбѣ опредѣленнаго народа и потому склонны объяснять его измѣненіе такими несовсѣмъ опредѣленными условіями, какъ свойство расы, духъ народа и т. п. Не удивительно, что такое направленіе господствовало въ юридической литературѣ особенно въ то время, когда фактическаго матеріала было собрано сравнительно немного. По мѣрѣ накопленія данныхъ, свидѣтельствующихъ о широкой распространенности соціальныхъ явленій, наклонность къ обобщеніямъ проникаетъ мало помалу и въ юридическую литературу, сближая ее такимъ образомъ съ выводами антропологовъ. Какъ бы то ни было наиболѣе выдающіеся изслѣдователи Западной Европы имѣли главнымъ образомъ въ виду первичную форму землевладѣнія у германскаго племени, въ эпоху вторженія его въ территорію западной Римской имперіи. Наши ученые, въ свою очередь, преимущественно занимались вопросомъ о поземельномъ устройствѣ русскихъ славянъ, пополняя его чертами изъ быта славянъ западныхъ и придунайскихъ. Изрѣдка лишь, какъ сдѣлали это Мэнъ и Фюстель де Куланжъ, ученые заглядывали въ бытъ еще болѣе древній, въ бытъ кельтовъ и индусовъ. Во всякомъ случаѣ тѣ и другіе не выходили изъ предѣловъ арійскаго племени.

Въ западной литературѣ до сихъ поръ стоятъ лицомъ къ лицу два противуположныхъ мнѣнія. Согласно первому изъ нихъ, главный представитель котораго Мэнъ, община развилась изъ семейнаго владѣнія; второе наоборотъ, защитниками котораго являются Мауреръ и Нассе, исходную точку видитъ въ территоріальной общинѣ, въ маркѣ, принадлежавшей цѣлому роду. Въ томъ и другомъ случаѣ конечно источникомъ общности владѣнія служила кровная связь. Но родъ, во первыхъ, единица гораздо болѣе крупная, чѣмъ семья, и во вторыхъ кровное родство могло являться въ родѣ уже какъ фиктивное связующее начало, такъ какъ на самомъ дѣлѣ родъ

зачастую принималъ къ себѣ пришельцевъ со стороны. Но главное, наиболѣе существенное различіе между этими двумя ученіями заключается въ томъ, что первое видитъ въ общинѣ постепенное разростаніе семейнаго начала, а второе наоборотъ считаетъ владѣніе болѣе или менѣе коллективное за примордіальную форму, немедленно возникающую при осѣданіи рода въ данной мѣстности.

Эти два направленія отразились и на нашей литературѣ съ тою лишь разницею, что наши изслѣдователи не столько, занимались вопросомъ о порядкѣ возникновенія общины, сколько вопросомъ о самомъ ея существованіи въ древней Россіи. Взгляды нашихъ писателей на доисторическое значеніе общины у насъ скорѣе опредѣлились партійными, чѣмъ научными соображеніями. Общину признавали за коренную русскую форму землевладѣнія и напротивъ отрицали у ней этотъ характеръ смотря по тому, сочувственно ли относился данный писатель къ общинному устройству.

Вотъ почему иные писатели, вполнѣ согласные между собой относительно бытоваго устройства восточныхъ славянъ, приходили тѣмъ не менѣе къ діаметрально противоположнымъ выводамъ по вопросу о развитіи у насъ общиннаго владѣнія. Такъ напр. г. Чичеринъ, хотя и признавалъ родовой бытъ господствующимъ у русскихъ славянъ въ эпоху призванія варяговъ, не видѣлъ, однако, никакого историческаго преемства между родовымъ владѣніемъ и сельскою территоріальною общиной. Въ двухъ своихъ статьяхъ *) онъ приводитъ цѣлый рядъ доказательствъ въ пользу того, что въ средніе вѣка у насъ преобладало личное владѣніе и мірское замѣнило его лишь подъ давленіемъ фискальныхъ мѣръ правительства.

Писатели, занимавшіеся до начала 80-хъ гг. изслѣдованіемъ развитія поземельнаго устройства въ древней Россіи, выставили три главныхъ ученія о первобытныхъ порядкахъ русскаго землевладѣнія: 1) теорію родоваго быта; 2) теорію об-

*) Чичеринъ, Обзоръ историческаго развитія сельской общины въ Россіи и Еще о сельской общинѣ (отвѣтъ г. Бѣляеву) Опыты по Ист. Р. Пр., стр.1—142.

щины территоріальной при отсутствіи кровной связи между ея членами и, наконецъ 3) теорію вольной заимки. Но благодаря крайней скудости фактическаго матеріала, три эти ученія до того перепутались, что у нѣкоторыхъ писателей какъ у г. Бѣляева и кн. Васильчикова встрѣчаются мнѣнія, одновременно позаимствованныя у двухъ изъ этихъ школъ, а другіе, какъ гг. Чичеринъ и Кавелинъ, въ своихъ выводахъ совершенно отступаютъ отъ коренныхъ положеній своей же теоріи. Формулировать эти три различныхъ взгляда можно слѣдующимъ образомъ. Представители родоваго начала говорятъ, ссылаясь при этомъ на лѣтопись Нестора, что русскіе славяне въ моментъ призванія варяговъ жили родами и родовую организацію переносили и на землю, принадлежавшую цѣлому роду сообща. Основателемъ этой теоріи былъ Эверсъ и среди нашихъ ученыхъ она насчитываетъ наибольше число громкихъ именъ, какъ Рейцъ, Соловьевъ, Кавелинъ и Чичеринъ. Но благодаря тому, что самое понятіе о родѣ являлось у насъ крайне шаткимъ и растяжимымъ, что иные, какъ Эверсъ и Кавелинъ, подъ этимъ словомъ на самомъ дѣлѣ понимали семью, сторонники родоваго быта обнаруживаютъ въ своихъ мнѣніяхъ крайнюю нестроту, доходящую у г. Чичерина до признанія полной личной собственности у древне-русскихъ крестьянъ. Слабость признаковъ родоваго быта у русскихъ славянъ вообще привела славянофильскую школу, видѣвшую въ общинѣ прогрессивное полумистическое начало, свойственное одному русскому народу, къ признанію мірскаго владѣнія чѣмъ то исконнымъ и совершенно независимымъ отъ кровнаго родства. Главными представителями этого направленія были К. Аксаковъ и Бѣляевъ. Изъ позднѣйшихъ писателей къ ученію славянофиловъ всего ближе примыкаетъ г. Соколовскій. Слабая сторона этого ученія, независимо отъ спорности самаго факта существованія общины въ древней Россіи, заключается въ томъ, что возникновеніе ея оно ставитъ внѣ всякой связи съ прошлымъ, какъ нѣчто данное свыше. По своимъ выводамъ, точно также какъ г. Бѣляевъ, съ теоріей славянофиловъ очень близко сходится и основатель третьяго ученія

кн. Васильчиковъ. Въ своей книгѣ «Землевладѣніе и земледѣліе» *) кн. Васильчиковъ говоритъ, что въ началѣ нашей исторіи права на владѣніе землею были крайне смутны и шатки и что источникъ ихъ слѣдуетъ искать въ свободной заимкѣ такихъ земель «куда соха, топоръ и коса ходили». Но свободная заимка, которая вездѣ и всегда служила однимъ изъ любимыхъ основаній права личной собственности, у кн. Васильчикова является исходною точкою общины во вкусѣ славянофиловъ, т. е. безъ кровнаго родства. Онъ представляетъ себѣ, что артель пахарей или рыболововъ занимала какой нибудь пустопорожній участокъ, расчищала лѣсъ, селилась на берегу озера или рѣки и затѣмъ надѣляла землей каждаго своего члена равномѣрно и столь же равномѣрно дѣлила между ними добычу.

Нельзя не признать, что въ новѣйшее время болѣе тщательное изученіе памятниковъ привело нашихъ ученыхъ къ несравненно большей точности въ построеніи своихъ теорій и что они теперь расположились на двѣ группы, уже болѣе или менѣе солидарные въ своихъ взглядахъ. Родовая теорія переродилась въ ученіе, объ общинѣ семейно-задружной, видящее въ семьѣ зародышъ деревни съ мірскимъ владѣніемъ и главнымъ образомъ ссылающееся на тотъ несомнѣнный фактъ, что семейное владѣніе до сихъ поръ господствуетъ въ нашемъ крестьянствѣ и притомъ въ одинаковой мѣрѣ у крестьянъ общинниковъ и у состоящихъ на подворномъ владѣніи. Славянофильская теорія дала, какъ естественный отпрыскъ, ученіе о волостной территоріальной общинѣ, остатки которой до сихъ поръ имѣются въ нашихъ сѣверныхъ губерніяхъ. Представители перваго изъ этихъ взглядовъ гг. Леонтовичъ, Блюменфельдтъ и г-жа Ефименко, представители втораго, гораздо менѣе научнаго, гг. Соколовскій и Лалошъ, которыхъ окружаетъ несмѣтное число диллетантовъ-послѣдователей, правда болѣе поражающихъ своею численностью, чѣмъ убѣдительностью своихъ доводовъ.

---

*) Кн. Васильчиковъ, Землевладѣніе и земледѣліе, глава VI.

Мы уже сказали, что за послѣднее время изслѣдователи первобытныхъ формъ землевладѣнія стараются проникнуть далѣе исторической эпохи и съ помощью сравнительнаго метода обобщить данныя, касающіяся одного только извѣстнаго народа. Примѣромъ такой попытки можетъ служить книга Г-на Блюменфельда «О формахъ землевладѣнія въ древней Россіи». Общежитія, говоритъ г. Блюменфельдъ, не бываютъ у племенъ, живущихъ враздробь и занимающихся рыболовствомъ и охотою. Оно возникаетъ лишь на слѣдующей степени культуры: пастушеско-кочевой. Это и есть время господства родоваго быта. Когда народъ становится осѣдлымъ и переходитъ къ земледѣлію, родовое устройство распадается и переходитъ къ семейному. Такова по мнѣнію Г. Блюменфельда *) схема развитія всего человѣчества. Племя, родъ и семья—три стадіи развитія, соотвѣтствующія бродячей, кочевой и осѣдлой жизни. Мы ограничимся здѣсь указаніемъ на эту схему, замѣтивъ лишь мимоходомъ, что далеко не всѣ народы проходятъ черезъ три упомянутыя стадіи, такъ какъ форма кочеваго быта совершенно отсутствуетъ на большей части поверхности земнаго шара. Такую же попытку сдѣлалъ другой нашъ ученый проф. Ковалевскій, трудъ котораго «Первобытное право» стоитъ на перепутьи между юридической наукой и антропологіей. Проф. Ковалевскій у всѣхъ народовъ находитъ одну общую черту быта, опредѣлившую въ данный моментъ ихъ развитія характеръ ихъ поземельнаго устройства. По мнѣнію г. Ковалевскаго первобытный типъ аграрныхъ отношеній по всюду сложился въ форму родовой общины, слѣды которой онъ находитъ въ народныхъ обычаяхъ, поэзіи, даже религіозныхъ обрядахъ тамъ, гдѣ сама эта форма пережита. **) Въ своемъ изслѣдованіи онъ обнимаетъ уже не одни только арійскіе народы, но и дикія племена Африки и Америки, и такимъ образомъ близко подходитъ къ ученію большинства антропологовъ, къ которому мы теперь и перейдемъ.

*) См. Блюменфельдъ, О формахъ землевладѣнія въ древней Россіи, стр. 2—3.

**) См. М. Ковалевскій, Первобытное право, I, гл. 1 и 2.

Понятіе о личномъ имуществѣ по необходимости должно было сперва появиться лишь по отношенію къ имуществу движимому, такъ какъ оно одно являлось плодомъ личнаго труда. Земля и ея непосредственныя произведенія имѣлись на лицо въ такомъ изобиліи, что цѣнности они не имѣли никакой особенно для племенъ, жившихъ въ постоянномъ бродяжничествѣ. Земля служила только въ пространственномъ отношеніи мѣстомъ арены для дѣятельности человѣка, когда эта дѣятельность ограничивалась рыболовствомъ, охотою и скотоводствомъ. Понятно, что она могла быть разграничена только для цѣлаго рода или племени и то подобныя границы являлись въ крайней степени шаткими и неопредѣленными. Но и сама движимость, т. е. продукты охоты и скотоводства далеко не всегда составляли предметъ личной собственности. Объ этомъ свидѣтельствуетъ привычка дѣлить добычу и собираться на общіе пиры, существующая еще до сихъ поръ у нѣкоторыхъ бродячихъ народцевъ долинъ рр. Амазонской и Ориноко, у жителей Новой Гвинеи и многихъ полинезійскихъ острововъ *). Что стада домашнихъ животныхъ тоже не всегда принадлежатъ опредѣленному лицу или семьѣ, на это имѣется множество доказательствъ. Можно почти безошибочно утверждать, что у народовъ кочевыхъ скотъ большею частью составляетъ принадлежность цѣлаго рода. Явленіе это наблюдается до сихъ поръ среди киргизовъ, монголовъ Средней Азіи и тангутовъ; въ древности оно имѣло вѣроятно еще большее распространеніе. То обстоятельство, что у Грековъ и Римлянъ первобытнымъ орудіемъ мѣны служитъ скотъ (pecunia отъ pecus) доказываетъ, что даже у народа вполнѣ осѣдлаго домашнія животныя могли не быть предметомъ личной собственности, такъ какъ скотъ могъ служить для мѣновой торговли, лишь оставаясь по прежнему въ томъ же стадѣ. **) Ясно, что такія

*) У Бюхера мы находимъ цѣлый рядъ фактовъ, говорящихъ въ этомъ смыслѣ (Buecher, das Ureigenthum, глава 15 и 16). См. также Letourneau, L'evolution de la propriété, chap. II).

**) Buecher, das Ureigenthum стр. 319.

стада, гдѣ за одно пасутся животныя, принадлежащія разнымъ лицамъ, а тѣмъ болѣе пастбища, на которыхъ они содержатся, должны составлять предметъ коллективнаго владѣнія. При переходѣ кочевыхъ народовъ къ земледѣлію вся площадь, занятая извѣстнымъ родомъ, продолжала составлять его нераздѣльную собственность, и каждому родичу лишь на время отводился для пользованія извѣстный участокъ земли. *) Остальныя угодія, не занятыя хлѣбомъ, не подвергались даже временному раздѣлу. Пастбища, лѣса, зачастую и луга оставались въ коллективномъ пользованіи. Наконецъ существуютъ примѣры, гдѣ пахатныя земли воздѣлывались сообща и собранный хлѣбъ дѣлился поголовно между жителями. Такой порядокъ вещей испанцы застали въ XV ст. на многихъ изъ Антильскихъ острововъ, отчасти и на материкѣ. Таково было между прочимъ поземельное устройство цѣлаго обширнаго племени Гуарани, занимавшаго всю долину Лаплаты и ея притоковъ. **) И такъ нигдѣ въ цѣломъ мірѣ личная собственность не является первобытною формою, ни при кочевомъ, ни при осѣдломъ бытѣ. Она развивается лишь медленно, сперва по отношенію къ движимому имуществу и лишь гораздо позднѣе по отношенію къ землѣ. Личная поземельная собственность могла появиться на свѣтѣ тогда лишь, когда образовалась достаточно крѣпкая государственная власть, чтобы узаконить захватъ, совершенный болѣе сильнымъ племенемъ насчетъ болѣе слабаго или въ предѣлахъ того же самаго племени наиболѣе сильнымъ изъ его родичей ***).

Первобытное общество, утверждаетъ Лавелэ, не знало государственной власти; оно составлялось изъ мелкихъ самоуправлявшихся единицъ, связанныхъ кровнымъ родствомъ и соединившихся по добровольному соглашенію въ болѣе крупные союзы. Полное равенство и неограниченная свобода всѣхъ

---

*) Laveleye, De la propriété стр. 4; Letourneau, L'évolution de la propriété, стр. 28 и стр. 478—504.

**) См. Buecher, Das Ureigenthum, стр. 290—315.

***) Laveleye, указ. соч. глава VII.

участниковъ этихъ первичныхъ соціальныхъ ячеекъ совпадали тѣмъ не менѣе съ отсутствіемъ у нихъ понятія о личной собственности, съ господствомъ въ ихъ средѣ начала солидарности. Почти тоже ученіе мы находимъ у американца Моргана, приписывающаго родовой организаціи повсемѣстное распространеніе въ доисторическую эпоху. Морганъ тоже увѣренъ, что родовой бытъ, какъ предшественникъ государственнаго, имѣлъ повсюду демократическую окраску и всегда подчинялся лишь выборному начальнику. *) Таковы, по мнѣнію Моргана, не только роды у кочевыхъ и полуосѣдлыхъ народовъ, но и греческая фратрія и римская генсъ. Наконецъ Летурно строитъ въ своей книгѣ объ эволюціи собственности цѣлую схему постепеннаго развитія общественнаго быта, повсюду будто бы прошедшаго четыре послѣдовательныхъ фазиса,— состояніе бродячей орды, организованнаго республиканскаго племени, варварскаго государства съ сословнымъ расчлененіемъ и рабствомъ, и наконецъ большой военной монархіи. **) Эти четыре стадіи представляютъ собою необходимыя подготовительныя ступени къ современному общественному складу.

Подводя итогъ только что сказанному нами, мы находимъ, что у большинства антропологовъ три главныя бытовыя формы: племя, родъ и семья, т. е. отсутствіе всякой организаціи при безпорядочномъ половомъ сожитіи, устройство, основанное на кровномъ родствѣ, и наконецъ распаденіе этого устройства на мелкіе семейныя единицы соотвѣтствуютъ тремъ формамъ имущественныхъ отношеній—полному отсутствію всякой собственности у бродячихъ дикарей, общинно-родовому владѣнію съ личной собственностью на движимость у племенъ живущихъ родами и наконецъ раздробленію земли на отдѣльные семейные участки при господствѣ семейнаго начала. Эта послѣдняя форма быта обыкновенно уже совпадаетъ съ появленіемъ зачатковъ государственности. Такимъ образомъ развитіе общественной организаціи, постепенно идущее отъ полной анархіи

*) См. Morgan, die Urgesellschaft стр. 56.

**) См. Letourneau, стр. 29, Morgan, die Urgesellchaft, Seite 453 und ff.

къ наслѣдственной монархической власти движется параллельно постепенному созрѣванію идеи личной собственности. Такова теорія развитія поземельной собственности, преобладающая въ современной антропологіи. Если мы теперь попробуемъ ее сопоставить съ выводами юристовъ о возникновеніи общины, мы найдемъ, что она довольно близко подходитъ къ ученію о первичной территоріально-родовой общинѣ, но за то вполнѣ несовмѣстима съ другимъ ученіемъ, согласно которому община разрослась изъ семьи. Въ самомъ дѣлѣ если община явилась на свѣтъ какъ результатъ семейнаго владѣнія, она очевидно не могла предшествовать семейной организаціи, какъ современница родоваго строя. Но помимо той школы юристовъ, къ которой принадлежатъ Мэнъ и у насъ гг. Леонтовичъ и Блюменфельдъ, среди самихъ антропологовъ господствующая теорія встрѣтила сильныя возраженія. Одинъ изъ наиболѣе видныхъ представителей современной антропологіи сэръ Джонъ Леббокъ, изслѣдуя бытъ австралійскихъ и американскихъ дикарей, не только находитъ у нихъ признаки личной собственности, но прямо утверждаетъ, что у каждаго изъ нихъ зачастую имѣются участки для охоты, которыми они пользуются лично. *) Еще рѣшительнѣе высказывается другой ученый, краковскій профессоръ Даргунъ. **) Онъ говоритъ, ссылаясь на множество данныхъ, что у дикихъ племенъ при отсутствіи какой либо общественной организаціи, при жизни въ разбродъ нѣтъ и не можетъ быть общаго владѣнія ни на движимость ни на землю. Тамъ даже, гдѣ у нѣсколькихъ семей имѣется общее жилище, оно точно разграничено между отдѣльными сожителями. Тамъ наконецъ, гдѣ у дикарей являются зачатки земледѣлія, каждая семья воздѣлываетъ свой участокъ отдѣльно и пока она имъ пользуется, пашня никогда не подвергается передѣлу. Правда, коль скоро участокъ бросается вслѣдствіе истощенія почвы либо по другой причинѣ, онъ перестаетъ быть предме-

*) Lubbock, Entstehung der Civilisation, Jena 1875, § 382.

**) Dr. Lothar Dargun, Ursprung und Entwicklungsgeschichte des Eigenthums in Zeitschrift für vergleich. Rechtswissenschaft Bd. V Heft I.

томъ личной собственности и сливается съ общею массою пустопорожнихъ земель. Но происходитъ это лишь оттого, что земли вдоволь, что переставая воздѣлываться она утрачиваетъ всякую цѣнность, что другими словами она res nullius а не res omnium. Зачатки общиннаго владѣнія мы подмѣчаемъ тамъ лишь, гдѣ возникаетъ общественная организація при наличности опредѣленныхъ, выборныхъ или наслѣдственныхъ, вождей. Чѣмъ крѣпче становится это устройство, чѣмъ ближе оно подходитъ къ типу государства, тѣмъ большей регламентаціи подвергается владѣніе землей и своей кульминаціонной точки эта регламентація достигаетъ при полномъ монархическомъ деспотизмѣ, какъ въ Перу. Но съ теченіемъ времени, когда въ землю вложенъ не одинъ только трудъ, но и капиталъ и усиливается раздѣленіе занятій, общинное владѣніе по немногу разлагается и снова переходитъ въ личное. Такимъ образомъ Даргунъ совершенно перевертываетъ ходъ развитія имущественныхъ отношеній, построенный другими писателями, Лавелэ, Бюхеромъ, Морганомъ и Летурно. Въ то же время это развитіе онъ не представляетъ себѣ постоянно движущимся въ одномъ направленіи, находя въ немъ послѣдовательную смѣну противоположныхъ фазисовъ.

Съ своей стороны мы не можемъ не присоединиться къ мнѣнію Л. Даруна, по крайней мѣрѣ въ общихъ его чертахъ. Ученіе о параллельномъ развитіи частной собственности и общественнаго устройства насъ прежде всего поражаетъ своею бездоказательностью. Гдѣ въ самомъ дѣлѣ положительныя данныя о повсемѣстномъ распространіи общности имущества у дикихъ и полудикихъ народовъ, о появленіи личной собственности лишь при государственномъ строѣ, наконецъ о послѣдовательномъ переходѣ всѣхъ народовъ земнаго шара отъ племеннаго быта къ родовому и отъ послѣдняго къ семейному? Что такое въ концѣ концевъ значатъ выраженія: племя, родъ и семья и не перепутываются ли они сплошь и рядомъ изслѣдователями? Родъ это союзъ всѣхъ прямыхъ нисходящихъ одного родоначальника или, пожалуй, одной родоначальницы тамъ, гдѣ господствовало материнство. Семья это

такой же кровный союзъ, ограниченный двумя или тремя поколѣніями. Иного значенія эти термины имѣть не могутъ. Наконецъ племя—это соединеніе нѣсколькихъ родовъ между собою, либо такое сборище людей, у котораго есть сознаніе общности происхожденія, но почему либо утратилась непосредственная кровная связь. Такимъ образомъ въ каждый данный моментъ необходимо должно происходить образованіе новыхъ родовъ и распаденіе старыхъ. Такъ оно въ дѣйствительности бываетъ и понынѣ, и весь вопросъ лишь въ томъ, сохраняется ли кровная связь у нисходящихъ далѣе извѣстной степени родства, т. е. переходитъ ли власть главы семьи въ извѣстномъ порядкѣ къ главѣ цѣлаго рода. Если этого нѣтъ или нѣтъ по крайней мѣрѣ фиктивнаго представленія о преемствѣ такой власти, то о существованіи рода нечего и говорить. Вотъ почему роды, составляющіе лишь какой нибудь сбродъ безъ всякой кровной связи и выбирающіе своихъ начальниковъ, не заслуживаютъ такого названія. Это что угодно—племя, община, дружина, только не родъ въ тѣсномъ смыслѣ, и писатели, увѣряющіе насъ, какъ Лавелэ и Морганъ, что родовая организація чисто демократическая съ полнымъ равенствомъ своихъ членовъ и выборными начальниками, говорятъ явную несообразность, при томъ совершенно опровергаемую фактическими данными. Не менѣе ошибочно мнѣніе, будто родъ—догосударственная форма быта. Роды существовали въ Аѳинахъ и Спартѣ при совершенно законченной организаціи этихъ республикъ, при чемъ въ Аѳинахъ они исключительно существовали среди Евпатридовъ. Недавно отысканное сочиненіе Аристотеля объ Аѳинской конституціи заставляетъ насъ впрочемъ окончательно разстаться съ представленіемъ о мнимодемократическомъ устройствѣ Аѳинъ. Римскую генсъ, просуществовавшую почти до конца республики и служившую основой организаціи сената и комицій по куріямъ довольно трудно считать чѣмъ то демократическимъ и существовавшимъ лишь до начала государственности. Наконецъ почти на нашихъ глазахъ исчезла другая форма родовыхъ союзовъ, именно шотландскій кланъ, имѣвшій наслѣдственнаго вождя въ пря-

момъ преемствѣ старшаго въ родѣ, которому принадлежало законное право собственности на всѣ земли клана. Значеніе этихъ примѣровъ довольно трудно оспаривать на основаніи изслѣдованія быта кочевыхъ индѣйскихъ племенъ. Затѣмъ что родъ и семья у насъ зачастую перепутываются, это совершенно явствуетъ изъ долгихъ споровъ о существованіи родоваго быта у русскихъ славянъ, быта, въ пользу котораго нѣтъ никакихъ положительныхъ данныхъ. Выраженіе «родъ», правда, встрѣчается у Нестора, но что оно означаетъ, не тождественно ли оно съ семьей, довольно трудно рѣшить при отсутствіи всякихъ признаковъ родоваго быта и въ исторіи нашей и въ древнѣйшихъ нашихъ юридическихъ памятникахъ. Далѣе трудъ проф. Ковалевскаго, который повсюду силится найти родовое владѣніе, явно свидѣтельствуетъ о смѣшеніи рода съ семьей, такъ какъ большинство приводимыхъ имъ примѣровъ имѣютъ характеръ не родоваго владѣнія, а задружнаго. Наконецъ племя, какъ историческій предшественникъ рода, тоже понятіе крайне шаткое. Трудно вообразить такое племя, у котораго не было бы представленія объ общемъ родоначальникѣ, такъ какъ во имя чего же оно стало бы тогда себя чувствовать отличнымъ отъ другихъ племенъ? Въ то же время совмѣстимость племени и рода неопровержимымъ образомъ доказывается примѣромъ древнихъ германцевъ въ эпоху Тацита и арабскихъ племенъ сѣв. Африки въ настоящее время, а совмѣстимость его съ государственною властью существованіемъ племени въ древней Руси вплоть до Ярослава.

Не менѣе бездоказательны всѣ ссылки на мнимое господство общности имущества у дикихъ и полудикихъ народовъ. Въ отношеніи къ бродячимъ племенамъ въ южн. Америкѣ и въ Австраліи, мы отошлемъ читателя къ вышеуказанному труду г. Даргуна. Несомнѣнно то, что самый яркій примѣръ коллективнаго владѣнія мы находимъ у наиболѣе развитаго изъ американскихъ племенъ, у жителей Перу. Большіе дома-казармы, находимые въ пуеблосахъ Сѣв. Мексики, частью обитаемые и донынѣ, и существованіе у нѣкоторыхъ изъ прежъ

нихъ обитателей территоріи Соединенныхъ Штатовъ, говорятъ скорѣе въ пользу существованія задруги у этихъ народовъ, чѣмъ свидѣтельствуютъ о наличности родоваго владѣнія. Не задаваясь впрочемъ догадками, мы можемъ прямо указать на примѣры народовъ, живших въ родовомъ быту и даже сохранившихъ этотъ бытъ и понынѣ. Родовая организація евреевъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, а Пятикнижіе свидѣтельствуетъ о господствѣ у нихъ личной собственности, правда ограниченной передѣлами, повторявшимися черезъ каждыя 49 лѣтъ. У кочевыхъ народовъ средней Азіи главное ихъ имущество—скотъ находится вполнѣ въ личномъ владѣніи, а тамъ, гдѣ заведена обработка земли, въ такомъ же владѣніи находится и пашня. Объ этомъ свидѣтельствуетъ между прочимъ и Пржевальскій. Тоже мы видимъ у полукочевыхъ племенъ Ливана и Алжира, гдѣ слѣды коллективнаго владѣнія встрѣчаются только у племени берберской расы, у кабиловъ. Что далѣе общинное владѣніе тамъ, гдѣ оно проявляется, вовсе не связано съ демократическимъ устройствомъ, на это имѣется подавляющій избытокъ свидѣтельствъ. Не говоря уже о Перу, о древнемъ Китаѣ, объ островѣ Явѣ, гдѣ общинное и даже коллективное владѣніе вполнѣ уживалось съ деспотизмомъ, въ средніе вѣка связанная собственность и распорядительная власть общины надъ своей территоріей вполнѣ мирились и съ королевскою властью, и съ ленною аристократіей, а въ нашемъ отечествѣ, какъ извѣстно утвержденіе власти московскихъ князей далеко не привело къ распаденію общины. Мы должны сдѣлать еще два замѣчанія. Во первыхъ повсюду, гдѣ развивалась поземельная община, она захватывала собою не всю территорію страны, и бокъ о бокъ съ нею существовала личная собственность. Это фактъ повсемѣстный, одинаково повторившійся и въ средніе вѣка въ зап. Европѣ, и у насъ, и въ древнемъ Римѣ, гдѣ общественныя поля (ager publicus) существовали рядомъ съ личною собственностью и даже въ самомъ Перу—этой классической странѣ коллективизма. Во вторыхъ община сама по себѣ далеко не представляетъ опредѣленную форму владѣнія, всегда и вездѣ тождественную. Напротивъ

община даже у насъ, гдѣ она достигла своего наибольшаго развитія, представляетъ цѣлый рядъ оттѣнковъ. Вообще говоря право общиннаго схода распредѣлять землю по своему усмотрѣнію между домохозяевами существуетъ только у насъ и на островахъ Зондскаго архипелага. Въ другихъ странахъ и въ другія времена такое право ограничивалось лишь извѣстною площадью, какъ въ настоящее время въ швейцарскихъ лѣсныхъ кантонахъ, либо извѣстными прерогативами общинныхъ властей надъ территоріей марки, какъ въ средневѣковой Германіи, никогда не доходившими, какъ у насъ, до права измѣнять величину подворнаго участка. Такимъ образомъ поземельная община не можетъ считаться опредѣленною стадіей имущественныхъ правъ на землю, повсемѣстно однаковою и свойственною догосударственному родовому строю.

XVII.

Посмотримъ теперь, какое воздѣйствіе характеръ занятій и разселенія съ одной стороны, общественный бытъ съ другой оказали на развитіе имущественныхъ понятій. Чѣмъ обильнѣе было количество свободныхъ земель и чѣмъ первобытнѣе были орудія производства, тѣмъ сравнительно большую цѣнность въ глазахъ каждаго долженъ былъ имѣть его трудъ. Взаимныя отношенія трехъ факторовъ производства въ самомъ дѣлѣ кореннымъ образомъ измѣнились. Между тѣмъ какъ производительная сила труда осталась въ сущности одна и та же, земля и капиталъ въ раннюю пору развитія человѣчества не обладали почти никакимъ экономическимъ значеніемъ, первая потому что она имѣлась въ избыткѣ, второй потому что его не было почти вовсе. Понятно, что такое соотношеніе этихъ факторовъ, крайне отличное отъ современнаго, должно было отразиться на распредѣленіи и что источникомъ всякихъ имущественныхъ правъ долженъ былъ служить трудъ. Существовалъ такимъ образомъ какъ разъ тотъ порядокъ вещей, который является идеаломъ большинства нѣмецкихъ соціалистовъ:

принципъ der Arbeit ihr voller Ertrag имѣлъ тогда полную силу. Но вспомнимъ, при какихъ условіяхъ этотъ идеалъ былъ достижимъ—при избыткѣ земли и отсутствіи капитала, стало быть при возможности воспользоваться первою даромъ и обойтись безъ вознагражденія втораго. Когда дикіе лѣса и степи были открыты для свободнаго добыванія звѣря и птицы и для пастьбы скота, когда всякій, желавшій расчистить клочекъ земли для посѣва, находилъ ея сколько угодно, люди могли дорожить только продуктами своего труда, а земля пріобрѣтала въ ихъ глазахъ цѣнность настолько лишь, насколько было вложено въ нее этого самаго труда. Если перейти съ одного участка на другой, перенести шалашъ на иное мѣсто или поднять новину не представляло никакого неудобства, эта цѣнность могла даже равняться нулю, т. е. занятый участокъ могъ быть заброшенъ уже на слѣдующій годъ. За то если этотъ участокъ оказывался особенно продуктивнымъ, благодаря напримѣръ изобилію дичи или рыбы или особенно богатому произростанію травъ, если также обработка, т. е. расчистка подъ посѣвъ, требовала большихъ усилій, занявшій участокъ уже не отступался отъ него, былъ даже готовъ въ случаѣ нужды отстоять его отъ нападеній сосѣда. Такимъ образомъ на первыхъ порахъ экономическаго развитія, въ такъ называемый золотой вѣкъ, совпадаютъ два съ виду противоположныхъ явленія: земля служитъ какъ бы общимъ достояніемъ, потому что она res nullius и каждый можетъ захватить ея сколько угодно, и въ тоже время она личная собственность того, кто завладѣлъ ею и почему то имѣетъ основаніе ею дорожить. И мы тотчасъ увидимъ, что на дальнѣйшихъ стадіяхъ развитія могутъ существовать бокъ о бокъ эти противоположныя явленія только въ различныхъ комбинаціяхъ.

Здѣсь мы должны опровергнуть одно возраженіе, часто дѣлаемое противъ ученія о правѣ первой заимки, какъ объ источникѣ поземельной собственности. Нѣмецкій экономистъ д-ръ Бюхеръ, переводчикъ и комментаторъ извѣстной книги Лавелэ о первобытной формѣ землевладѣнія, утверждаетъ, что такой первой заимки никогда быть не могло за неимѣніемъ

пустопорожнихъ земель. Между тѣмъ, не говоря уже о первобытныхъ временахъ, такихъ пустопорожнихъ земель сколько угодно и понынѣ въ преріяхъ Сѣв. Америки, въ пампасахъ Лаплаты, въ Австраліи, на островахъ Тихаго Океана. Каждый годъ распространеніе культуры въ дѣвственныхъ степяхъ показываетъ это наглядно, а вся колонизація австралійскаго побережья англичанами ничто иное, какъ рядъ захватовъ никѣмъ не занятыхъ земель. Наконецъ, когда источникомъ земельныхъ правъ становится завоеваніе, развѣ въ глазахъ побѣдителей отобраніе земли у побѣжденныхъ неравносильно захвату свободной земли? Дѣло не въ томъ вѣдь, чтобы эта земля кому нибудь принадлежала, а въ томъ, чтобы овладѣвшій ею смотрѣлъ на нее какъ на свободную добычу, стало быть какъ на res nullius. Вѣдь самая война въ первобытныя времена была ничѣмъ инымъ, какъ однимъ изъ видовъ труда, т. е. добыванія средствъ къ жизни. Въ этой грубой формѣ пріобрѣтенія имуществъ сказывается признаніе того, что каждому законно принадлежитъ все, чѣмъ онъ успѣлъ завладѣть и что въ силахъ защитить противъ врага.

И такъ никакого отвлеченнаго начала, никакой сознательной идеи въ основаніе поземельной собственности не лежало. Источникомъ ея была нужда и желаніе ее удовлетворить, пользуясь тѣмъ, что даетъ земля. По мѣрѣ того, какъ пользованіе это становится труднѣе и количество ея менѣе обильно, человѣкъ начинаетъ ею дорожить, т. е. не хочетъ уступать ее другому, признаетъ своею, отстаиваетъ отъ сосѣда. Въ какой же формѣ выражалось это первобытное право? Не трудно догадаться, что форма эта должна была зависѣть отъ двухъ условій,—отъ характера труда, вложеннаго въ землю и отъ характера совмѣстной жизни людей. Когда трудъ былъ совершенно личный, какъ при охотѣ, добыча, а стало быть и пользованіе участкомъ, въ которомъ получалась эта добыча, тоже принадлежало отдѣльному человѣку; когда, напротивъ, работа производилась сообща, какъ при рыболовствѣ, и удача каждаго была дѣломъ случая, добыча подвергалась дѣлежу и мѣсто ея добыванія признавалось общимъ. Порядки эти на лицо

до сихъ поръ. Тамъ, наконецъ, гдѣ земля служитъ пастбищемъ, она тоже остается въ общемъ пользованіи всѣхъ тѣхъ, кому принадлежитъ стадо, такъ какъ при совмѣстной пастьбѣ нѣтъ никакой возможности опредѣлить участокъ земли, потребный для животныхъ отдѣльнаго владѣльца. Вслѣдствіе этого при кочевомъ бытѣ встрѣчаются всевозможные виды замлевладѣнія, и семейное, и родовое, и племенное, и общинное, смотря потому какъ велико стадо, пасущееся вмѣстѣ, и въ какихъ взаимныхъ отношеніяхъ находятся владѣльцы этого стада.

Не слѣдуетъ думать, что переходъ отъ охотничьяго или кочеваго быта къ земледѣльческому сказался рѣзкимъ переворотомъ въ земельныхъ отношеніяхъ и при томъ повсемѣстно одинаковымъ. Земледѣліе не сразу стало господствующимъ промысломъ: наряду съ нимъ сплошь и рядомъ продолжаютъ существовать, и кочевая пастьба, и охота, и рыболовство. Примѣровъ этому очень много и не только въ отдаленной древности, но и на нашихъ глазахъ, и притомъ на самыхъ различныхъ ступенахъ цивилизаціи. Арабы и кабилы Алжира, горныя племена Ливана, наконецъ всѣ народы монгольскаго племени, заселяющіе огромную средне-азіятскую степь, занимаются земледѣліемъ и охотою наряду съ кочевымъ скотоводствомъ. Въ Мексикѣ, въ Аргентинской республикѣ, въ Парагваѣ, въ нѣсколькихъ десяткахъ миль отъ мѣстностей, прорѣзанныхъ желѣзными дорогами, встрѣчаются либо совершенно дикія земли, гдѣ воздѣланы лишь самые незначительные клочки, либо огромныя зеленыя степи, гдѣ пасутся на свободѣ полудикія стада. Не слѣдуетъ однако думать, чтобы полукочевое хозяйство обусловливало непремѣнно коллективное владѣніе. Въ Австралійскихъ колоніяхъ Англіи, напримѣръ, гдѣ хозяйство вполнѣ капиталистическое, и самое заселеніе ведется огромными акціонерными компаніями, кочевое скотоводство до сихъ поръ является преобладающимъ промысломъ. Такимъ образомъ нѣтъ никакой возможности указать на общую схему развитія поземельной собственности и въ особенности связать одну изъ ея формъ съ водвореніемъ осѣдлости. Зависитъ это по всей вѣроятности оттого, что переходъ къ земледѣлію въ каждомъ

отдѣльномъ случаѣ могъ совершаться различными способами. Цѣлый родъ или племя, занимавшіе прежде извѣстный округъ для пастьбы домашнихъ животныхъ, могли перейти къ земледѣлію, оставаясь на прежнихъ мѣстахъ и конечно въ такомъ случаѣ вся занятая ими территорія продолжала въ ихъ глазахъ считаться какъ бы собственностью всего племени или рода. Но отсюда еще не возникаетъ неизбѣжности общиннаго владѣнія, какимъ мы видимъ его въ нашемъ отечествѣ. Цѣлый округъ можетъ считаться общимъ владѣніемъ, но при этомъ заселяющему его роду или племени можетъ принадлежать лишь такъ называемое dominium eminens, между тѣмъ какъ земельные участки, нарѣзанные отдѣльнымъ семьямъ, остаются въ ихъ не только постоянномъ, но и наслѣдственномъ пользованіи. По мѣрѣ образованія новыхъ дворовъ распахиваются и новые участки изъ пустопорожнихъ земель. Въ общемъ пользованіи остаются лишь земли, не занятыя никѣмъ въ отдѣльности, т. е. пастбища и лѣса. Такова и была организація германской родовой марки, *) какою застали ее Цезарь и Тацитъ и какою она оставалась до самаго конца среднихъ вѣковъ. Общиннымъ такое владѣніе можетъ называться потому, что оно представляетъ собою извѣстное коллективное цѣлое, что опредѣленная часть не можетъ быть изъ него выдѣлена, что общинно-родовой союзъ оставляетъ за собою право распоряженія незанятыми землями и нарѣзываетъ изъ нихъ по мѣрѣ нужды новые участки. При этомъ владѣніе можетъ быть вполнѣ замкнуто и неотчуждаемо. Каждый отдѣльный участокъ можетъ принадлежать цѣлой семьѣ или переходить по наслѣдству нераздѣльно, въ опредѣленномъ порядкѣ. Но всетаки существенныхъ признаковъ великорусской общины,— круговой поруки, права на землю и передѣловъ полей, здѣсь не будетъ. Для водворенія этихъ порядковъ нужны два условія—высокая податная тягота, лежащая на цѣломъ обществѣ и недостатокъ свободныхъ земель при затруднительности выселенія. Первое изъ этихъ условій вызываетъ необходимость

*) Die Markgenossenschaft.

власти міра надъ отдѣльными хозяйствами, второе—потребность полевыхъ передѣловъ. Тамъ гдѣ этихъ условій нѣтъ или они являются не въ полномъ объемѣ и община не складывается въ свою типическую форму, дѣло можетъ ограничиваться, напримѣръ, отводомъ опредѣленнаго участка для совмѣстнаго пользованія, при чемъ каждая полоса земли остается въ рукахъ того же хозяина лишь на извѣстный срокъ, или отводомъ участка для бѣднѣйшихъ членовъ общества. То и другое встрѣчается въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Швейцаріи, Голландіи и въ лѣсныхъ нагорьяхъ, каковы Арденны, Гундсрюкъ и Шварцвальдъ, но все это далеко не великорусская община. Да и въ нашемъ отечествѣ, какъ безспорно доказали новѣйшія изслѣдованія, земельная община не однотипична. Всего полнѣе она развилась тамъ, гдѣ на земельный быть наложило свою тяжелую руку московское государство, и съ реформою 19-го февраля повсемѣстно началось въ большей или меньшей степени разложеніе общинной связи.

Мы только что упомянули, что однимъ изъ условій водворенія полной общины служитъ затруднительность въ выселеніи. И вторымъ видомъ образованія новыхъ поселковъ и занимки свѣжихъ земель является какъ разъ колонизація. Группа молодыхъ людей, большею частью неженатыхъ, переходитъ на новыя мѣста и занимаетъ тамъ либо совершенно свободныя земли, либо земли, отнятыя у прежнихъ владѣльцевъ. Различіе этого вида земледѣльческихъ поселеній отъ перваго, разсмотрѣннаго нами, заключается въ большей слабости родоваго и даже семейнаго начала, вслѣдствіе чего здѣсь въ пользованіи землей и проявляется сильнѣе индивидуализмъ. Выраженіемъ этого индивидуализма служитъ во первыхъ большее неравенство долей и во вторыхъ болѣе свободное допущеніе постороннихъ элементовъ. Но и здѣсь, какъ и въ первомъ случаѣ, могутъ со временемъ развиться общинные порядки. Таковъ былъ характеръ заселенія римскихъ провинцій, завоеванныхъ германскими выходцами и въ нашемъ отечествѣ—сѣверной части Новгородской волости, такъ называемой Обонежской пятины.

Третьимъ видомъ заимки является поселеніе въ одиночку, занятіе новыхъ мѣстъ отдѣльными семьями. Оно производилось всегда и повсемѣстно на ряду съ двумя прочими способами заимки. Само собою разумѣется, что при такомъ порядкѣ заселенія не можетъ быть иной собственности, кромѣ личной или пожалуй семейной: двѣ эти нормы землевладѣнія, которыя въ настоящее время намъ кажутся столь различными благодаря подробной разработкѣ юридическаго понятія объ имущественныхъ правахъ личности, на первыхъ порахъ были почти тождественны, такъ какъ распорядительная власть главы семейства ничѣмъ существеннымъ не отличалась отъ полноправнаго владѣнія всѣмъ имуществомъ семьи. Несмотря на это однако и здѣсь постепенное размноженіе семьи могло съ теченіемъ времени привести къ образованію особаго вида общины. Для этого необходима была наличность одного условія—сохраненія того, что Леплэ въ своихъ этюдахъ называетъ «la famille souche», т. е. большой нераздѣльной семьи, младшіе члены которой могутъ на время уходить, но всетаки окончательно не выселяются. Таковъ характеръ южно-славянской задруги и семейнаго владѣнія, очень распространеннаго во Франціи и Италіи въ средніе вѣка. Г-жа Ефименко въ своихъ любопытныхъ изслѣдованіяхъ весьма обстоятельно воспроизвела процессъ образованія общиннаго союза изъ семейной ячейки на сѣверѣ Россіи въ Двинской области *). Конечно, это не община въ полномъ ея видѣ, такъ какъ основой земельныхъ отношеній служитъ здѣсь не равномѣрное право на землю, а долевое владѣніе. Но всетаки и эта форма, наиболѣе индивидуальная изъ всѣхъ, не исключаетъ возможности образованія коллективной собственности. И если государственная власть берется за регулированіе этой въ высшей степени подвижной формы землевладѣнія, она можетъ окристаллизовать ее въ настоящую общину. Для этого было бы вполнѣ достаточно двухъ мѣръ—закрѣпощенія на мѣстѣ всѣхъ младшихъ членовъ семьи и недозволенія свободной продажи и переуступки

*) См. А. Ефименко, Изслѣдованія народной жизни, стр. 185 и слѣд.

долевыхъ участковъ. Такъ оно, какъ извѣстно, и случилось на нашемъ сѣверѣ.

Изъ сказаннаго явствуетъ, что община вовсе не имѣетъ того характера однородности, который ей обыкновенно приписывается. Нельзя не удивиться тому, что всѣ ея изслѣдователи до сихъ поръ старались объяснить ея появленіе однимъ повсюду одинаковымъ процессомъ, найти для нея одинъ всеобщій источникъ, хотя на счетъ самаго этого источника они между собою расходились. Быть можетъ это разногласіе и происходитъ оттого, что, наталкиваясь на факты, далеко не однородные, отдѣльные изслѣдователи силились обобщить эти факты, приписывая имъ повсемѣстное распространеніе. На самомъ дѣлѣ въ одной и той же странѣ община могла возникать и развиваться одновременно разными способами. Параллельно могло и образовываться родовое владѣніе и дробиться семейное, могли наконецъ возникать союзы выходцевъ, не связанныхъ между собою родствомъ. Примѣръ тому мы находимъ у насъ. Изслѣдованія Г-жи Ефименко и свидѣтельство писцовыхъ книгъ несомнѣнно показываютъ, что и на крайнемъ сѣверѣ, и въ Новгородской области, и въ Московскомъ государствѣ большинство поселеній были очень мелки, состоя всего изъ двухъ, трехъ до пяти дворовъ. Это были по всей вѣроятности деревни, разбившіяся изъ отдѣльныхъ починковъ. Наряду съ ними однако встрѣчались и крупныя села, и такіе союзы отдѣльныхъ поселеній, которые владѣли сообща не только выгонами и лѣсами, но и пашнями. Наконецъ встрѣчались хотя и рѣдко примѣры чисто артельнаго владѣнія, въ особенности на берегу рѣкъ и озеръ въ рыбацкихъ селеніяхъ, гдѣ часть пашенъ заливалась водою и затѣмъ обрабатывалась сообща. Въ послѣднихъ двухъ случаяхъ мы очевидно имѣемъ дѣло уже не съ семейною, а съ территоріальною общиною, хотя выраженіе это конечно слѣдуетъ понимать не въ теперешнемъ ея смыслѣ, такъ какъ теперешніе земельные порядки великорусскихъ губерній съ передѣлами полей, съ круговою порукой, съ скидкою и накидкою душъ далеко не всегда примѣнялись въ древней Россіи или по крайней мѣрѣ

не примѣнялись ко всему пространству крестьянской земли. Вотъ почему, если мы рѣшительно отвергаемъ ученіе о первичной территоріальной общинѣ, какъ о повсемѣстномъ явленіи въ раннюю пору русской исторіи, мы не можемъ вполнѣ присоединиться и къ семейно-задружной теоріи гг. Леонтовича и Блюменфельда. Мы даже прямо должны признать, что между общиной въ строгомъ смыслѣ, т. е. территоріальнымъ союзомъ безъ кровнаго родства и семейнымъ владѣніемъ существуетъ коренное противорѣчіе, несмотря на то, что обѣ эти формы существовали параллельно, обнаруживая между собою нѣкоторое сходство, а порой даже какъ бы сливаясь въ одну. Основное начало семейнаго владѣнія—цѣльность семейнаго имущества, дробимаго лишь между наслѣдниками. Напротивъ, коренной принципъ общины—равное право на землю всѣхъ взрослыхъ работниковъ, вовсе не связанныхъ между собою родствомъ. Что начала эти далеко не тождественны—въ этомъ насъ убѣждаетъ ежедневная практика нашего сельскаго быта, въ которой общинное право на землю постоянно нарушаетъ семейный принципъ нераздѣльности двора. И такъ, въ образованіи территоріальныхъ союзовъ съ большею или меньшею коллективностью владѣнія участвовали два начала, семейное и народно-общинное, сходныя иногда въ своихъ проявленіяхъ, но совершенно различныя по существу.

Коллективное владѣніе является такимъ образомъ не первичною формою земельнаго устройства, а напротивъ плодомъ довольно продолжительнаго процесса. Сторонники общины, говорящіе объ ней всегда съ нѣкоторымъ лиризмомъ, охотно рисуютъ ее, какъ прямой результатъ признанія земли предметомъ общаго владѣнія и видятъ въ этомъ, какъ бы инстинктивнымъ чувствѣ вѣрную и справедливую оцѣнку отношеній человѣка къ землѣ. Чѣмъ дальше мы углубляемся въ древность, говорятъ они, тѣмъ полнѣе и нераздѣльнѣе коллективное владѣніе. Съ его повсемѣстнымъ господствомъ и связано всеобщее представленіе о золотомъ вѣкѣ. Между тѣмъ такое представленіе едва ли оправдывается фактами. Въ землевладѣніи, какъ впрочемъ и во всѣхъ остальныхъ сторонахъ эко-

номической жизни, теорія, идея никогда не предшествуютъ факту. Личное право исходило не изъ отвлеченнаго понятія, а изъ количества труда, приложеннаго отдѣльнымъ человѣкомъ къ его пріобрѣтенію. Не было и общаго для всѣхъ народовъ порядка развитія собственности. Самыя разнообразныя ея формы, и родовое владѣніе, и семейное, и совмѣстное поселеніе людей, не связанныхъ кровнымъ родствомъ, могли встрѣчаться и встрѣчались бокъ о бокъ. Но одно явленіе, дѣйствительно повторявшееся повсемѣстно—размноженіе людей и укрѣпленіе взаимной ихъ связи, выразившейся въ усиленіи ихъ обязанностей передъ обществомъ, повело къ большему или меньшему ограниченію личной свободы въ распоряженіи землей. Развитіе государственнаго начала такимъ образомъ не только не было источникомъ появленія личныхъ правъ на землю, но скорѣе наоборотъ вызвало уменьшеніе этихъ правъ, закрѣпощеніе человѣка къ землѣ и земли къ ея владѣльцу. Степень этого закрѣпощенія была однако далеко не повсемѣстно одной и тою же. Можно безошибочно признать, что чѣмъ сильнѣе проявлялась государственная власть, тѣмъ значительнѣе была регламентація земельныхъ отношеній и тѣмъ слабѣе развито личное землевладѣніе. Напротивъ тамъ, гдѣ государственная власть или, вѣрнѣе, ея центральный органъ не успѣлъ окрѣпнуть, а на ряду съ нимъ возникли другіе сословные или корпоративные союзы, коллективное владѣніе остановилось на своихъ зачаточныхъ формахъ.

Но какъ объяснить, что дальнѣйшій ходъ процесса какъ бы опровергаетъ сказанное, что, несмотря на все растущее усиленіе государственной власти, общинныя связи мало по малу слабѣютъ и личное начало снова одерживаетъ надъ ними верхъ. Такъ было, какъ извѣстно, въ императорскомъ Римѣ и тоже повторилось въ западной Европѣ въ эпоху торжества абсолютной монархіи. Этотъ новый поворотъ можно объяснить лишь тѣмъ, что по мѣрѣ роста обществъ экономическій моментъ оказываетъ на нихъ все болѣе замѣтное воздѣйствіе. Характеристическая черта экономическаго прогресса какъ въ древности, такъ и въ новое время—это размноженіе капитала

и, сообразно тому, бо́льшая дифференціація между отдѣльными хозяйствами. А по мѣрѣ того, что въ землю влагается уже не голый трудъ, а трудъ, если можно такъ выразиться, квалифицированный, т. е. снабженный умственнымъ, или денежнымъ капиталомъ, у отдѣльнаго хозяина является новый мотивъ дорожить своею землею и желать ея полнаго освобожденія отъ всѣхъ лежащихъ на ней ограниченій. Въ тоже время, капиталъ, размножая промышленныя производства, облегчаетъ отливъ лишнихъ рукъ изъ деревни. Вслѣдствіе того и другаго, представленіе о землѣ какъ о всеобщей кормилицѣ, которой должно хватать по возможности на всѣхъ, уступаетъ мало по малу новому, что земля должна принадлежать наиболѣе исправному хозяину и нужно добиваться не того, чтобы каждый былъ бы ею надѣленъ, а того лишь, чтобы она производила какъ можно болѣе. Съ этимъ не могъ не считаться даже абсолютизмъ, и вотъ почему двѣ эпохи преимущественнаго расцвѣта абсолютизма, римская имперія и правленіе Наполеона I создали гражданскіе кодексы, освящающіе неограниченную личную собственность на землю. Если на европейскомъ востокѣ не повторилось того же явленія, если магометанскій шаріатъ до сихъ поръ признаетъ, что вся земля принадлежитъ калифу, а всѣ ея владѣльцы лишь какъ бы арендаторы, если въ нашемъ отечествѣ крѣпостное право, а съ нимъ вмѣстѣ и общинное устройство усилились какъ разъ въ XVII в., то это опять таки слѣдуетъ объяснить слабостью экономическаго развитія и ничтожнымъ накопленіемъ капитала.

И такъ факты не оправдываютъ мнѣнія, будто личная поземельная собственность возникла лишь путемъ законодательства и благодаря государственной власти. Она родилась почти одновременно съ самимъ человѣчествомъ хотя, конечно, на первыхъ своихъ порахъ она имѣла лишь грубый зачаточный характеръ. Ей не предшествовалъ длинный періодъ коллективнаго владѣнія, а наоборотъ всѣ многочисленныя разновидности этой формы земельныхъ отношеній постепенно выработались изъ того хаотическаго порядка, при которомъ личная воля человѣка не знала себѣ никакихъ преградъ и личное

владѣніе землей встрѣчалось наряду съ полнымъ отсутствіемъ всякой собственности на землю. Экономическія причины вызвали на свѣтъ общинное владѣніе, и благодаря этимъ же причинамъ оно въ свою очередь отжило свой вѣкъ. Отсутствіе постороннихъ заработковъ и земельная тѣснота вызвали на свѣтъ общину, открытіе этихъ заработковъ и размноженіе капитала ее убили. Государственная власть, неповинная въ ея исчезновеніи, не призвана и воскрешать ее. Собственность вообще и поземельная въ особенности одна изъ тѣхъ сферъ гражданскихъ отношеній, которыя законодательство имѣетъ право регулировать, но самое существо котораго стоитъ внѣ его компетенціи; точно также какъ свобода совѣсти должна быть неприкосновенна для законодателя, его усмотрѣнію не подчиняется и право человѣка распоряжаться плодами своего труда. Правда, въ недавнее еще время то и другое подвергалось сомнѣнію: религія и трудъ не были свободны. Но кто станетъ отрицать, что эти недавніе порядки намъ кажутся теперь временемъ безправія и насилія, что устраненіе ихъ было не только результатомъ просвѣщеннаго взгляда законодателей, но явилось лишь какъ послѣдствіе всеобщаго признанія незаконности этихъ стѣсненій? Ни одинъ здравомыслящій человѣкъ не станетъ утверждать, будто государственная власть имѣетъ право воскресить эти отжившіе порядки. Всякая попытка въ такомъ смыслѣ показалась бы вопіющимъ превышеніемъ власти. Но если такъ, если право распоряжаться плодами своего труда стоитъ выше всякаго сомнѣнія, то одинъ изъ результатовъ этого права, именно владѣніе землей, тоже долженъ быть недосягаемъ для руки законодателя. Свобода распоряженія недвижимымъ имуществомъ имѣетъ, конечно, свои предѣлы, какъ имѣетъ ихъ любое право. Предоставленное безконтрольному соревнованію отдѣльныхъ лицъ, каждое право обращается противъ самого себя, потому что обладатель этого права склоненъ нарушать у постороннихъ то, къ чему онъ требуетъ уваженія для себя. Препятствовать такому вырожденію правовыхъ институтовъ, ограждать каждаго и отъ чужихъ посягательствъ и отъ собственныхъ ошибокъ вотъ чѣмъ

ограничивается роль законодателя. Право собственности быть можетъ болѣе всѣхъ остальныхъ даетъ поводъ къ его вмѣшательству. Вопросы о дробленіи, наслѣдованіи, залогѣ, продажѣ недвижимыхъ имуществъ могутъ и должны составлять предметъ правительственной регламентаціи. Но самый принципъ собственности, т. е. право ея владѣльца распоряжаться ею, не нарушая этимъ правъ постороннихъ лицъ, должно при этомъ оставаться незыблемымъ. Мы очень хорошо знаемъ, что подобное опредѣленіе прерогативъ законодательной власти крайне неопредѣленно и растяжимо, но такова общая судьба всѣхъ юридическихъ опредѣленій. Даже знаменитое опредѣленіе собственности по римскому праву, не знающее иного ограниченія въ распоряженіи ею, кромѣ соблюденія чужихъ правъ, тѣмъ не менѣе вынуждено мириться съ существованіемъ различныхъ сервитутовъ, съ регламентаціей купли-продажи, права наслѣдованія и завѣщанія, права аренды и т. д. Проводя черту между законнымъ вмѣшательствомъ государства въ имущественныя отношенія и всѣмъ, что идетъ далѣе такого законнаго вмѣшательства, мы не въ состояніи указать на иное мѣрило, кромѣ слѣдующаго. Всякая законодательная мѣра, цѣль которой не обезпеченіе, а подорваніе имущественныхъ правъ, самый духъ которой, стало быть, враждебенъ существу этихъ правъ, должна быть признана выходящею изъ предѣловъ дѣятельности законодательной власти. Иного мѣрила нѣтъ и быть не можетъ.

XVIII.

Мы не считаемъ возможнымъ ограничиться указаніемъ предѣловъ законодательнаго вмѣшательства въ поземельныя отношенія. Для нашей задачи необходимо обнаружить не только неправоспособность государства упразднить поземельную собственность, но и практическую невыполнимость идеи націонализаціи земли. Къ этой заключительной части нашего труда мы теперь и приступимъ.

Мы уже выше замѣтили, что понятіе о національзаціи поземельной собственности въ высшей степени растяжимое. Государство во всѣ времена являлось непосредственнымъ владѣльцемъ земли въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ, а зачастую даже сохраняло въ своихъ рукахъ верховное владычество надъ всей территоріей страны. На всемъ магометанскомъ востокѣ такое владычество принадлежитъ калифу или тому мѣстному государю, который въ силу общей всему магометанскому міру фикціи является какъ бы его представителемъ. Въ покоренныхъ Россіей магометанскихъ странахъ это право всецѣло перешло къ русской верховной власти. Нѣчто подобное существуетъ у насъ и въ Сибири, гдѣ, за очень немногими исключеніями, полной частной собственности нѣтъ вовсе, и всѣ земли, принадлежащія частнымъ лицамъ и крестьянскимъ обществамъ, состоятъ какъ бы въ ихъ вѣчномъ пользованіи. До самаго недавняго времени, т. е. до распространенія выкупа на бывшихъ государственныхъ крестьянъ, наше законодательство смотрѣло точно также и на ихъ земли. Въ Московскій періодъ нашей исторіи власть государства надъ землей была еще распространеннѣе. Такъ, вскорѣ послѣ покоренія Новгорода Іоанномъ III, большая часть земель тамошнихъ бояръ была у нихъ отобрана и отдана боярамъ московскимъ. Не менѣе полновластно московское правительство распорядилось и съ землями частныхъ владѣльцевъ въ Двинскомъ поморьѣ, обративъ ихъ въ черносошныя, т. е. казенныя. Московскіе государи сплошь и рядомъ отбирали по усмотрѣнію не только пожалованныя ими помѣстья, но и родовыя вотчины. Такъ случилось напр. съ имѣніями Шуйскихъ князей, получившихъ взамѣнъ старыхъ земель новыя, большей частью въ Тверской области. Точно также послѣ завоеванія Твери поступилъ и Іоаннъ III съ большинствомъ Тверскихъ бояръ. Вообще говоря основнымъ правиломъ Московской политики было не оставлять потомкамъ бывшаго удѣльнаго князя и его главнымъ боярамъ земель въ предѣлахъ его прежняго владѣнія. Право государя распоряжаться землею, жаловать ее и отбирать, было такимъ образомъ совершенно неограниченно. Но и далеко за пре-

дѣлами Россіи мы встрѣчаемъ такое же широкое примѣненіе начала государственной собственности. Въ Соединенныхъ Штатахъ и во всѣхъ англійскихъ колоніяхъ земля, не занятая европейскими поселенцами, признается казенною и поступаетъ въ продажу частнымъ лицамъ на условіяхъ, опредѣленныхъ закономъ. При этомъ отчужденіе такихъ казенныхъ земель принимаетъ въ Сѣверной Америкѣ очень своеобразный характеръ, создавая особую условную собственность. Участки земли въ Соединенныхъ Штатахъ уступались зачастую акціонернымъ компаніямъ и частнымъ лицамъ по очень льготнымъ цѣнамъ, но подъ непремѣннымъ условіемъ завести извѣстную эксплуатацію въ опредѣленный срокъ.

Такимъ образомъ государственное землевладѣніе всегда было и до сихъ поръ остается очень распространенною формою собственности. Тѣмъ не менѣе одна очень существенная черта всегда отличала его отъ того поземельнаго устройства, къ которому должна бы вести такъ называемая націонализація. Владѣя землей, государство никогда или почти никогда ею не пользовалось. Его хозяйство всегда ограничивалось самыми первобытными пріемами,—вырубкою лѣсовъ болѣе или менѣе правильною и обращеніемъ прочихъ угодій въ оброчныя статьи, отдаваемыя съ торговъ. Исключенія изъ этого правила были такъ малочисленны и такъ неудачны, что объ нихъ и упоминать не стоитъ. О самомъ крупномъ изъ нихъ, о владычествѣ іезуитовъ въ долинѣ Лаплаты мы уже говорили. Словомъ государство признавало себя всегда некомпетентнымъ въ качествѣ землевладѣльца. Но сверхъ того оно еще стремилось раздѣлаться съ своимъ земельнымъ фондомъ, уступить его частнымъ лицамъ, въ которыхъ видѣло болѣе надежныхъ хозяевъ. На свои земли оно смотрѣло какъ на фондъ заселенія страны и смотря потому, какіе аграрные взгляды преобладали въ данную минуту, это заселеніе производилось либо капиталистическимъ порядкомъ, продажею крупныхъ участковъ, либо водвореніемъ крестьянъ. Въ австралійскихъ колоніяхъ Англіи напр. и отчасти въ Соединенныхъ Штатахъ всегда оказывалось предпочтеніе очень крупнымъ земельнымъ дачамъ сла-

годаря крайней экстенсивности тамошнихъ хозяйствъ. Въ южно-африканскихъ колоніяхъ и въ Канадѣ, наоборотъ, земля большею частью нарѣзывалась сравнительно небольшими фермерскими участками, не свыше 100 акровъ. Въ нашемъ отечествѣ искони господствовала система крестьянскаго заселенія, вошедшаго не только въ практику, но и ставшаго предметомъ законодательства. Такъ заселеніе приволжскихъ и заволжскихъ губерній всегда производилось переводомъ туда крестьянъ изъ малоземельныхъ селъ. Тоже совершается и понынѣ, хотя въ очень ограниченныхъ размѣрахъ, въ Западной Сибири и въ Уссурійскомъ краѣ. Но были у насъ и примѣры иного рода—жалованіе крупныхъ и даже очень крупныхъ имѣній въ Новороссіи и въ Самарской губерніи, отводъ земель офицерамъ и чиновникамъ въ Кубанской и Терской областяхъ и въ Оренбургскомъ генералъ-губернаторствѣ. И нельзя сказать, чтобы они оказались особенно удачными. Наконецъ самымъ блестящимъ случаемъ крупновладѣльческой колонизаціи, совершившейся притомъ рядомъ фокусовъ, было такъ называемое расхищеніе уфимскихъ земель.

Какъ видитъ читатель, все это имѣетъ мало общаго съ націонализаціей земли, и практика государственнаго землевладѣнія не даетъ почти никакихъ фактическихъ данныхъ въ пользу такой націонализаціи. Намъ остается въ виду этого разсмотрѣть эту аграрную систему лишь на теоретической почвѣ, т. е. задавая себѣ вопросъ, къ какимъ послѣдствіямъ должно привести ея осуществленіе.

Обращеніе всей территоріи страны въ государственную собственность мыслимо въ двухъ совершенно различныхъ формахъ. Государство можетъ ограничиться лишь присвоеніемъ себѣ ренты, предоставляя дѣйствительную эксплуатацію болѣе или менѣе долгосрочнымъ арендаторамъ. При такой земельной организаціи государство являлось бы чѣмъ то вродѣ колоссальнаго ландлорда, отдающаго свои земли фермерамъ. Система эта изложена съ особенною полнотою въ извѣстной книгѣ Генри Джорджа «Прогрессъ и Бѣдность» (Progress and Poverty). Громадный успѣхъ этого произведенія—оно было переведено на

всѣ языки и въ одномъ англійскомъ изданіи разошлось въ количествѣ болѣе 300.000 экземпляровъ—находится внѣ всякаго соотвѣтствія съ его внутреннимъ достоинствомъ. Аргументація Джорджа, если ее освободить отъ риторическихъ прикрасъ и отъ ухищреній діалектики, особенною силою доводовъ не отличается. Поставивъ себѣ вопросъ, какъ объяснить растущую нужду въ рабочихъ классахъ среди кажущагося всеобщаго обогащенія, Генри Джоржъ рѣшаетъ его слѣдующимъ образомъ. Ходячее объясненіе бѣдности приписываетъ ее несоотвѣтствію роста населенія съ размноженіемъ средствъ къ жизни. Теорія Мальтуса пущена въ ходъ и поддерживается заправскими экономистами въ видахъ защиты охранительныхъ интересовъ,—такъ какъ въ пролетаріатѣ она видитъ явленіе неизбѣжное и роковое. И вотъ американскій публицистъ ополчается противъ Мальтуса, доказывая всю невѣрность его положенія. Онъ могъ бы избавить себя отъ этого труда: перепроизводство хлѣба, котораго мы были свидѣтелями послѣднія десять лѣтъ, вполнѣ убѣждаетъ насъ, что человѣчеству голодная смерть не угрожаетъ. Отвергнувъ такимъ образомъ объясненіе Мальтуса, Джорджъ возстаетъ и противъ двухъ другихъ очень распространенныхъ взглядовъ, изъ которыхъ одинъ принадлежитъ правовѣрной, другой соціалистической школѣ экономистовъ. Первый изъ нихъ видитъ въ размноженіи капитала естественный исходъ для растущаго числа рабочихъ, такъ какъ спросъ на работу прямо пропорціоналенъ количеству обращающихся на рынкѣ капиталовъ. Нельзя сказать, чтобы Джорджъ привелъ слишкомъ вѣскіе доводы противъ этого положенія, которое, мимоходомъ сказать, имѣетъ скорѣе характеръ афоризма, чѣмъ строгаго научнаго закона. Несомнѣнно обиліе капиталовъ, вообще говоря, ведетъ къ размноженію промышленныхъ предпріятій, а стало быть и къ увеличенію спроса на трудъ. Но отсюда еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы два эти явленія шли всегда параллельно и приводили, въ концѣ концевъ, къ неизбѣжному возвышенію рабочей платы. Да этого ни одинъ изъ серьезныхъ экономистовъ и не утверждалъ. Такимъ образомъ и здѣсь Генри Джорджъ какъ бы

вламывается въ открытую дверь, прибѣгая вдобавокъ къ любимому своему орудію, къ софистической діалектикѣ. Затѣмъ онъ обращается какъ разъ въ противоположную сторону и точно также рѣшительно отвергаетъ ученіе соціалистовъ, будто пролетаріатъ возникаетъ и распространяется благодаря эксплуатаціи труда капиталомъ. Наоборотъ, по мнѣнію Джорджа, интересы капитала и труда солидарны, такъ какъ оба они одинаково страдаютъ отъ третьяго фактора производства, отъ землевладѣнія. Необходимость изъ рыночной цѣны каждаго продукта удѣлить часть на уплату ренты—вотъ въ чемъ Генри Джорджъ видитъ настоящую причину бѣдности, причину того, что большинство продуктовъ рабочему недоступно. Зло это будетъ устранено, какъ скоро вся земля станетъ собственностью государства и ренту будетъ взимать казна и при томъ въ уменьшенномъ размѣрѣ. Выгода отсюда произойдетъ двойная. Всѣ продукты понизятся въ цѣнѣ, во первыхъ вслѣдствіе уменьшенія ренты, во вторыхъ и главнымъ образомъ благодаря тому, что всѣ расходы государства покроются этою рентою и вслѣдствіе того будутъ отмѣнены всѣ косвенные налоги. Это послѣднее соображеніе и было вѣроятно причиною популярности книги Джорджа, соблазнивъ массу читателей перспективой дешеваго потребленія.

Нельзя не признать, что предложеніе Джорджа крайне незамысловатаго свойства. Конфисковать всю поземельную ренту, отмѣнивъ въ тоже время всѣ косвенные налоги, это въ самомъ дѣлѣ очень простое средство обогатить казну и понизить цѣны на всѣ товары, обложенные въ настоящее время акцизомъ или пошлинами. Не всѣ простыя средства однако цѣлесообразны. Допустимъ въ самомъ дѣлѣ, что грандіозная конфискація, о которой мечтаетъ Джорджъ, благополучно совершилась и полные собственники земли уступили мѣсто арендаторамъ. Мы на время устраняемъ всякую мысль о непосредственномъ веденіи хозяйства казною, такъ какъ это не входитъ въ программу Джорджа и сторонниковъ его идеи. Въ аграрномъ соціализмѣ мы находимъ повтореніе тѣхъ двухъ главныхъ теченій, на которыя дѣлится вся соціалистическая школа по-

мимо ея крайняго лѣваго крыла, т. е. анархистовъ. По отношенію къ землѣ теорія пропорціональнаго вознагражденія, точно также какъ по отношенію къ промышленности, стоитъ бокъ о бокъ съ теоріей полной коллективности. Представителемъ первой и является Генри Джорджъ. Только въ аграрномъ вопросѣ принципъ пропорціональнаго и въ тоже время полнаго вознагражденія нѣсколько видоизмѣняется, такъ какъ владѣльцемъ земли является не ассоціація земледѣльцевъ, а государство, что далеко не тоже самое. За право воздѣлывать землю въ свою пользу арендаторъ долженъ уступить казнѣ извѣстную часть своей прибыли т. е. въ сущности выплачивать ту же ренту, какую онъ до сихъ поръ вносилъ землевладѣльцу хоть и въ нѣсколько уменьшенномъ размѣрѣ. Мы тотчасъ увидимъ, что земельныя отношенія при господствѣ аграрной системы, защищаемой Джорджемъ, принципіально измѣнится очень мало. Но сперва мы должны выяснить себѣ, какъ сложатся эти отношенія т. е. какъ распредѣлится фактически земля между тѣми, кто ее станетъ воздѣлывать.

Соціальные реформаторы, трактуя объ аграрной реформѣ, обыкновенно упускаютъ изъ виду одно существенное обстоятельство. Земля, какъ производитель и потому какъ объектъ цѣнности, вовсе не походитъ на всѣ остальные товары, въ томъ числѣ и на деньги. Ее нельзя дробить до безконечности, сохраняя за каждымъ дробнымъ участкомъ соотвѣтственную долю цѣнности. Если бы напр., данное хозяйство, занимающее положимъ 100 гектаровъ, приноситъ опредѣленный доходъ, допустимъ въ 5000 франковъ, то изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы каждый отдѣльный гектаръ приносилъ бы ровно по 50 франковъ. Производительность и доходность земли во первыхъ до безконечности видоизмѣняются, смотря по качествамъ почвы и близости сбыта, а во вторыхъ каждое отдѣльное хозяйство опредѣленнаго размѣра представляетъ собою нѣчто цѣлое, части котораго не могутъ быть всегда легко амптутированы безъ вреда для этого цѣлаго. Въ составъ его, смотря по принятой системѣ обработки, должны входить въ извѣстномъ соотношеніи различныя угодія,—пашни, луга, вы-

гоны и т. д. Сама же система т. е. наиболѣе выгодные для данной мѣстности размѣры хозяйства и способы его веденія, въ свою очередь, зависятъ отъ двухъ условій—отъ абсолютныхъ качествъ почвы и климата и отъ топографическихъ условій мѣстности. Строеніе земной поверхности, т. е. относительная ея высота, большая или меньшая каменистость, песчаность, сырость и т. д. почвы, наконецъ, присутствіе воды и направленіе рѣкъ и рѣчекъ создаютъ рядъ такихъ рѣшающихъ данныхъ для организаціи земледѣлія, игнорировать которыя нѣтъ никакой возможности даже для самаго пылкаго реформатора. Нельзя напр. заводить пашни на крутыхъ склонахъ или на высокихъ горныхъ пастбищахъ, нельзя разводить виноградъ на сѣверныхъ скатахъ, нельзя обходиться безъ водопоя. Нелѣпо было бы въ тоже время разводить картофель тамъ, гдѣ можетъ расти виноградъ или обращать въ пашни низкіе луга, превосходные для пастьбы. При свободномъ частномъ землевладѣніи естественный ходъ дѣла по необходимости влечетъ въ сторону раціональной организаціи подъ дѣйствіемъ такихъ коррективовъ, какъ личная выгода и долговременный опытъ. Если бы единственнымъ владѣльцемъ сдѣлалось государство, оно также не могло бы произвольно нарушить установившіяся дѣленія и симметрично разбить поверхность земли, какъ шахматную доску. Оно должно будетъ сообразоваться съ выгодами арендаторовъ, которые, безъ сомнѣнія лучше казенныхъ чиновниковъ, будутъ въ состояніи оцѣнить эти выгоды, и выразится это очень простымъ способомъ, большею или меньшею охотою снять данный участокъ, если относительно арендной платы, разъ навсегда установленной, конкурса допускаться не будетъ. Такимъ образомъ относительно числа, формы и размѣровъ арендуемыхъ участковъ, правительственное усмотрѣніе должно будетъ дѣлать уступки на каждомъ шагу, если оно не захочетъ своимъ неумѣлымъ вмѣшательствомъ понизить сельско-хозяйственную производительность. Допустимъ при этомъ, что будетъ установленъ крайній максимальный предѣлъ арендуемыхъ участковъ, хотя предположеніе это само по себѣ заключаетъ уже явную нелѣпость, такъ какъ нера-

ціонально заводить мелкія хозяйства тамъ, гдѣ выгодны крупныя. Но какъ бы то ни было въ предѣлахъ этого максимума возникнутъ хозяйства, крайне различныя по размѣрамъ, и границы ихъ опредѣлятся не канцелярскими соображеніями, а такими условіями, какъ наличность горъ, теченіе рѣкъ и т. п. И какой же будетъ неизбѣжный результатъ такой аграрной системы? Получится классъ землевладѣльцевъ-арендаторовъ, во первыхъ далеко не обнимающій собою цѣлую націю, во вторыхъ крайне разнообразный по своему достатку. Не говоря уже о личныхъ качествахъ этихъ арендаторовъ, трудно устранить такія причины неравенства, какъ большая или меньшая близость выгоднаго рынка, различіе въ плодородіи почвы, возможность засѣвать растенія болѣе выгодныя и т. д. Конечно эти условія повліяютъ и на высоту арендной платы, но такъ какъ эта плата составитъ лишь извѣстный процентъ съ доходности, то и полученный остатокъ будетъ очевидно неодинаковъ.

Такимъ образомъ вся реформа сведется къ замѣнѣ класса независимыхъ землевладѣльцевъ, крупныхъ, среднихъ и мелкихъ, классомъ арендаторовъ, правда нѣсколько болѣе многочисленнымъ, но далеко не достигающимъ идеала надѣленія землей всѣхъ и каждаго. По сравненіи съ прежними собственниками положеніе этихъ арендаторовъ будетъ нѣсколько худшимъ, такъ какъ часть своего дохода они должны будутъ уступать казнѣ. На оборотъ въ сравненіи съ фермерами настоящаго времени, снимающихъ землю у частныхъ лицъ, ихъ положеніе будетъ нѣсколько лучшимъ, такъ какъ платимая ими рента понизится и условія арендованія станутъ вѣроятно болѣе устойчивыми. Такой богатый землевладѣлецъ, какъ государство, будетъ конечно въ состояніи ставить своимъ фермерамъ льготныя условія, хотя позволительно думать, что формализмъ и придирчивость казенныхъ чиновниковъ часто заставятъ арендаторовъ будущаго пожалѣть о минувшихъ порядкахъ. Какъ бы то ни было, чѣмъ ниже будетъ платимая государству рента и чѣмъ длиннѣе сроки аренды, тѣмъ сильнѣе окажется сходство новыхъ арендаторовъ съ прежними

собственниками. Это сходство, вѣроятно, скажется и въ двухъ главныхъ чертахъ, характеризующихъ теперешнее сельское хозяйство, въ стараніи продать свои продукты какъ можно дороже и въ усиліяхъ понизить стоимость ихъ производства. Такимъ образомъ собственно въ аграрномъ строѣ реформа ничего особенно новаго не создастъ.

Но какъ она отзовется на бытѣ остальнаго населенія? Если мы припомнимъ исходное положеніе Генри Джорджа, что дороговизна и недоступность большинства продуктовъ зависитъ отъ платимой землевладѣльцами ренты, то главная цѣль реформы должна очевидно заключаться въ пониженіи рыночныхъ цѣнъ, вызванномъ экспропріаціей прежнихъ владѣльцевъ. Отмѣна всѣхъ косвенныхъ налоговъ безъ сомнѣнія произведетъ такое пониженіе, во первыхъ для привозныхъ товаровъ, во вторыхъ для предметовъ, обложенныхъ акцизомъ, для вина, спирта, сахара, табаку и т. д. Но на самое главное, на предметы одежды и продовольствія, отмѣна косвенныхъ налоговъ не окажетъ никакого дѣйствія, такъ какъ они до сихъ поръ ими не обложены. Быть можетъ однако сторонники націонализаціи ожидаютъ пониженія цѣнъ на предметы этой категоріи, вслѣдствіе уничтоженія ренты и замѣны ея умѣренной платой въ пользу казны. Но думать такъ, значитъ имѣть крайне превратное понятіе объ экономическомъ значеніи ренты. Не высота ренты обусловливаетъ собою цѣну земледѣльческихъ продуктовъ, а наоборотъ. Землевладѣльцы требуютъ опредѣленной платы за свой хлѣбъ, скотъ и т. д. не потому, что въ данной мѣстности существуютъ извѣстныя арендныя цѣны, а совершенно напротивъ: они не соглашаются уступать свои земли ниже извѣстной арендной цѣны, сообразно съ тѣмъ доходомъ, какой могутъ получать они, обрабатывая эти земли сами. Совершенно также поступаютъ и арендаторы: они соглашаются платить за землю лишь то, что могутъ съ нея выручить. Если бы рента почему либо значительно понизилась, никакого измѣненія въ цѣнахъ не произошло бы, а увеличился бы лишь доходъ арендаторовъ. И такъ всѣ результаты аграрной реформы сведутся къ двумъ слѣдующимъ: къ нѣкоторому

увеличенію достатка у класса съемщиковъ земли и къ удешевленію предметовъ, обложенныхъ акцизомъ и привезенныхъ изъ-за границы. По истинѣ мизерный исходъ для такого колоссальнаго преобразованія, какъ экспропріація всего землевладѣнія!

При націонализаціи земли возможно однако—по крайней мѣрѣ насъ увѣряютъ въ этомъ коллективисты—иной болѣе радикальный и потому лучшій способъ аграрнаго устройства. Государство можетъ вести сельско-хозяйственное производство прямо отъ себя, организуя его по примѣру фабричнаго. Тогда всѣ отдѣльные земледѣльческіе центры станутъ лишь чѣмъ то вродѣ хуторовъ въ огромномъ казенномъ помѣстьи, обнимающемъ цѣлую страну. Тогда продукты земли перестанутъ быть чьею либо собственностью и плоды урожая каждаго года будутъ свозиться въ обширные казенные склады, чтобы затѣмъ распредѣляться среди населенія по мѣрѣ его нуждъ и потребностей. Перестанутъ существовать не только землевладѣльцы, но и арендаторы, работающіе на себя, и замѣнятъ ихъ чиновники, завѣдывающіе хуторами, и работающіе подъ ихъ начальствомъ батраки.

Вотъ каково завидное устройство, рекомендуемое намъ коллективистами: казенная работа по наряду, повсюду замѣняющая частную дѣятельность по личной иниціативѣ, нѣчто вродѣ огромной земледѣльческой каторги, обнимающей цѣлую страну. Говоря о книгѣ Беллэми, мы уже замѣтили, что американскій авторъ совершенно умалчиваетъ о сельско-хозяйственной сторонѣ своей задачи. Наряду съ оживленными картинами городской жизни ни одной черты у него не посвящено описанію деревни. Произошло это должно быть оттого, что трезвый умъ Беллэми не могъ осилить трудностей, какія представляло ему разрѣшеніе аграрной проблемы. Голыя увѣренія, почерпнутыя изъ чистой фантазіи, его не удовлетворяли, а воплотить ихъ въ живые образы онъ не могъ. И въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ правительственное учрежденіе, завѣдывающее такою отраслью экономической жизни, какъ обработка земли, и завѣдывающее не въ теоретическомъ смыслѣ посред-

ствомъ разныхъ поощрительныхъ мѣръ, а прямо, непосредственно, какъ хозяинъ управляетъ своимъ имѣніемъ. Представимъ себѣ центральный правительственный органъ, рѣшающій въ столицѣ, какъ велика будетъ каждая сельско-хозяйственная эксплуатація, возстановляющій такъ сказать всю внутреннюю ткань первичныхъ экономическихъ ячеекъ, въ которыхъ ежегодно создаются источники народнаго богатства. Чиновники станутъ перекраивать на произвольные лоскутки живой организмъ народной территоріи, опредѣлять сколько должно быть высѣяно разныхъ сѣмянъ на каждомъ хуторѣ, проектировать для каждаго изъ нихъ планъ хозяйственной организаціи, повѣрять отчеты мѣстныхъ управляющихъ. И на всѣхъ развѣтвленіяхъ этого сложнаго организма совершенно будетъ отсутствовать стимулъ личной пользы, повсюду замѣненный бюрократическимъ формализмомъ. Каковы должны быть способности государственнаго человѣка, который станетъ во главѣ этого колоссальнаго управленія и призванъ будетъ слѣдить за всѣмъ земледѣльческимъ кровообращеніемъ страны! Любой геній, если бы онъ даже оказался подъ рукой, былъ бы не способенъ на эту детальную работу, у него зарябило бы въ глазахъ отъ ея мелкихъ подробностей, онъ оказался бы въ положеніи дальнозоркаго, которому поручили бы сосчитать песчинки въ кучѣ мусора. Въ концѣ концовъ способъ рѣшенія аграрной задачи, предлагаемый коллективистами, сводится къ тому, что мѣсто живаго организма призванъ будетъ занять автоматъ.

Но, возразятъ намъ, то самое устройство, которое намъ кажется нелѣпымъ, было испробовано и притомъ съ большимъ успѣхомъ въ іезуитскихъ поселеніяхъ Ла-платы. Земледѣлецъ тамъ былъ тоже обращенъ въ батрака, работающаго подъ руководствомъ чужой власти, и власть эта не только высоко подняла уровень производительности, она сознательно и благотворно пеклась о своихъ подчиненныхъ. Утверждающихъ это мы попросимъ точнѣе припомнить, въ какія условія были поставлены іезуитскія колоніи. Приравнивать ихъ къ современному государству довольно трудно, такъ какъ каждая

отдѣльная миссія была независимою единицей, завѣдывающей отдѣльнымъ, хотя и довольно крупнымъ, имѣніемъ. Всѣхъ миссій было притомъ, 22 на нижней Паранѣ и на Уругваѣ и 15 между верхнимъ теченіемъ Параны и Парагваемъ. Надзоръ за такимъ числомъ сельско-хозяйственныхъ центровъ возможенъ, хоть и затруднителенъ. Но помимо такого надзора орденъ іезуитовъ представляетъ собою такую организацію, которой подобной нѣтъ на землѣ, организацію, всѣ члены которой охвачены одною руководящею идеею, однимъ духомъ и въ тоже время способны проводить эту идею вполнѣ самостоятельно другъ отъ друга. Іезуиты притомъ всегда отличались умѣньемъ подбирать свой личный составъ. Полагаемъ, что такими качествами ни одинъ чиновничій персоналъ похвастаться не можетъ. Но помимо всего этого Лаплатскія колоніи совмѣщали въ себѣ два условія, которыхъ нѣтъ и быть не можетъ въ современныхъ государствахъ. Во первыхъ, работающіе подъ ихъ руководствомъ краснокожіе изъ племени Гуарани были настоящими крѣпостными святыхъ отцевъ. Во вторыхъ, хозяева этихъ крѣпостныхъ, движимые прежде всего желаніемъ распространять католичество, пеклись объ ихъ духовномъ и матеріальномъ благосостояніи, какъ дѣлаютъ это очень немногіе хозяева со своими рабочими, а еще менѣе способны дѣлать казенные чиновники. И такъ невозможность подыскать такой персоналъ, какой представлялъ изъ себя орденъ іезуитовъ съ одной стороны, и неудобство помышлять о возстановленіи крѣпостнаго права въ какой бы то ни было формѣ съ другой, не позволяетъ намъ ссылаться на примѣръ дѣятельности іезуитовъ въ долинѣ Ла-платы.

Но, помимо всего этого, есть еще одно соображеніе, едва ли не болѣе вѣское всѣхъ прочихъ. Общая всѣмъ людямъ мечта подъ конецъ жизни свить себѣ гнѣздо, вмѣстѣ съ семьей укрыться въ какой нибудь домикъ по возможности за предѣлами города, въ домикъ, гдѣ можно было бы отдохнуть и позаняться садоводствомъ и въ лѣтнія жары насладиться тѣнью отъ дерева, посаженнаго собственными руками, эта мечта, облекающаяся въ болѣе или менѣе грандіозные размѣры свой-

ственна всѣмъ городскимъ жителямъ отъ богатаго торговца до простаго рабочаго. Для другой части населенія, для помѣстнаго класса и для крестьянъ это уже не мечта, а дѣйствительность, и разстаться съ своимъ кровомъ для людей этихъ классовъ было бы ничѣмъ незамѣнимою утратой. И съ каждымъ годомъ число лѣтнихъ помѣщеній, куда на половину года укрываются городскіе жители, все растетъ и растетъ. Вытравить это стремленіе изъ человѣческаго сердца нельзя ничѣмъ. Какіе бы воздушные замки ни сулила намъ фантазія реформаторовъ, какою бы роскошью ни украшала она будущія казармы или будущія сельскія колоніи, все таки это будутъ лишь казармы или колоніи, т. е. помѣщенія, гдѣ должны будутъ жить сообща по шаблону, дома выстроены на одинъ ладъ по казенному вкусу, парки, гдѣ нельзя будетъ уединиться, гдѣ ничего не будетъ своего, личнаго. Правда нѣчто подобное существуетъ и теперь въ такихъ мѣстахъ какъ Баденъ, Висбаденъ, Карлсбадъ и Виши, куда ежегодно стекается отборное общество, чтобы жить за дорогую цѣну въ двухъ—трехъ комнатахъ гостинницы, либо въ крошечныхъ виллахъ и наслаждаться тѣми прекрасными общественными садами, которые развела тамъ казенная роскошь. Но стекаются сюда лишь на какой нибудь мѣсяцъ подъ вліяніемъ такого стимула, какъ мода, и съ готовностью принести нѣкоторыя жертвы ради удовольствія потолкаться въ избранной толпѣ. Попробуйте этотъ мѣсяцъ растянуть на цѣлую жизнь и поставить этихъ людей въ необходимость не знать иного дома, кромѣ гостинницы, иного сада, кромѣ общественнаго гулянія. Приговорить людей къ тому, чтобы не только они никакой уголъ не могли назвать своимъ, но и потеряли надежду такой уголъ когда либо пріобрѣсть,—какою бы стала тогда жизнь и куда дѣвался бы главный стимулъ человѣческихъ усилій, стимулъ правда обманчивый для многихъ, но всѣмъ одинаково представляющій въ будущемъ заманчивую картину семейнаго очага?

XIX.

Мы постарались здѣсь прослѣдить всевозможныя комбинаціи будущаго переустройства экономическаго быта на основаніи полнаго имущественнаго равенства. Оставляя въ сторонѣ ученіе анархистовъ, какъ совершенно безсильное формулировать какія либо положительныя идеи о будущей общественной организаціи, мы находимъ, что всѣ соціалистическія теоріи распадаются на двѣ группы, смотря по тому, исходятъ ли онѣ изъ начала пропорціональнаго дѣленія продуктовъ между производителями или требуютъ безусловной коллективной собственности и безусловнаго равенства въ потребленіи. Къ первой группѣ мы вправѣ отнести какъ тѣ ученія, которыя проводятъ идею пропорціонаго вознагражденія въ одинаковой мѣрѣ въ промышленномъ и земледѣльческомъ производствѣ, такъ и попытки соціальной реформы, ограничивающіяся лишь одной изъ двухъ сторонъ экономической жизни. Анализъ всѣхъ этихъ ученій быть можетъ успѣлъ за одно съ нами убѣдить читателя въ томъ, что соціальнымъ реформаторамъ приходится выбирать между двумя неизбѣжными послѣдствіями—неминуемымъ возстановленіемъ неравенства въ болѣе или менѣе короткій промежутокъ времени и болѣе или менѣе полнымъ устраненіемъ личной свободы. Какъ скоро дѣленіе продуктовъ не предрѣшенъ заранѣе, а сообразуется съ выручкою каждаго, смотря по степени его способности и энергіи и за нимъ остается право свободно располагать полученнымъ избыткомъ, неравенство въ достаткѣ окажется уже по окончаніи перваго экономическаго года, и дальнѣйшій ходъ процесса несомнѣнно поведетъ къ постепенному развитію этого неравенства. При этомъ все равно будетъ ли преобладать мелкая культура и мелкая промышленность, т. е. будетъ ли каждая семья работать самостоятельно на отдѣльномъ участкѣ земли и съ принадлежащими ей орудіями кустарнаго производства или наоборотъ отдѣльные производители сольются въ болѣе крупные союзы,—земледѣльческія общины и продуктив-

ныя ассоціаціи. Какъ скоро даже при коллективномъ владѣніи извѣстной группы людей дѣлежъ продуктовъ не безусловно равномѣренъ, а соотвѣтствуетъ выручкѣ, неравенство, присущее самой человѣческой натурѣ, должно будетъ отразиться и на степени благосостоянія каждой отдѣльной семьи. Такимъ образомъ весь результатъ произведенной реформы сведется лишь къ временному установленію равенства, а затѣмъ съизнова начнется тотъ самый экономическій процессъ, который привелъ человѣчество къ его теперешнему экономическому состоянію.

Но это еще далеко не все. Экономическій переворотъ, котораго добиваются сторонники принципа «Der Arbeit ihr voller Ertrag», въ сущности былъ бы ничѣмъ инымъ какъ рѣшительнымъ возвращеніемъ назадъ, крупнымъ регрессомъ всего производства. Имущественное равенство будетъ не только лишь временнымъ, хоть и радикальнымъ, леченіемъ существующаго зла, оно пріобрѣтется дорогою цѣною всеобщаго обѣднѣнія. Тотъ общій знаменатель, къ которому силятся привести отдѣльныя хозяйства, ничто иное, какъ уровень бѣдности. Въ самомъ дѣлѣ каковъ тотъ экономическій идеалъ, который болѣе или менѣе отчетливо рисуется всѣмъ реформаторамъ умѣренной соціальной школы, въ то же время и самому талантливому изъ нихъ, Карлу Марксу? Это такой порядокъ вещей, при которомъ каждая отдѣльная семья производила бы лишь то, что нужно для собственнаго ея потребленія, а стало быть за неимѣніемъ объектовъ для обмѣна удовлетворяла бы и всѣ свои нужды собственнымъ производствомъ. Марксъ проговаривается на этотъ счетъ очень ясно. Говоря, что нужды рабочаго могутъ быть удовлетворены извѣстною частью рабочаго дня и что удлиненіе этого дня сверхъ необходимой нормы плодъ усилій капитала, Марксъ сознается, что строго говоря нѣтъ никакой необходимости въ такомъ усиленіи, что рабочему въ концѣ концевъ незачѣмъ утруждать себя лишнимъ трудомъ, коль скоро удовлетворены его нужды *). Марксъ

*) См. K. Marx, das Kapital, I, Seite 204, 343, 369—370.

относится не особенно благопріятно и къ тому увеличенію производительности, которое возникаетъ благодаря комбинированной работѣ и усовершенствованію машинъ. Во всемъ этомъ онъ видитъ лишь результаты хищнической наклонности капитала, стремящагося удовлетворить не дѣйствительныя нужды людей, а лишь жажду непомѣрнаго обогащенія. Но если такъ, если усиленная работа есть зло, если не меньшее зло и въ увеличеніи интензивности труда ради пріобрѣтенія объектовъ для обмѣна, то въ концѣ концевъ должно наступить полное разложеніе теперешняго производства, разложеніе его на экономическіе атомы, если можно такъ выразиться. Если два могучіе стимула прогресса, трудолюбіе съ одной стороны и наклонность къ сбереженію съ другой, должны быть откинуты, какъ что то ненужное, пожалуй даже вредное, то лучшимъ, идеальнымъ состояніемъ человѣчества окажется то, при которомъ каждое отдѣльное хозяйство производитъ не только все то, что нужно для пищи, но и всѣ остальные предметы своего потребленія. А затѣмъ, какъ естественное послѣдствіе такого порядка, каждое такое хозяйство будетъ потреблять лишь то, что произвело само. Быть можетъ это было бы возвращеніемъ къ золотому вѣку, но золотой вѣкъ лежитъ вѣдь далеко позади насъ или вѣрнѣе онъ существуетъ и понынѣ тамъ, куда не проникла еще «тлетворная» европейская цивилизація. Подъ благословеннымъ небомъ полинезійскихъ острововъ достаточно пожалуй и не шестичасовой работы, о которой говоритъ Марксъ, а двухъ или трехчасовой для удовлетворенія несложныхъ потребностей ихъ жителей. Земля даетъ двѣ жатвы въ годъ, но строго говоря—незачѣмъ и обработывать землю, такъ какъ хлѣбное дерево и кокосовая пальма даромъ снабжаютъ людей пищею. Но зато жители этихъ острововъ до сихъ поръ покрываются одеждою изъ пальмовыхъ листьевъ и спятъ въ хижинахъ изъ нетесанаго камня. Таковъ ли идеалъ будущаго прогресса?

Говоримъ мы это далеко не голословно. Въ современной экономической литературѣ и притомъ не у однихъ только чистыхъ соціалистовъ сплошь и рядомъ встрѣчаются лирическія

восхваленія прошлаго, сожалѣнія о минувшемъ времени, когда будто бы молочныя рѣки текли въ кисельныхъ берегахъ. Всѣ отдѣльныя черты прошлаго строя человѣческихъ обществъ поочередно становятся предметомъ такихъ сожалѣній. Поземельная община превозносится какъ надежное средство охраны рабочаго класса отъ обезземеленія, цеховая организація какъ такое же средство обезпеченія ремесленнаго класса отъ безработицы и нищеты. Въ Германіи нашелся ученый изслѣдователь, потратившій много таланта, чтобы показать намъ какъ въ средніе вѣка, благодаря римско-католической церкви, и школьное дѣло и обезпеченіе народнаго продовольствія были гораздо лучше поставлены, чѣмъ въ послѣдующую эпоху *).

Во Франціи глава тамошней католической партіи графъ Де-Менъ съ неменьшимъ усердіемъ проводитъ мысль, что въ до революціонное время рабочіе были гораздо обезпеченнѣе отъ нужды, чѣмъ въ настоящее время. Къ такимъ же laudatores temporis acti принадлежитъ и Леплэ, не разъ утверждавшій, что въ средніе вѣка при сплоченности семьи и недѣлимости ея имущества несравненно лучше жилось сельскому люду. Бельгійскій публицистъ Эмиль де Лавелэ и его нѣмецкій переводчикъ д-ръ Бюхеръ заходятъ еще далѣе въ своихъ симпатіяхъ къ старинѣ. Имъ мерещится какое то несказанное благополучіе, окружавшее человѣчество съ самой его колыбели, и золотой вѣкъ Овидія имъ кажется чѣмъ то реальнымъ. Они почти грустятъ о томъ времени, когда поля не опредѣлялись межами, повсюду свободно паслись стада, и также свободно ходилъ топоръ. Говоря о порядкахъ, какіе застали испанцы въ имперіи Инковъ, они спрашиваютъ у себя, взаправду ли цивилизацію привезли съ собою европейцы и не выше ли была культура краснокожихъ, хотя мы и привыкли обзывать ихъ варварами. И въ нашемъ отечествѣ нѣтъ недостатка въ подобныхъ сѣтованіяхъ. Даже наиболѣе передовые изъ нашихъ публицистовъ, какъ гг. Южаковъ, Ходскій, кн. Васильчиковъ

*) См. Jahnsen, Deutsche Geschichte.

и другіе, публицисты, конечно, ни чуть не склонные идеализировать крѣпостное право, постоянно говорятъ объ ухудшеніи крестьянскаго быта, сравнивая его настоящее положеніе съ прошлымъ. Мы не станемъ разсматривать здѣсь, существовали ли въ самомъ дѣлѣ тѣ привольныя времена, о которыхъ принято сожалѣть. Нашедшее почти на всѣхъ публицистовъ Европы повѣтріе восхваленія старины интересно для насъ лишь какъ симптомъ настроенія умовъ. Къ чему въ сущности сводятся всѣ подобныя сравненія, какая въ нихъ коренится основная мысль? Они сводятся къ тому, что эпоха натуральнаго хозяйства, когда предметы грубаго потребленія въ изобиліи, потому что ихъ продать некому, но за то самое это потребленіе крайне ограничено, гораздо лучше эпохи денежнаго хозяйства, когда потребности стали разнообразнѣе, но удовлетворять ихъ надо денежными знаками, добытыми трудомъ. Никто, конечно, не отрицаетъ, что въ абсолютномъ смыслѣ жизнь рабочаго стала теперь лучше, т. е. прихотливѣе. Но, признавая это, спрашиваютъ у себя, не слишкомъ ли дорогою цѣною куплено это улучшеніе, именно цѣною необезпеченности, и можетъ ли идти въ сравненіе прогрессъ въ бытѣ рабочихъ съ громаднымъ ростомъ достатка богатыхъ классовъ. Такимъ образомъ мотивы предпочтенія, отдаваемаго прошлому, двоякаго свойства: они заключаются въ боязни риска съ одной стороны, въ зависти къ чужимъ успѣхамъ съ другой. Другими словами, лучше ограничиваться немногимъ, лишь бы не подвергаться опаснымъ случайностямъ; лучше самому не пойти впередъ, чѣмъ быть свидѣтелемъ процвѣтанія другихъ.

Нельзя сказать, чтобы эти мотивы были особенно благороднаго свойства. Тѣ, которымъ они кажутся убѣдительными, забываютъ лишь два обстоятельства: рискъ всегда и вездѣ былъ неизбѣжнымъ условіемъ прогресса, и та сравнительная обезпеченность, которою отличалась старина, имѣла очень существенный коррективъ въ отсутствіи свободы. И вотъ въ концѣ XIX в. послѣ того, какъ столько усилій потребовалось, чтобы дать рабочему экономическое совершеннолѣтіе, мы начинаемъ сожалѣть о временахъ нашего младенчества, опла-

киваемъ помочи, которыя тогда носили. Эта страсть къ опекѣ, это предпочтеніе, отдаваемое обезпеченности передъ свободой, поистинѣ знаменательный симптомъ нашего времени. Поучительно въ немъ главнымъ образомъ вотъ что. Соціальные реформаторы постоянно твердятъ, что они стремятся къ идеалу, осуществленіе котораго далеко оставитъ за собою то, чему свидѣтели мы теперь. Они воображаютъ себя носителями самыхъ прогрессивныхъ стремленій человѣчества, а между тѣмъ все то, къ чему они хотятъ насъ вести, ничто иное, какъ повтореніе задовъ, какъ возвращеніе къ младенческой первобытности. Ихъ грезы походятъ на тѣ малодушныя сожалѣнія, которыя подчасъ охватываютъ людей въ ихъ зрѣлыхъ лѣтахъ и побуждаетъ ихъ безплодно сожалѣть о годахъ минувшаго дѣтства. Замѣчательнѣе всего, что въ основѣ этихъ сѣтованій лежитъ совершенно невѣрное, до наивности невѣрное представленіе о ходѣ экономическаго развитія. Публицисты, сколько нибудь окрашенные соціализмомъ и въ силу этого недовольные распредѣленіемъ богатства, представляютъ себѣ дѣлежъ продуктовъ между участниками въ производствѣ такимъ образомъ, какъ будто количество цѣнностей, подлежащихъ раздѣлу, всегда остается однимъ и тѣмъ же. Если бы оно въ самомъ дѣлѣ было такъ, имущественное неравенство, т. е. большая прибыль, полученная одними, несомнѣнно шла бы въ ущербъ остальнымъ, получалась бы на ихъ счетъ. Если бы дѣйствительно количество богатства оставалось неподвижнымъ, всякое увеличеніе достатка меньшинства было бы лишь ограбленіемъ всѣхъ прочихъ. Но въ томъ то и дѣло, что представленіе это совершенно фантастическое, что ростъ благосостоянія богатыхъ классовъ совершается не путемъ перемѣщенія богатства, а путемъ притока его со стороны, потому что растетъ сама масса продуктовъ, подлежащихъ распредѣленію. Такимъ образомъ при неограниченности этого роста, улучшеніе въ бытѣ рабочаго класса можетъ быть скорѣе достигнуто путемъ этого постояннаго процесса, чѣмъ посредствомъ завистливаго желанія переиначить условія распредѣленія. Въ этомъ то и заключается самое больное мѣсто умѣренной соціалистической школы.

Руководимая завистью, она, сознательно или нѣтъ, стремится къ такому порядку вещей, который равносиленъ экономическому застою. Лучше совсѣмъ не идти впередъ, лишь бы ни кто не опережалъ другаго, вотъ желаніе, которое лежитъ въ глубинѣ всѣхъ разсужденій этой школы.

Повидимому среди соціалистовъ есть много людей, понимающихъ это какъ нельзя лучше. По крайней мѣрѣ значительная ихъ часть ищетъ разрѣшенія задачи не въ этомъ направленіи. Всѣ сторонники начала коллективизма вовсе не мечтаютъ о возвращеніи къ тѣмъ идиллическимъ порядкамъ, когда всѣ довольствовались тѣмъ, что было произведено ихъ руками. Они сознаютъ, что такой идеалъ шелъ бы слишкомъ въ разрѣзъ съ механическими усовершенствованіями, требующими сосредоточенія рукъ и капиталовъ и крупнаго, а потому и дешеваго производства. Въ ихъ глазахъ все что идетъ наперекоръ этому стремленію нашего времени, все что отрицаетъ пользу раздѣленія труда и машиннаго производства не пригодно для партіи, всѣ надежды которой лежатъ впереди. И вотъ коллективисты думаютъ найти разрѣшеніе своей задачи, доводя современное направленіе промышленности до его крайнихъ логическихъ выводовъ, путемъ объединенія всего производства страны въ одну коллосальную фабрику. Мы познакомились съ попыткою осуществить эту идею въ разсмотрѣнной нами книгѣ Беллэми. Сознавая, должно быть, что уравненіе на почвѣ всеобщей бѣдности едва ли особенно многихъ прельститъ, коллективисты мечтаютъ объ идеалѣ совершенно противоположномъ,—о такомъ грандіозномъ расширеніи производства, которое доставило бы не только довольство, но и самую роскошь всѣмъ и каждому. Нельзя не признать, что въ этомъ отношеніи коллективисты стоятъ ближе къ требованіямъ вѣка, чѣмъ ихъ болѣе умѣренные противники, но къ достиженію своей мечты они прокладываютъ себѣ путь не менѣе несбыточный, чѣмъ сторонники пропорціональнаго вознагражденія. Послѣдніе готовы приговорить человѣчество къ истинно Діогеновскому воздержанію, упуская изъ виду непобѣдимое стремленіе людей къ матеріальному довольству. Коллективисты на-

оборотъ стараются прельстить своихъ послѣдователей призракомъ какого то земнаго рая. Но они съ такою же близорукостью забываютъ о томъ, что экономическій прогрессъ создается могучимъ стимуломъ единичнаго соревнованія и что убить этотъ двигающій нервъ значитъ устранить главный мотивъ къ энергической дѣятельности. И въ концѣ концевъ убѣдясь въ совершенной невозможности сохранить въ постоянной неподвижности крайне неустойчивый уровень экономическаго равновѣсія, они вынуждены прибѣгать къ цѣлой системѣ репрессивныхъ мѣръ, чтобы насильственно обуздать проявленія единичной воли.

И такъ одна изъ двухъ главныхъ соціалистическихъ школъ вынуждена оборачиваться спиною къ прогрессу и отрицать естественныя стремленія человѣка къ наслажденію, обѣщая ему въ будущемъ одинаковую для всѣхъ спартанскую похлебку. Другая, желающая наоборотъ воспользоваться всѣми плодами человѣческой изобрѣтательности, стремится къ идеалу одинаковаго для всѣхъ богатства. Но она въ свою очередь игнорируетъ главныя условія прогресса, убивая въ человѣкѣ наиболѣе могущественный стимулъ къ дѣятельности и отдаваясь иллюзіи, что можетъ наступить время, когда люди, насыщенные довольствомъ, успокоятся на этомъ и не захотятъ идти далѣе. Они забываютъ, что ихъ общество несомнѣнно постигла бы судьба Гетевскаго Фауста, переставшаго жить въ ту самую минуту, когда онъ почувствовалъ себя вполнѣ удовлетвореннымъ, хотя Фаустъ впрочемъ успокоился не на грубой матеріальной пресыщенности, а на результатахъ благотворнаго труда. Пріостановка движенія на какомъ угодно высокомъ уровнѣ довольства ничто иное, какъ смерть. Вотъ чего не хотятъ понять коллективисты; и тотъ самый прогрессъ, который привелъ бы къ достиженію ихъ идеала, тотчасъ бы обратился противъ него, какъ скоро онъ былъ бы достигнутъ. И въ этомъ отношеніи мы можемъ быть спокойны: цѣль, которую преслѣдуютъ обѣ соціалистическія школы, одинаково несбыточна. Если бы когда либо могла осуществиться система, о которой мечтаютъ коллективисты, система откармливанія

людей, какъ свинаго стада, противъ этого уравненія въ неподвижномъ довольствѣ тотчасъ бы возстали всѣ энергичныя натуры, всѣ, которымъ необходимо движеніе и которые, сознавая свое умственное превосходство, хотятъ проявить его на дѣлѣ. А общественный порядокъ, имѣющій противъ себя всѣхъ талантливыхъ людей, едва ли можетъ быть устойчивъ. Сторонники пропорціональнаго вознагражденія принимаютъ правда въ расчетъ законные права каждаго на удовлетвореніе по мѣрѣ труда и усилій, но тѣмъ самымъ они открываютъ лазейку къ возстановленію неравенства. А такъ какъ лелѣемые ими порядки никого не удовлетворятъ, требуя ото всѣхъ одинаковаго воздержанія, то и здѣсь естественное соревнованіе очень скоро разрушитъ недолговѣчное зданіе равенства.

Но если такимъ образомъ несбыточны конечныя цѣли соціалистовъ, неосуществимы идеалы, которые имъ мерещатся, то далеко не столь неосуществимъ переворотъ, которымъ они грозятъ современному обществу. Соціалистическое движеніе безплодно, потому что въ умахъ рабочаго класса оно тщательно воспитываетъ однѣ иллюзіи, но силой оно обладаетъ большой. Создать что либо новое хотя бы въ отдаленномъ будущемъ оно едва ли успѣетъ. Но въ виду той странной заманчивости, которою для многихъ обладаетъ соціализмъ, отуманивая ихъ головы какимъ то притяженіемъ бездны, нельзя довольно часто указывать на ошибочность его научныхъ основъ, на преувеличенность его горькихъ сѣтованій, на полную неосуществимость его положительныхъ выводовъ. Партія, готовая все разрушить, все предать огню и мечу и на мѣсто существующаго готовая воздвигнуть лишь воздушные замки, въ тоже время очень похожіе на каторжныя тюрьмы, не имѣетъ права ни на какое довѣріе. Мы очень хорошо знаемъ, что есть многіе соціалисты, для которыхъ эти доводы безразличны; въ движеніи, къ которому они примкнули, они видятъ лишь случай удовлетворить свое мстительное озлобленіе, либо половить рыбу въ мутной водѣ. Но для нихъ и писать не стоитъ. Къ счастью есть соціалисты иного пошиба, быть можетъ даже составляющіе большинство, соціалисты, увлекающіеся искрен-

но и столь же искренно вѣрящіе въ осуществимость коренного общественнаго преобразованія. Имъ то и слѣдуетъ постоянно напоминать, что прежде чѣмъ приступать къ разрушенію существующаго зданія надо хотя бы набросать планъ новаго, призваннаго его замѣнить, и хорошенько убѣдиться, что зданіе это въ самомъ дѣлѣ будетъ пригодно для его будущихъ обитателей.

